

Криста Слезак-Шиндлер

Искусство речи в школьном возрасте

Из опыта работы

Примеры стихотворений и упражнений по годам обучения

Перевод с нем. Т. Б. Здорик, Л. Г. Фельдмана

Москва
«Парсифаль»
1996

Содержание

Предисловие от издательства	6
Предисловие	8
Высказывания Р.Штейнера	9
Общее введение	12
Высказывания Р.Штейнера	14
Характерные примеры для ритмической части	17
Первый учебный год	17
Второй учебный год	38
Третий учебный год	52
Четвертый учебный год	63
Утренние изречения	82
Пятый учебный год	86
Шестой учебный год	104
Седьмой и восьмой учебные годы	129
Девятый учебный год	148
Десятый — двенадцатый учебные годы	164
Послесловие	194
Приложение 1. Об упражнениях для развития речи	196
Приложение 2. Стихотворения к праздникам	198
Приложение 3. Стихи о четырех стихийных элементах	238
Приложение 4. Стихи для 1-го класса	245
Приложение 5. Стихи для 2-го класса	252
Приложение 6. Стихи для 3-го класса	257
Приложение 7. Материалы для 4-го класса	273

Предисловие от издательства

Подготавливая к изданию перевод этой книги, мы прекрасно понимали, что это лишь полдела. Безусловно, мудрые указания автора о характере ритмической части в каждом классе принесут учителям огромную пользу. А немецкие стихи, приведенные в книге, могут стать прекрасным примером, отталкиваясь от которого российские учителя смогут собрать свой собственный материал. Но... Сокровищница русской поэзии столь велика... И надо просмотреть так много книг — толстых, разнообразных и, без всякого сомнения, полезных для учителя, но ведь это при таком, всем нам известном кризисе времени!.. Нам очень хотелось хотя бы немного облегчить труд учителей и дать в приложении к книге свою собственную подборку стихов русских поэтов для разных возрастных ступеней, на разные темы. Подборка эта была составлена, но, к сожалению, вместить все в одну книгу оказалось просто технически невозможным. Поэтому пока мы решили предложить вашему вниманию лишь часть нашей подборки, состоящую из семи приложений.

Первое приложение содержит русские аналоги тех речевых упражнений, которые встречаются вам в тексте; оно составлено специалистом по искусству речи Ниной Самохиной.

Второе, самое объемное, — стихи о праздниках. Мы не стали указывать, для какого именно возраста, на наш взгляд, предназначено то или иное стихотворение. Классные учителя смогут разобраться в этом сами, тем более что, как отмечает и сама К.Слезак-Шиндлер, очень многое при выборе стихов для работы с детьми зависит и от облика класса, и от собственных интересов и склонностей учителя. Еще мы хотели бы отметить и то, что подборка эта включает стихи поэтов разных эпох, порой написанных очень непростым языком, а также очень разного качества — от самой высокой поэзии до стихов вполне среднего уровня (пусть и принадлежащих иногда перу крупных поэтов). Но тем не менее мы решили, что эти стихи можно также использовать в некоторых случаях.

Следующее, третье приложение — стихи о четырех стихийных элементах. Их мы также не разделяем по возрастным ступеням.

Четыре следующих приложения — это материалы, подобранные по классам. Они несколько различны по составу. Материалы для 1, 2 и 4-го классов были предоставлены учителями Московской свободной вальдорфской школы, это опыт работы конкретных педагогов, часто с конкретными описаниями движений, жестов, которыми учитель сопровождал данное стихотворение, разучивая его с детьми. Приложение же шестое — стихи для 3-го класса — не является результатом опыта работы какого-либо учителя, это более общая и расширенная подборка стихов на ветхозаветные и другие темы 3-го класса. Может быть, не все стихи, связанные с Ветхим Заветом, окажутся доступными для

учеников 3-го класса, но мы исходили из того, что и из самых сложных стихотворений учитель может выбрать небольшие отрывки для работы.

К великому нашему сожалению, основная часть нашей подборки: стихи о природе для младшей, средней и старшей ступени, забавные стишки для начальных классов, а также баллады для 6—8-го классов — остались за рамками данной книги.

Мы очень надеемся, что у нас будет возможность в самом ближайшем будущем издать эту подборку — отдельным ли сборником или приложением к какой-либо книге нашего издательства, близкой по теме работе с речью.

Мы обращаемся к вам с просьбой присыпать нам свои собственные находки в нашей беспредельно огромной русской поэзии, а также описание собственного опыта. Частично ваши находки могут войти в планируемый сборник, а частично (особенно если они сопровождаются описанием вашего опыта) будут опубликованы в нашем альманахе «Педагогика свободы».

Мы ждем ваших материалов и заранее вам признателны.

Предисловие

С момента основания первой Свободной Вальдорфской школы в 1919 г. в Штутгарте Рудольф Штейнер много говорил о том, что в жизни человека художественная речь играет важную роль, и указывал на необходимость использовать ее в воспитании.

Таким образом, в школе постепенно стало распространяться множество речевых упражнений, которые и составили основу нового искусства — искусства речи (*Sprachgestaltung*), принципы которого получили наивысшее развитие в курсе Р.Штейнера «Искусство речи и драматическое искусство» (1924).

В своем заключительном слове по окончании первого курса Антропософской высшей школы в Дорнахе в 1920 г. Рудольф Штейнер сказал следующее:

«Нам нужно новое отношение к языку. Да, это звучит парадоксально, и тем не менее это правда: нам нужно новое отношение к языку, если мы хотим продвинуться вперед в развитии человечества».

В школьной работе с художественной речью оказывает большую помощь постоянное обращение к указаниям Р. Штейнера, поэтому в данной книге собраны отрывки из различных лекций и выступлений Штейнера, относящиеся к этой теме. Они помогут читателю понять наш выбор материала для разных степеней и форму его подачи. Кроме того, в книге собраны некоторые тексты и упражнения, и это хотя бы отчасти может удовлетворить потребность учителей в такого рода материалах, а также стать примером и импульсом для самостоятельной работы.

Я глубоко признательна тем людям во главе с Марией Штейнер, которые, неся в мир этот великий целительный импульс искусства речи, проложили для него путь.

Я благодарю также коллектив Свободной вальдорфской школы в Креевальде (Штутгарт), где я за шестнадцать лет преподавания искусства речи смогла приобрести в совместной работе с коллегами тот опыт, которым я здесь делюсь. В этой книге я ограничусь рассказом об утренней ритмически-речевой работе в классе. Рекомендации по разучиванию классных игр и по использованию речи для оказания санитарно-гигиенической и терапевтической помощи отдельным ученикам оставлены для преполагаемого продолжения книги.

Штутгарт 1978, Пасха
Криста Слезак-Шиндлер

Высказывания Р.Штейнера

«... Совершенно особое значение для воспитания имеет сегодня риторический элемент, в самом благородном смысле этого слова. Ни один воспитатель, в какой бы области воспитания он ни действовал, не должен упускать из виду идеала художественной речи, стремясь приблизиться к нему. В сущности следует постоянно культивировать речь...

... Хороши те мысли, которые, будучи прекрасно сформулированы в нашей речи, высекают в нас ответную мысль, столь же прекрасно сформулированную. Тогда в нашей речи живет нечто архангельское, и мы, имея возможность слушать речь, получаем больше, чем то, что может развить мышление...

... Нам сегодня, дабы не утратить последние остатки, еще живые сегодня в Гении речи и способные оказывать воздействие на все наше человеческое существование, нужно попытаться внедрить в речь музыкальные и пластически-живописные элементы, чтобы то, что находит выражение в речи, вызывало в нас ответную реакцию. Мы не можем позволить себе утратить это. Посему мы непременно должны выдвинуть к себе требование — в школе не говорить небрежно, неряшливо, а действительно формировать свою речь педагога и воспитателя таким образом, чтобы она в самом деле приобрела черты художественности. Это, конечно, создает известное неудобство, однако же имеет чрезвычайно большое значение...»

«Импульсы к внутреннему постижению профессии учителя и воспитателя», 1-я лекция 15.10.1923, Штутгарт (Библ. № 302а).

О пражзыке

«... Собственно говоря, этот язык был чудом. Помимо того что человек изначально ощущал побуждение соблюдать в речи ритм, говорить в такт, даже с ассонансами и аллитерациями, — помимо этого в пражзыке было нечто, позволяющее человеку чувствовать и мыслить в форме речи.

Эмоциональная жизнь наших далеких предков была такова, что в ней отсутствовали абстрактные чувства, подобные нашим нынешним; в тот самый момент, когда они испытывали чувство, пусть даже самое интимное, это чувство немедленно находило словесное воплощение. В древние времена нельзя было, скажем, испытать нежные чувства к ребенку, не выразив их в словах, исполненных жаром собственной души. Было бы бес-

смысленно просто сказать о ребенке: «Я нежно люблю его», — но, возможно, имело бы смысл такое высказывание: «Ой—ой—ой, как я люблю ребенка». Существовала постоянная потребность непосредственного выражения чувства в речи».

«Искусство речи и драматическое искусство», 1-я лекция, 5.9.1924, Дорнах (Библ. № 282).

«... В годы раннего детства Я должно работать не только над тем, чтобы пластично сформировать мозг, но и над достижением равновесия, которое человеку не дается просто с самого начала, как животным. Человеку приходится сперва отыскать правильный угол наклона своего костяка, соответствующий центру тяжести тела, чтобы обрести способность ходить, чтобы найти свой путь...

Также радикальным отличием человека от всех других существ служит его речь. Речь тоже должна быть еще завоевана человеческим Я.

Врожденного предрасположения говорить у человека нет. Речь не является тем, к чему человек склонен заведомо. Конечно, корова «говорит» «Му—у», но это еще не речь. Человек обретает способность к речи оттого, что каждое Я пребывает среди других человеческих Я. Если поместить человека на далекий остров, он не научится говорить. То, что у нас вырастают вторые зубы, — это свойство врожденное; то, что мы растем, — тоже. Зубы выросли бы у нас и на уединенном острове, но речь мы обретаем благодаря своему Я в ходе жизни, протекающей в кругу людей. Эти различия важны...»

«Работа Я над ребенком. — К пониманию сущности Христа», 25.2.1911, Цюрих (Библ. № 127, «Миссия нового духовного открытия»).

«...В наши дни люди стараются читать по линиям руки и по аналогичным внешним признакам. Они пытаются по этим симптомам распознать человеческую природу. Все эти вещи можно правильно понять лишь в том случае, если в таких проявлениях мы стремимся найти человека в целом, всего человека, если увидеть, как речь, превращающая человека из индивидуального существа в социальное, открытое вовне, в своем внутреннем движении и конфигурации отражает природу человека в целом. И не в силу простой случайности в нашей речи есть зубные, губные и нёбные звуки, они существуют потому, что при произнесении зубных звуков в речь вначале вовлекается голова, губных — грудь, а в нёбных — остальной человек...»

«Современная духовная жизнь и воспитание», 5-я лекция, 9.8.1923, Илкли (Библ. № 307).

«...Художественное порождает жажду правильных движений тела. Чем больше радости получает учитель от всего художественного, заключенного в форме и в музыкальных произве-

дениях, чем больше он стремится перевести абстрактно-произаическое слово в ритм стихотворения, чем больше в нем пластически-музыкального, тем более способен он так организовать игру и телесные упражнения, что те становятся для ребенка художественным переживанием».

«Современная духовная жизнь и воспитание», 7-я лекция.

Общее введение

Обучение в младших и средних классах вальдорфской школы начинается после утреннего изречения с так называемой ритмической части.

Художественный элемент, который проявляется в пении и игре на флейте, в речевых упражнениях и играх, помогает формированию класса три первых школьных года. Находясь еще полностью во власти подражания, дети воспринимают силу различных звуков, рифму и ритмическое движение. Постепенно у них возрастает потребность в искусстве речи и возникает желание обратиться к языку более осознанно. Это мы отчетливо ощущаем в 4, 5 и 6-м классах, именно тогда учащиеся переживают огромную радость, овладевая речью.

Классный учитель имеет возможность вплоть до 8-го класса следить за душевным и духовным развитием детей, выражаящемся в речи, и способствовать ему, давая все более индивидуальные упражнения. В старших классах это получает продолжение в эпохах языка и поэтики. Но и преподаватели искусства и истории и даже естественнонаучных дисциплин часто находят, что стоит пожертвовать некоторой частью драгоценного времени, отведенного на преподавание предмета, для совместных речевых упражнений или для чтения подходящих к слуху стихов, иллюстрирующих материал в образной форме. Это помогает детям воспринимать учебный материал, и таким образом потеря времени окупается. Как бы ни перемещался центр тяжести этой работы на протяжении школьных лет, в основе ее лежит нечто общее. Оставив повседневное прозаическое рассудочное слово, мы возносимся к укрепляющим нас потоку дыхания и живости ритма. Мы приучаем наше ухо к творческим движущим силам звуков и переживаем в речи возможность образного воплощения. Тогда в нас раскрывается способность вдохновляться красотой языка, передающаяся ученикам, она охватывает и окрыляет их, пробуждая в них художественное чувство. С этим художественным чувством они погружаются в процесс слушания, где им уготованы прекрасные ощущения. Удовольствие, получаемое в процессе дыхания и речи, оказывает неоценимую помощь при инкарнации индивидуального человеческого существа, и перед учителем с развитым чувством ответственности постоянно стоит вопрос:

«Открываю ли я тем людям, чье воспитание мне доверено, своим дыханием и манерой говорить врата к познанию мира и себя самого — или, наоборот, закрываю?» Пусть же в наших усилиях нас всегда ведет сама речь, и да сумеем мы уловить то, чего ожидают от нас дети в классе!

Очень важна и полна глубокого смысла та безусловная уверенность, с какой мы владеем различными изречениями, стишками, словесными упражнениями, материалом для рассказывания и большими стихотворениями, а также способность к легко воспринимаемым детьми движениям и жестам.

Речь и жест сосуществуют в тесном содружестве. «...Речь, не являющаяся воплощенным жестом, есть нечто, лишенное почвы под ногами...»

(«Искусство речи и драматическое искусство»)

Но жест лишь постепенно, мало-помалу внедряется в речь. У детей вплоть до девятого года жизни движения ног, пальцев, рук, сопровождающие речь, еще в основном следуют течению речи. Ритмически организованная речь оказывает упорядочивающее воздействие на деятельность конечностей. Детский возраст с присущим ему сангвиническим темпераментом жаждет этой формообразующей силы. Тут требуется терпеливое повторение занятий. А позже, примерно с 10 до 12 лет, пластические и музыкальные речевые упражнения должны способствовать расширению пространства речи и дыхания, и чем более оно расширяется, тем смелее душевная сила личности сможет проявиться в речи в «возрасте баллад» — в 13—15 лет. Так может здоровым образом раскрываться в речи все более усиливающаяся умственная жизнь, поддерживаемая собственной волей.

По мере подрастания детей своего класса учитель реально переживает вместе с ними то, как внешне-деятельный элемент движения в художественной речи, успокаиваясь, преобразуется во внутренний, исполненный воображения процесс душевно-духовной активности.

Стихотворения для этих занятий подбираются в соответствии с учебным планом вальдорфской школы. Хорошо себя зарекомендовала такая практика, когда учитель, преподающий искусство речи, на две или три недели, начиная с 4-го класса, берет на себя утренние речевые упражнения. Школьники бывают этому рады и в последующие годы воспринимают это как нечто само собой разумеющееся; а классный учитель может, тихо присутствуя при таких упражнениях (приблизительно двадцатиминутных), лучше почувствовать своих детей и получить новые импульсы для работы.

Высказывания Р.Штейнера

«...Рассмотрим сначала один вид деятельности, которой обучается ребенок, — речевую деятельность, — в ее отношении к общему развитию человека. Мы действительно должны сказать: то, чему тут учится ребенок, есть нечто замечательное; и, как говорит Жан-Поль, немецкий поэт, за три первых года жизни, — т.е. тогда, когда человек в основном выучивается ходить, говорить и думать, — он постигает гораздо больше, чем за три академических года. Хотя «три» академических года превратились фактически во многие, но и все еще за эти «три» академических года человек не познает больше, нежели ребенок за первые три года жизни. Итак, рассмотрим разговорную речь. Прежде всего устной речи присущи внешние, физико-психологические проявления, — наша гортань и прочие органы речи двигаются и приводят в движение воздух. Так возникает звук. Тут мы в известной мере приближаемся к пониманию внешнего, физико-психологического в речи. Но в том, что мы говорим, присутствует и душа. Она пронизывает и воспламеняет все звуки, которые мы произносим... И то, что вложено нами в речь, мы берем с собой, засыпая, и это остается нашей сущностью на все время между засыпанием и пробуждением...

...То, что человек, живущий, так сказать, целиком в материализме речи, возносит, засыпая, в духовный мир, — это ставит его, как ни странно, в затруднительные отношения с миром архангелов, в который он должен попадать каждую ночь — от засыпания до пробуждения; а тот, кто хранит в себе идеализм речи и знает, как живет в ней Гений речи, обретает надлежащие, правильные отношения с иерархией архангелов... Если человечество не желает потерять путь в духовный мир, оно должно суметь вновь вернуться к тому, чтобы все связанное с речью было проникнуто идеализмом..."

«Создание праздника св. Михаила-Архангела из духа — загадка внутреннего человека», лекция от 23.5.1923, Берлин (Билл. № 224).

«...Человеческая речь вообще возникла не из нашего обычного разговорного языка — точно так же, как письменность людей не вышла из нашего алфавита, начертания букв.

Возьмите для сравнения древнеегипетское иероглифическое (рисуночное) письмо, и оно еще даст вам некоторое представление об истоках письменности. Точно так же и процесс говорения не возник из нынешней разговорной речи, со-

держащей в себе все, что угодно: различные общие места, то, что можно познать из опыта, и т.д., а вышел из того художественного, что живет в человеке. Отсюда вывод: если хочешь постичь природу художественного, ты должен по меньшей мере чувствовать, что наша речь родилась из художественной сферы человека, а не из сферы его науки.

Были на Земле времена, когда люди вообще не могли говорить неритмично, но испытывали потребность говорить, соблюдая ритм, если они вообще говорили.

Было время, когда, например, высказывая что-либо особенно важное, не могли не обращать внимание на то, как построена речь. Возьмем самый простой пример: некто хочет, исходя из импульсов первобытной речи, сказать: «Человек споткнулся». Было бы достаточно сказать: «Он споткнулся о палку». Ибо палки в первобытном обществе валялись повсюду, их всегда хватало. Можно было бы сказать также: «Он споткнулся о камень». Но говорим не так, а вот как: «Он споткнулся о палку и камень»¹ — ибо в этом выражении (при этом совершенно неважно, насколько точно оно отражает внешний мир) заключен внутренний художественный импульс формирования... Исходя из первоначального речевого импульса, можно сказать: «Корабль пошел ко дну с людьми и мышами»². Этот импульс в наши дни почти исчез из человеческой речи. Почему он утратил свою бытую действенность — на то есть свои причины. Они состоят в том, что подобный импульс, к сожалению, не занимает доминирующего положения в школе, ибо наши школы — причем во всем мире — утеряли элемент художественности.

Именно потому мы в вальдорфской школе должны вновь вступиться за художественность, что наша школа ее потеряла, сделав ставку на науку. Но наука лишена художественности. И вот именно наука пропитала школу. Шаг за шагом в течение последних 4—5 столетий наша школа стала обращаться с теми, кто приходит в класс с художественными задатками, настолько варварски, что хуже и не придумаешь...

Если художественное начало отсутствует уже в школе и, следовательно, не существует в процессе воспитания, то понятным становится, что люди лишены его и в дальнейшей жизни. Поэтому-то у современного человека почти не развито художественное чувство, от этого незначительна и потребность в художественном оформлении речи.

¹ Т.е. споткнулся, так как бежал сломя голову. В оригинале — идиоматическое выражение *„über Stok und Stein“*; обычно оно переводится «сломя голову», «напролом». — Прим. переводчиков.

² Т.е. с живым и мертвым грузом. В оригинале — также идиома *«mit Mann und Maus»*, что переводится «с живым и мертвым грузом». — Прим. переводчиков.

Очень редко можно услышать: «Это сказано некрасиво», но зато весьма часто: «Это сказано неверно». Педантичный грамматик может выправить чьи-то ошибки, но человек с художественным чувством в наше время редко и мало исправляет чью-нибудь неказистую речь. Она приобрела настолько всеобщую обиходную форму, что это и не нужно...»

«Искусство речи и драматическое искусство», 1-я лекция, 5.9.1924, Дорнах (Библ. № 282).

«...В тот момент, когда ребенок начинает воспринимать образ, в нем просыпается интерес к языку. В первые семь лет жизни налицо интерес к жесту, к тому, что может быть выражено в движении, в возрасте же от 7 до 14 лет пробуждается интерес ко всему образному, а речь в высочайшей степени образна.

После смены зубов дети переносят свой интерес с жеста на речь. И в период пребывания ребенка в народной школе, т.е. от смены зубов до половой зрелости, на него можно воздействовать по преимуществу всем тем, что содержится в языке, включая и его моральное содержание. Ибо как раньше ребенок выражал свое религиозное отношение к окружающему миру в жесте, так теперь, когда религиозное чувство рафинируется в душевное, он относится ко всему, с чем встречается в языке, с моральных позиций...»

«Педагогическое значение человеческого познания и культурное значение педагогики», 3-я лекция, 19.7.1924, Архейм (Библ. № 310).

«...И учителю, и воспитателю нужно терпеливо заниматься самовоспитанием... Приступая к какой-либо деятельности, которая представляется одухотворенной, человек должен при любых обстоятельствах мочь вынести собственную неловкость. Кто неспособен перенести своей неумелости, того, что он многие вещи делает поначалу глупо и несовершенно, — тот никогда не сможет научиться по внутреннему побуждению делать их в совершенстве.

...Конечно, можно сказать: «Раз я поначалу так неуклюже подхожу к детям, мне тогда вообще нельзя становиться воспитателем!» Да, но как раз антропософское мировоззрение должно помочь вам продвинуться дальше. И тут вы должны себе сказать: «Нечто кармически влечет меня к детям, так что я могу быть с ними и как неумелый воспитатель. А те, с кем мне будет позволено не быть неумелым, будут посланы мне лишь в будущем...»

«Искусство воспитания, исходя из понимания сущности человека», 4-я лекция, 15.8.1924, Торки (Библ. № 311).

Характерные примеры для ритмической части

Младшая ступень — классы 1–4

Средняя ступень — классы 5–8

Старшая ступень — классы 9–12

ПЕРВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

С поступлением в школу ребенок открывается образной речи — в сказках и историях, в маленьких играх и коротких стишках. Если до сих пор он был, в силу природной склонности к подражанию, неутомим в играх, то теперь, со своим даром фантазии, он вовлекается прежде всего в мир речи и жестов любимого классного учителя. Ведь тот, словно волшебник, наполняет тесную классную комнату чудесными сказочными картинами и бесчисленными стихами.

И вот приходят короли и принцессы, крестьяне и пастухи — пестрая толпа персонажей, новых и издавна знакомых: ведьмы, карлики, гномы, эльфы, цветы и звери, солнце и ветер; в общем целый мир входит в класс. Обратимся же к подлинным народным сказкам, коротким стишкам и афористическим выражениям.

СКАЗКА

«Детские сказки рассказывают, дабы в их чистом и мягкому свете пробудились и росли первые мысли и сердечные силы ребенка. Но так как их простая поэзия способна каждому приносить радость, а их правда поучительна для всех и так как они остаются в доме, передаваясь по наследству, — их называют также домашними сказками. Сказка стоит вне мира, на спокойном, безмятежном месте, за пределы которого она в далекий мир не заглядывает. Поэтому ей неведомы ни имена, ни точные адреса, ни конкретная родина, и она представляет собой нечто, общее для всего Отечества».

Вильгельм Гrimm

Когда первоклассники слушают сказку, в классе воцаряется внимательная тишина. Погруженные в грезы, дети изумленно внимаю словам учителя, разворачивающего перед ними многоцветное образное полотно. Большинство детей спокойно по-

ложили руки на парты, у некоторых голова отяжелела и клонится книзу, но глаза широко открыты, и взгляд прикован к губам говорящего. Естественное ожидание и бесконечное доверие детей создают огромную готовность к восприятию. Мы ощущаем это как невысказанный призыв к нам — упражняться в рассказывании с особым тщанием. Нас может постичь и неудача! Мы ведь знаем, какие требования предъявляются сегодня к нам в первых классах из-за того, что многие дети отягощены самыми различными нарушениями психики и умственного развития, меняющими все их поведение. Как же нам все-таки оказывать на детей благотворное влияние?

Чем более добросовестно при подготовке сказки станем мы обращать свое внутреннее зрение и слух к ее образам и языку, чем живее будут движения наших губ, когда мы говорим, чем точнее деятельность языка и неба, чем послушнее вылетают звуки из наших органов и через воздушное пространство доносятся до слушателей, тем быстрее мы добьемся полного внимания. Дети замечают каждое слово. С каким наслаждением впитывает душа ребенка изящные обороты в красиво построенных фразах! Вспомним начало сказки о звездных талерах: «Жила-была однажды маленькая девочка, отец и мать ее умерли, и она была так бедна, что у нее не было ни каморочки, где бы можно было жить, ни кроватки, где бы можно было спать, и в конце концов осталось у нее лишь платье да кусочек хлеба в руке, поданный какой-то доброй душой из жалости, но была она добрая и кроткая».

За длинным вступительным оборотом следует короткая вторая фраза — всего несколько слов, именно поэтому оказывается она столь действенной.

Мы замечаем, как начинают блестеть глаза у детей, начившихся схватывать смысл такого маленького, незначительного словечка — «ли» — в тот самый миг, когда оно прозвучало: «А тебя не Румпельштильцхен ли звать?»³

Драгоценную путеводную нить к народным сказкам мы находим в двух лекциях Рудольфа Штейнера, изданных совместно под заголовком: «Сказочные вымысли в свете духовного исследования; толкование сказок», а также в двух докладах в

³ Румпельштильцхен — имя гнома, персонажа одиночной сказки бр. Гримм. Королева обещала отдать ему своего первенца за то, что он ранее спас ей жизнь и помог стать женой короля. Избавиться от выполнения обета она могла, лишь угадав имя гнома. Его звали столь необычно, что узнать имя оказалось возможным лишь благодаря счастливой случайности. Когда гном явился за ребенком, королева уже точно знала ответ, но сделала вид, будто отгадывает. Отсюда — построение фразы и важное значение слова «ли» (в оригинале — «etwa»). — Прим. переводчиков.

Берлине: «Свод мудрости розенкрайцеров в вымысле сказок» и «Символика и фантазия» от 10.6.1911 и от 19.12.1911 (Библ. № 127).

В первоначальной редакции сказок братьев Гримм простодушный и ясный стиль с его исконно народной образностью ведет нас к чистым истинам бытия. Здесь устами человека глаголет Гений речи. Прочтем же такую сказку.

ДИТИЯ ДЕВЫ МАРИИ

Жил однажды на краю большого леса дровосек с женой и единственной дочкой трех лет от роду. Но они были так бедны, что у них не хватало даже на хлеб насыщенный. Часто они не знали, чем накормить свое дитя. Однажды дровосек с головой, полной забот, пошел в лес на работу. Когда он рубил там дрова, вдруг пред ним предстала высокая красивая женщина в короне из сверкающих звезд и сказала: «Я — Дева Мария, мать младенца Христа. Приведи свою дочь ко мне. Я хочу взять ее с собой, стать ей матерью и заботиться о ней». Дровосек послушался и, приведя девочку, отдал ее Деве Марии, которая взяла ее с собой на Небо. Там девочке было хорошо. она кушала одни только пряники и запивала их молоком, все ее платья были из чистого золота, и ангелочки играли с нею. Так пробыла она на Небе 14 лет, и тут Деве Марии пришлось отправиться в дальний путь. Но перед тем, как уйти, она позвала девушку и сказала: «Милое дитя, я доверяю тебе эти ключи от тринадцати дверей Царства Небесного; двенадцать ты можешь отпереть и поглядеть, что за ними. Но тринадцатую, которую открывает вот этот маленький ключик, отпирать нельзя». Девушка пообещала быть послушной и сделать, как ей велено. После отъезда Девы Марии она стала каждый день открывать по одной двери и осматривать чертоги Царства Небесного. В каждом из них пребывал апостол, окруженный таким блеском и сиянием, что подобной роскоши и великолепия девушке в жизни не доводилось видеть. Когда же она отперла двенадцать дверей, осталась лишь последняя — запретная. Девушка долго противилась своему любопытству, но в конце концов не устояла и открыла тринадцатую дверь. Как только эта дверь отворилась, она увидела за ней, в пламени и блеске, Святую Троицу и чуть-чуть прикоснулась пальцем к Божественному сиянию. Палец тут же стал золотым. Тогда она быстро захлопнула дверь и убежала; сердце у нее было, что есть силы, и никак не хотелось успокоиться.

Пару дней спустя Дева Мария возвратилась из своей поездки и потребовала у девушки ключи от Неба, а когда та отдала их, Дева Мария посмотрела на нее и спросила: «А не открывала ли ты и тринадцатую дверь?» «Нет», — ответила девушка. Тогда Дева Мария положила ей руку на сердце, а сердце-то стучало так сильно, и Дева Мария заподозрила, что ее запрет был нарушен и дверь открывалась. «Ты в самом деле не сделала этого?» «Нет», — ответила девушка снова. Тут Дева Мария увидела ее золотой палец, которым та дотронулась до Небесного Огня, и твердо убедилась, что девушка виновна. Тогда она проговорила: «Ты не послушалась меня, соглаша и больше недостойна оставаться на Небе».

Девушка погрузилась в глубокий преглубокий сон, а проснулась уже на Земле, лежа под высоким деревом. Вокруг нее со всех сторон сомкнулись заросли густого кустарника, и уста ее тоже были замкнуты, так что она не могла выговорить ни слова. В дереве было дупло, куда она пряталась в дождь и непогоду и где спала по ночам; кореня и лесные ягоды служили ей пищей, она собирала их, пока это было можно.

Осенью девушка набрала листья и кореньев и снесла все в дупло, а когда потом пошел снег и стало холодно, она почти не выходила оттуда. Ее одежда изорвалась в клочья и спала с нее, так что ей пришлось совсем зарыться в листья. Когда же солнце снова начало пригревать, девушка выбралась из дупла, уселась под деревом, и длинные волосы укрыли ее плащом с головы до пят.

Однажды весной она сидела так возле дерева — и вдруг кто-то стал с силой ломиться сквозь кусты. Это был король, заблудившийся на охоте. Он был поражен, встретив в такой глухомани столь прелестную девушку в полном одиночестве, и спросил ее, не хочет ли она отправиться вместе с ним в его замок. Девушка не могла ответить словами, а лишь слегка кивнула головой, и тут король поднял ее в седло и увез к себе домой. Вскоре она так полюбилась ему, что он сделал ее своей супругой. Прошел ровно год, и королева произвела на свет прекрасного принца. Ночью ей явилась Дева Мария и сказала: «Признайся теперь, что ты открыла запретную дверь, и тогда я верну тебе речь, без которой ведь человеку и жизнь не в радость. Но если ты будешь упрямиться и не признаешься, то я возьму твоего сына к себе». Однако королева продолжала настаивать на том, что она дверь не открывала, тогда Дева Мария взяла дитя и исчезла с ним вместе. На следующее утро

после пропажи ребенка пошел шепоток, что, дескать, немая королева — людоедка и съела свое дитя.

Год спустя королева снова родила принца. И снова предстала перед ней Дева Мария и просила ее все же сказать правду — иначе она потеряет и второго сына. Но королева продолжала запираться и не призналась, что открывала запретную дверь. Тогда Дева Мария опять забрала младенца с собой. Утром, когда обнаружили, что он исчез, советники короля заявили уже громко, что королева — людоедка; они хотели судить королеву за ее безбожные дела. Однако король приказал им умолкнуть: он не хотел поверить в это, потому что очень любил королеву. На третий год она произвела на свет принцессу, и вновь появилась Дева Мария, взяла королеву с собой на Небо и показала ей там обоих ее сыновей, занятых игрой в мяч — мячом был шар земной. При этом Дева Мария еще раз обратилась к ней с просьбой признать свою ошибку и не упорствовать дальше во лжи.

Но королева не поддавалась никаким уговорам и оставалась при своем. Тогда Дева Мария покинула ее, забрав с собой и младшее дитя. Тут король уже не смог больше удержать своих советников, утверждавших, что королева — точно людоедка. А так как сама она была немой, то защищаться не могла. И приговорили ее к сожжению на костре. Когда она стояла, привязанная к столбу, и огненное кольцо вокруг нее уже начало разгораться, сердце ее все же дрогнуло, она подумала про себя: «Ах, если уж суждено мне умереть, как бы я хотела перед тем успеть признаться Деве Марии, что открывала запретную дверь на Небе. И как только я могла поступить так дурно, отрицая это!» И стоило лишь ей так подумать — в тот же самый миг Небеса отверзлись и оттуда спустилась Дева Мария, слева и справа от нее были старшие дети, а на руках она несла младшее дитя; огонь же погас сам собой. Подойдя к королеве, она проговорила: «Так как ты хотела сказать правду, вина тебе прощается». И, передав матери всех ее детей, Дева Мария отворила ей уста, так что отныне она могла говорить, и одарила ее счастьем на всю оставшуюся жизнь.

Гrimm (первоначальная редакция)

Активизируя свою память и в мыслях перебирая последовательно картину за картиной — в прямом, а также и в обратном порядке, — мы относительно легко и точно усваиваем эту по-

следовательность. Перечитывая сказку снова и снова, мы вскоре замечаем, что благодаря этому упражнению и проговариванию сказки про себя почти дословно усвоили ее текст.

Рудольф Штейнер указывает нам на два аспекта, особенно важных при подготовке к рассказыванию сказок: на хореический ритм и на консонантный элемент. С помощью согласных звуков мы оживляем образы, а также с помощью согласных — альвеолярных и воздушных, взрывных и плавных — мы лучше всего располагаем к себе детей различных темпераментов. Тут не нужно никакого искусственного душевного драматизма.

Скорее может помочь нам в этом различная сила согласных и сознательный, соответствующий тексту, выбор темпа речевого потока, необходимая динамика речи, напряжение и ослабление голоса — то громче, то тише. Сказка — эпический род поэзии, а не драматический. В сказках даже прямая речь не должна выпадать из их общего образного характера. Герберт Хан пишет в своей книге «О первоистоках душевной силы»⁴: «Часто спрашивают также: каким образом следует передавать речь животных и растений в сказках и баснях, которые рассказывают маленьким детям? Тут, разумеется, не обойтись без того, чтобы эти цветы, деревья, птицы изъяснялись совершенно по-человечески. Но именно как здоровые, естественные люди, т.е. ни в коем случае не интеллектуально и в еще меньшей степени — сентиментально... Безосновательны опасения, свойственные поначалу некоторым педагогам, что сказка, рассказанная таким образом, может показаться скучной. Если учитель сумеет с помощью своих внутренних занятий и активного звукового выражения воссоздать картины и, осмысленно используя паузы, говорить так, чтобы его просто охотно слушали, тогда уже и первый класс прослушает всю сказку, даже длинную, до конца.

Хореический ритм, который учит нас чувствовать согласные звуки (см. ниже цитату из Р.Штейнера), помогает нам, помимо того, найти при рассказывании сказок спокойный повествовательный тон, правильно, в соответствии со стилем, расставлять паузы.

Для упражнения речи учителя весьма действенны стихотворные произведения, написанные четырехстопным хореем.

В качестве примера можно привести строфу из эпоса Гердера «Сид»⁵:

Полон грусти дон Диего,
Вряд ли кто был так печален,

⁴ Herbert Hahn, «Von den Quellenkräften der Seele».

⁵ Примеры русских стихотворений, написанных четырехстопным хореем:
«Мчатся тучи, вьются тучи...», «Прибежали в избу дети...», «Трусоват был
Ваня бедный...» А.Пушкина, «Терек воет дик и злобен...» М.Лермонтова.

*Скорбно думал день и ночь он:
Лег на дом его позор...*

(См. «Искусство речи и драматическое искусство»).

Разумеется, тут подходят любые хореические стихотворения повествовательного характера, как, например, «Походный кубок» К.Ф. Мейера:

*Я нашел вчера при чистке позабытых полок шкафа
Первый кубок свой походный, мне доставшийся от папы.
Пыль годов с него стирал я, потихоньку напевая...
Ветер с гор вдруг ощущила голова моя седая,
Аромат лугов альпийских, где я в дрему погружался,
Враз ключи все зажурчали, чьей водой я упивался.*

Учитель, овладевший навыками свободного рассказа, способен все более и более увлекать слушающих его детей, каждый момент учитывая их настроение. В один прекрасный день, после попыток, которые, возможно, потребуют много труда, он сможет пользоваться этой своей способностью как чем-то само собой разумеющимся. Она вызывает в ребенке стремление дать волю воображению и представить все то, что он слышит.

Рассказывайте всегда с удовольствием, картины сказок истинны! На следующий день дети могут пересказать их в мельчайших подробностях. И никогда не забывайте о юморе!

Высказывания Р.Штейнера

«...Тому, кто хочет научиться чтению сказок вслух, хорошо при подготовке читать хореические стихи. Тогда он выработает в себе чувство, позволяющее выделять в сказке или легенде (короче говоря, в любой поэтической прозе) то, что надлежит особенно в них подчеркнуть, — настроение согласных. Если вы прочитаете сказку с упором на гласные, то создастся впечатление неестественности. Но прочтите ее, тонко подчеркивая согласные, — и вы создадите впечатление, правда, не естественности, но легкой таинственности. Она-то и должна присутствовать в сказке. Интонирование гласных совершенно неестественно для сказки, но когда в известной мере "проскальзывают" в согласные, все в целом отрывается от непосредственной действительности, приподнимается над ней, — и возникает ощущение тихой призрачности. Благодаря одному этому сказка, которая обращается с чувственной субстанцией так, будто это сверхъестественная субстанция, примиряется с восприятием, присущим человеку...»

«Искусство речи и драматическое искусство», 3-я лекция, 7.9.1924, Дорнах (Библ. № 282).

«...Это просто соответствует первоначальному восприятию — рассказывать в хореической форме; также возникает ощущение, что обрести тон повествовательного рассказа легче всего в хореическом метре...»

«Искусство речи и драматическое искусство», 4-я лекция, 8.9.1924, Дорнах (Библ. № 282).

«...Ребенок хочет пережить образы, пережить самого себя в образе. Тут как раз необходимо, чтобы учитель обладал воображением, он должен быть артистичным, тогда и его подход к ребенку приобретает нужную живость. И эта живость оказывает на ребенка непредсказуемое — в самом хорошем смысле — воздействие.

Тут дело обстоит как раз таким образом, что антропософия учит нас вновь поверить в легенды, сказки и даже мифы, так как в них силой воображения выражена высшая правда. Мы осваиваемся с тем, как на нашу душу воздействует легендарное, мифическое, сказочное. Благодаря этому, наша речь, обращенная к ребенку, проникается нашей собственной верой и глубже усваивается им. Это привносит правдивость в отношения между воспитателем и ребенком, тогда как частенько в такого рода отношениях господствует неправда. Ложь воцаряется сразу же, как только учитель скажет себе: «Ребенок глуп, а я человек толковый, ребенок верит в сказки, и поэтому мне приходится их рассказывать. С ребенком подобает поступать именно так». Тогда в его рассказ немедленно проникает рассудочность. А у детей как раз в возрасте между сменой зубов и половой зрелостью тончайшее чутье на то, что правит учителем, рассудок или воображение. Рассудок действует на жизнь ребенка опустошающим, иссушающим образом, тогда как фантазия оживляет и возбуждает...»

«Искусство воспитания, исходя из понимания сущности человека», 2-я лекция 13.8.1924, Торки (Библ. № 311).

«...В широких кругах ошибочно считается самым легким рецитация и декламация прозаических произведений. В действительности это самое трудное, поскольку рецитировать прозаические произведения нужно так, чтобы открывалась самая глубокая художественная форма. Все то, что может быть выявлено в лирике, эпосе, драме тонкого, глубокого и т.д. — все это должно взаимодействовать, как в большом синтезе, если нечто поэтическое, написанное в прозаической форме, предстоит произносить вслух. И именно в таком художественном чтении, с его легкими оттенками, нужно дать возможность прозвучать, всему тому что содержится в стихотворном или ином по форме поэтическом произведении искусства.

Обычно в устной передаче при художественном чтении и декламации выделяется сильным подчеркиванием, резко обозначенными углами и контурами все то, что следует всегда давать лишь намеком, выделяя легким акцентированием.

Если читать так, то повествование в своей сущности пронизывается душой. Пронизывается душой! Еще на добрый порядок более должна быть пронизана душой действительно художественная передача прозы при чтении вслух. И то, что повествование пронизывается душой, должно явиться побудительным импульсом, позволяющим нам повсюду, выходя за пределы рассудочного понимания заключенных в словах представлений, облекать их в образы..."

«Искусство устного выступления», 6.4.1924, Дорнах (Библ. № 281).

«...Как мне кажется, настрой сказки вообще есть нечто, вполне оправданно становящееся между внешним миром и всем тем, что некогда, в древние времена первобытного ясновидения людей, человек усматривал в духовных мирах, что он мог бы углядеть еще и сегодня, будь он способен подняться к духовным мирам благодаря особым, необычным задаткам или ясновидению, приобретенному в результате регулярного упражнения.

Мир сказки служит промежуточным звеном между духовным миром и внешним миром реальной действительности, миром рассудка и чувств.

В сказке сохранилось нечто, пережитое людьми в их древнем ясновидении в форме, столь узаконенной именно потому, что никто из тех, в чью душу изливается сказка, не претендует на совпадение ее черт с внешней действительностью. И в сказочной фантазии бедный парень, у которого нет ничего, кроме умного говорящего кота, получает во владение дворец, вторгающийся из сказки в реальную действительность. Поэтому сказка может служить чудесной духовной пищей для любого возраста. Рассказывая ребенку подходящие сказки, мы увлекаем детскую душу — иначе бы она навсегда застыла, будучи настроена на то или иное понятие, совпадающее с внешней реальностью, ибо подобное отношение к действительности иссушает и опустошает душу. Напротив, душа остается живой и свежей, проникающей всю конституцию человека, если она чувствует реальность в высшем смысле, закономерно воплощенную в образах сказочных картин, которые, возвышают душу, вовсе унося ее из внешнего реального мира.

Человек, ощущивший воздействие сказок на свою душу, будет держаться в жизни крепче, воспринимать жизнь активнее..."

«Символика и фантазия», 19.12.1911, Берлин, (Библ. № 127).

«...О, сказки — это вправду клад души.
Духовный дар их долго сохранится,
И после нашей смерти все еще
Он даст плоды в земной грядущей жизни.
Они на правду смутно намекают,
А из намеков этих наши души
Творят познанье, нужное нам в жизни».

«Испытание души», Мистерия Рудольфа Штейнера, 9-я картина. (Библ. № 14).

«...Если мы сделаем что-то для улучшения нашей памяти, это тоже, в сущности, способно укрепить наше эфирное тело. Для укрепления эфирного, или жизненного, тела можно сделать невероятно много, если не только мысленно перебирать известные нам вещи в том порядке, в котором мы знаем их обычно, но еще и пробегать их также в обратном порядке. Скажем, к примеру, в школе требуется заучить ряд государей, сражений или иных событий. Из заучиваются в соответствии с хронологией. Необычайно полезно заучивать это школьникам или самому учителю не только в прямой последовательности, но и в обратном порядке, мысленно проигрывая весь ход событий задом наперед. Это исключительно важно. Так как если мы делаем нечто подобное, охватывая все более обширный материал, мы тем самым опять-таки способствуем чрезвычайному укреплению нашего эфирного тела. Продумывать от конца к началу целые драмы, прочитанные нами рассказы и тому подобное в высшей степени важно для консолидации эфирного тела...»

«Нервность и сфера Я». Лекция от 11.01.1912, Мюнхен (В кн. «Опыты сверхчувственного. Пути души к Христу». Библ. № 143).

«...Но если люди таковы, что постоянно впадают в ошибку недостаточного развития, то все же при всем присутствует хороший дух, бодрствующий над человеком, так что человек все еще сохранил чувство истины, хотя и весьма смутное. Подобное смутное чувство истины у человека обусловлено тем, что в его окружении действует некто наподобие Духа языка. Язык действительно умнее людей. Конечно, люди многое в языке регулируют и разрушают, но все в языке разрушить не удается.

Язык разумнее, чем сами люди. Поэтому, оказывая своими чарами влияние на человека, язык действует совершенно правильно, тогда как сам человек в своей душевной жизни делает ошибки. Исходя из этого, я хочу все же теперь показать, что человек чувствует правильно, когда он говорит, когда он отдается не своей собственной душе, а душе языка...»

«Антропософия, психософия, пневматософия». Часть 2.
«Психософия». Лекция от 2.11.1910, Берлин (Библ. № 115).

КОРОТКИЕ СТИШКИ

Множество красивых стихов и рифмованных строчек помогают ввести учащихся 1, 2, 3-го классов в первичные элементы речи — такие, как слог и звук, рифма, тakt и ритм. Чувствовать «шаг» ритма слов ногами, еще более чутко переживать слоги в движениях кистей и пальцев рук — на это направлен весь внутренний интерес ребенка вплоть до девятого года его жизни.

Взмахивать ритмически руками, попробовать на слух все звуки и, распрабовав, слушать, как они звучат, — это одушевляет ребенка и воздействует на развитие органов его тела. Каждый ребенок жаждет претворить речь в действие, в движение. Что происходит? Коротко резюмируем это так:

Шаг помогает артикулировать речь, понять ее всем существом в слогах, такте и ритме; шаг оживляет речь.

Движения рук и кистей поясняют внутренние жесты речи, течение речи наполняется гармонией.

Движения пальцев содействуют восприятию речи и развитию способности говорить.

Все сказанное выше может постичь каждый, кто имеет с этим дело. Но от чего это зависит? В большей степени от того, в какой мере сам воспитатель разовьет в себе чувство движения, и от его отношения к двигателльному элементу. Описать это весьма трудно. Станем придерживаться середины, как это присуще самой речи, особенно художественной. Не будем ни слишком твердыми, ни слишком легковесными, ни слишком грубыми, ни слишком мягкими. Чрезсурп сильные хлопки в ладоши и топанье забивают речь, мешают ее восприятию, она становится рассудочной и жесткой. А чрезсурп поверхностное, слабое соприкосновение ладоней и пальцев недостаточно способствует восприятию речи. Слегка разжимать пальцы и слегка скимать их в кулак — не стискивать, не напрягаться — вот это делает речь живой. Тут нам снова помогает образ. Руки — это ветви, колышущиеся на ветру, пальцы — порхающие птицы. Мышки, само собой, бегают на цыпочках, великаны ступают твердо, а улитка — осторожно, всей стопой.

Как нам успокоить первый класс, настроить его на начало занятий и сотрудничество? Несколько примеров:

«*Чу — все птички в гнездах*» — учитель своим движением увлекает весь класс: руки скрещиваются, пальцы спрятаны; когда все дети успокоятся, руки с движущимися пальцами надо широко раскинуть, чтобы затем спрятать их за спину:

*Ай, ай, ай,
в чужой далекий край*

Когда звучит вторая строфа, «птички» снова оказываются впереди;

*много птичек улетает,
они быть с нами не желают.
Но там, далеко,
птичкам вовсе не легко,
скоро возвратились,
песнями залились.*

(А. Баур)

«Чу» — и снова все птички в гнездах. Движения должны быть красивыми и согласованными с речью.

Следующий пример. Слегка сжатые кулаки покоятся друг на друге.

Двигаясь по небольшому кругу и равномерно кулаками отстукивая ритм слов, мы произносим:

<i>Ночью черной в выси горной — гномы в пляс! Вскочь несутся, власть смеются, — стихием враз!</i>	<i>Мы разжимаем кулаки, пальцами изображаем смех и вновь сжимаем их.</i>
---	--

(Х. Дистель)

Как любят дети всякие деревья: гордую прямостольную ель, липу с ее колышущейся кроной и плакучую иву с гибкими ветвями, овеваемыми ветром.

Ввести в эту тему, а также переходить от одного дерева к другому легко, используя простую мелодию, например, на такой текст:

*Мы бродим, мы бродим
с места на место,
нам хочется послушать возле елки,
что за тайну она нам напечет:
"Я темная елка, росла я в покое
Молчаливо и строго навстречу звездам".*
Мы бродим, мы бродим...
Под жужжение пчел, под гуденье шмелей
Липа тихо колышется ветром.
Мы бродим, мы бродим...
Тихо, тихо веет ветер,
Продувая ветви ивы,
Вновь и вновь, вверх и вниз —
Он баюкает птенца.

(Х. Дистель)

При чтении второй строфы нужно медленно выпрямиться из положения на корточках, соединив над головой кисти рук жестом, устремленным к небу.

При чтении третьей строфы следует, охватив руками голову, слегка покачиваться всем корпусом из стороны в сторону.

на последней строчке концы пальцев соприкасаются и при слове «Чу» прячутся под мышками.

При чтении четвертой строфы руки, словно ветви, свободно свисают вниз и ритмично раскачиваются, сначала из стороны в сторону, затем вверх и вниз⁶.

Если ветер был слишком сильным, птенчик мог выпасть из гнезда; мы поднимаем его и кладем в гнездышко, сложенное из наших ладоней:

*Маленький птенчик, дай покачать;
ты же совсем не умеешь летать,
Дай покачаю туда и сюда,
очень качаться ты любишь всегда!*

Вырастешь скоро, скажешь: «Прощай». ладони раскрываются и
Что же, птенец, веселей улетай! руки слегка приподнимаются.

(Х. Дистель)

На двух последних строках ладони раскрываются и руки слегка приподнимаются.

*В нашем домишке
орудуют мышки
И шуршат, и стучат –
по комодам и шкафам,
по скамейкам и столам.
Все воруют, все крадут,
но поймать не дадут:
шмыг – и нет!*

Двигаясь равномерным медленным шагом в ритме стиха, с опорой на всю стопу:

*Тихо ползает улитка,
с места трогается тихо.*

*Доползает еле-еле
с угла в угол за неделю!
Пробирается улитка
еле-еле сквозь траву!*

*Если б я улиткой стал,
по-другому б я бежал!*

ходьба переходит в
быстрый энергичный бег

(Ф. Гюльль)

Помогают пережить выразительность речи стишки, в которых переживание событий вызывается самими звуками⁷.

Дети воображают себя то гномом, под чьей тяжелой поступью трещат и ломаются сучья и хворост, то медведем — и слышат при этом, как он своей твердой башкой тычется в горшок с медом: «гук–гук–гук».

Мы приводим здесь два таких стишка.

⁶ В качестве замены можно взять книжку И. Токмаковой «Деревья».

⁷ Т.е. стихи, построенные на звукоподражаниях. Мы приводим здесь подстрочные переводы стихов, чтобы учителя могли подобрать русские аналоги. — Прим. переводчиков.

*Клиппдиклапп да книккдикнакк.
Рано рано на рассвете
с кошелём за плечами
идет-бредет по бору гном.
С ветки кричит кукушка:
«Оглянись, маленький гость!»
Л из своей тесной норки
высовывает головку мышь.
Клиппдиклапп да книккдикнакк.
С кошелём за плечами,
рано, рано на рассвете
идет-бредет по бору гном.*

(Х. Дистель)

*Жил однажды бурый медведь,
брумм-брумм-брумм,
он танцевал примерно так —
крутясь вокруг себя.
Кивая толстую башкой,
рукк-рукк-рукк,
он сунул ее в горшок с медом,
гукк-гукк-гукк.
Своим шершавым красным языком,
лекк-лекк-лекк,
он лакомится медом, прямо без хлеба,
лекк-лекк-лекк.*

(М. Гарф)

Дети постигают все через звук и движение:

*Птички, распахните крылья,
Летите через все холмы,
Вознеситесь вверх прямо к солнцу,
Пропойте песню, полную радости и упоения.
Проворные форели скользят и развятся радостно
В светлых струях ручья.*

(Х. Дистель)

Дети охотно бьют кулачками в барабан, а их пальцы танцуют, словно мышки, в такт с вашими словами:

*Бим - бам - броммель,
Била кошка в барабан,
Четыре маленьких мышки танцевали в ряд, — в конце все разом
И при этом грохотала вся земля. топают ногами*

(Из немецкого фольклора)

Или дети стучат кулаком о кулак, подражая кузнецу:

*Веселей, кузнец, трудись,
Надо подковать лошадку.*

*Чтоб она бежала рысью,
Придется ей носить подковы.**

(Х. Дистель)

Очень любим детьми старый овечий пастух Зибеншу (в переводе — Семибашмачкин). Он стоит на лугу возле леса и вяжет. Чтобы шерстяная нитка с его клубка не цеплялась за кусты, мы поднимаем клубок с земли и держим его в левой руке. Правой берем нитку и красивым движением руки в ритме дыхания протягиваем ее пастуху во время чтения каждой строки. При этом важно схватывать нить, плавным небыстрым движением протягивать ее пастуху и выпускать из рук:

Старый овечий пастух Зибеншу

Курит табак и вяжет притом.

Шерсть он берет

У славной овечки Марии,

И из нее Зибеншу вяжет спокойно толстый чулок

(М. Гарф)

Важно потом опять положить клубок шерсти на землю!

Стоит привести еще несколько стишков. Сопровождающие их движения должны быть естественными, как бы получающимися сами собой; подчас эти движения могут быть весьма экономными, а стишки — совсем коротенькими, так как часто детей успокаивает и радует уже само их звучание.

Голубые фиалки в саду

Мечтают дождаться Пасхи.

(М. Гарф)

— Нужно нагнуться, защищая ладонями фиалку, и выпрямиться, подняв кисти рук вверху.

Качайся, язык колокола, качайся,

Звони, колокол, звони;

Звени, колокол, звени,

Нынче воскресенье, воскресенье!

Или праздник или другой день.

(М. Гарф)

*Бим-бам, бим-бам,
праздник начинается.*

*птичка поет,
зайчик скакает,*

Земля слушает,

бим-бам, бим-бам

деревце шумит,

Праздник начинается!

(Х. Дистель)

Ощущая в ритме, рифме и движении собственное тело, дети приходят в себя:

*Две быстрых ножки,
чтоб бегать и прыгать,*

*две прилежных ручки,
чтоб ношу нести,*

* Здесь, подойдет английский народный стишок в переводе С. Маршака:

«Эй, кузнец, молодец,
расковался жеребец...»

*ротик, болтать чтоб
и спрашивать все,
два уха, чтоб слушать,
что скажут другие;*

*два открытых глаза —
смотреть, что вокруг,
а в самой глубинке — сердечко,
чтоб делать одно лишь — любить.*
(Из немецкого фольклора)

*Ушами мы слышим,
Глазами — глядим,
Руками — творим,
Ногами — идем и стоим.*
(Э. Краних)

*Правая и левая —
это пара рук, —
правая и левая
трудятся весело и свободно.*

*Правая и левая
должны прилежно двигаться,
одна рука всегда
приходит на помощь другой.*

показать правую и левую руки,
хлопки в ладоши и т. д.

(Э. Дюнфорт)

Для ног аналогичное стихотворение:

*Правая и левая —
это пара ног,
правая и левая
шагают весело и свободно.
Правая и левая,
несите меня повсюду
твердой поступью и шаг за шагом
к добродушной цели.*

Движения не должны быть стандартными, чтобы дети всегда принимали их с радостью и интересом; но при чтении одного и того же стихотворения раз заученные жесты менять не следует, иначе дети запутаются. Часто поражают терпение и выдержка, с которыми дети повторяют подобные стишкы; это их духовная пища. Если поискать, то можно найти бесчисленное множество коротких стихов и рифмованных строчек, подходящих для таких занятий. Из числа уже апробированных приведем еще несколько.

Резво так бежит лошадка, —

— дважды хлопнуть по бедрам,
дважды хлопнуть в ладоши,
повторить то же еще раз

Вверх на горку, вниз под горку.

— дважды хлопнуть по бедрам,
дважды дотронуться до плеч,
дважды хлопнуть в ладоши,
дважды — по бедрам

Слыша, как бубенчик звякнул,

*веселее дальше скачет, —
на лужок, бережок —
и в домок⁹.*

(Х. Дистель)¹⁰

- четырежды стукнуть указательным пальцем правой руки по указательному пальцу левой (отбивая первые четыре слога) и четырежды — указательным пальцем левой руки по указательному пальцу (отбивая последние четыре слога)
- как первая строка
- как вторая строка
- дважды хлопнуть в ладони, на слове «домок» — подпрыгнуть, опустив прямые руки вдоль тела

Нижеследующие цитаты из лекций Р.Штейнера помогут нам глубже понять взаимосвязь между движениями конечностей и прочих частей тела, с одной стороны, и развитием речи — с другой.

Высказывания Р. Штейнера.

«...Когда дети приходят в первый класс школы, нужно подыскать материал для рассказывания с последующим пересказом его детьми. Мы рассказываем детям сказки и предания, а также описываем какие-то реальные факты жизни, а потом просим их пересказать. Так мы формируем их речь. Мы создаем основу для перехода от диалектной речи к языку образованных людей. Следя за тем, чтобы ребенок правильно говорил, мы заложим также и основу правописания...

...И хорошо бы следить за тем (поскольку мы имеем дело с поэтическими произведениями), чтобы дети, особенно в 1-м и 2-м классах, прочувствовали инстинктивно ритм, рифму, тант, а в 3-м и 4-м классах пережили внутреннюю конструкцию стихотворения, т.е. все, относящееся к его внутренней красоте...»

«Искусство воспитания. Семинарские занятия и лекции учебного плана», 1-я лекция учебного плана, 6.9.1919, Штутгарт (Библ. № 295).

«... В первый период жизни, примерно до полных девяти лет, ребенку хочется все впечатления, проникающие к нему из окружающего мира, переживать согласно своему внутреннему ритму и такту, единому, во-первых, с ритмом его дыхания и

⁹ В тексте — на луг, через насыпь (или береговой вал) и в стойло. — Прим. переводчиков.

¹⁰ Далее опущен ряд немецких стихов, не сопровождаемых описанием движений.

бienia сердца, а через них, опосредованно, с тем, как формируются его мускулы, его кости. Если же его внутренние ритмы не согласованы с внешними, если одно не переходит в известной мере в другое, то ребенок развивается — хотя внешне это не сразу заметно — как внутренне ущербный человек, своего рода калека.

Ребенок до девятого года жизни включительно стремится во что бы то ни стало внутренне переживать все ритмично, в такт... И лишь в полных девять лет и далее, до двенадцатого года жизни, ребенок приобретает понятие о ритме и такте как таковых, о мелодическом такте как таковом. Теперь ему не хочется столь сильно внутренне копировать ритмы и такт; он воспринимает их как некие образования, находящиеся вне его...

На двенадцатом году жизни и даже несколько ранее у ребенка впервые пробуждается способность осмысливать все то, что раньше он переживал музыкально и ритмически исключительно в меру своей фантазии...

Теперь, когда ребенку уже около двенадцати лет, у него пробуждается желание не просто жить ритмически, но позволить своему чувству ритма и такта перейти в абстрактное мышление, точно так же, как в этом возрасте постепенно все больше укрепляется часть мускулов, переходя в голые сухожилия..."

«Здоровое развитие телесно-физического как основа свободного развития душевно-духовного». Рождественский курс для учителей, 9-я лекция. 31.12.1921, Дорнах (Библ. № 303).

«...Умеющий наблюдать знает совершенно точно: нормальное развитие ребенка протекает так. Он учится говорить, когда уже научился ходить и брать различные предметы, как бы на основе этого умения. Когда ребенок учится говорить, можно заметить, что то, как ступает ребенок — крепко или легко, проявляется в ритме его речи, в акцентировании слогов, в том, насколько энергично он говорит. А затем мы заметим связь между модуляциями речи ребенка, тем, как он выделяет каждое слово, и тем, как он учится владеть своими пальчиками, сгибая и разгиная их. Но тот, кто способен наблюдать и скрытые стороны человеческого организма, сможет познать следующее: как признает и современное эволюционное учение, у человека — правши двигательный центр речи находится в левой третьей лобной извилине мозга, так называемой извилине Брука».

Это дает очень простое физиологическое представление о характерной взаимосвязи между речью и хватательной, мани-

¹¹ Поль Брука (1824 - 1880) — французский анатом и антрополог, открыл в 1863 г. двигательный центр речи в мозгу человека.

пуляционной способностью всей руки и ее кисти. Но такой наблюдатель узнает помимо того, насколько интимно движение голосовых связок; настройка всей системы органов речи приобретает точно тот же характер, что и система движений при ходьбе и хватании. Однако при нормальном развитии ребенка способность говорить, которая ведь развивается в подражание окружающим, может совсем не развиться, пока в жизни ребенка не появится основа для поисков положения равновесия...»

«Сотворение праздника Св. Михаила из духа — загадка внутреннего человека», лекция от 23.5.1923, Берлин. Напечатано в книге «Душа человека в ее взаимосвязи с божественно-духовными индивидуальностями» (Библ. № 224).

«... Язык — это претворенное движение и претворенное равновесие человека. Тот, кто способен, созерцая духовно-душевное, прийти к осознанию действительности, видит, что в мелодическом элементе речи продолжает действовать ловкость, сноровка — не в готовом виде, а как усилие, которое совершает ребенок, дабы приобрести ту ловкость и сноровку, какую кисть нашей руки приобретает при хватательных движениях. Ритм речи находит выражение в том, как человек ставит ноги при ходьбе. Полны смысла наблюдения над тем, как ступает ребенок, когда он учится ходить, — ступает ли он сперва на пятку, на подушечки стопы или на пальцы ног.

Из речи вырастает детское мышление, так стремительно вызревающее в человеке. Ходьба, речь, мышление — все это развивается из того смутного, как бы сонного состояния сознания...

Вернемся теперь к самому первому, чему учится ребенок, — к ходьбе и умению удерживать равновесие. С этим связано больше, чем думают обычно.

С этим связано следующее: наше Я вызывает вполне определенный процесс, превращающий человека из ползающего существа в прямоходящее. Я человека выпрямляет его, астральное тело воздействует на восприятие речи выпрямившимся существом, эфирное тело понижает все это силой мышления, но все их воздействия направлены внутрь физического тела...»

«Три этапа пробуждения человеческой души», лекция от 28.4.1923, Прага. Напечатано в книге «Душа человека в ее взаимосвязи с божественно-духовными индивидуальностями» (Библ. № 224).

«Приглядитесь как-нибудь к детям сзади. Одни ходят, ступая всей стопой ноги, другие семенят на цыпочках. Все остальные возможные случаи лежат между этими крайними. Да, желая воспитывать ребенка, необходимо совершенно точно знать, как он ходит. Ибо ребенок, твердо ступающий по земле

пятками, обнаруживает в этой мелкой черте своего телесного проявления, что в своей предыдущей инкарнации он крепко стоял на ногах в жизни, что он всем интересовался. Поэтому, имея дело с таким ребенком, следует стремиться по возможности извлекать из него все, что удастся, ибо в детях, твердо ступающих на пятку, многое чего заключено. Напротив, дети, семенящие, едва касающиеся пятками земли, прожили свою прежнюю земную жизнь поверхностно, небрежно, и из таких многое не извлечь; необходимо стараться многое делать вблизи них, с тем чтобы они смогли что-то перенять...»

«Искусство воспитания, исходя из сущности человека», 2-я лекция, 13.8.1924, Торки (Библ. № 311).

«... Если вы углубитесь в изучение этой взаимосвязи, если вы посмотрите, как в восходящем процессе формирования фраз ноги воздействуют на говорение, как в процесс артикуляции, т.е. внутреннего прочувствования структуры предложения, поднимается и входит смысловое содержание слов, — вы будете иметь во всем этом отображение того, как ритмические движения ног влияют на движения рук и кистей, которые носят более внутренний характер. А потому, если ребенок при ходьбе держится преимущественно прямо, в этом проявляется и телесная основа правильного членения речи при говорении. Конечно, эта основа имеет уже духовную природу, но проявляется в телесном. Иначе говоря, ребенок, двигая ногами, учится правильно строить предложения. Вы увидите: если у ребенка расхлябанная походка, он также не соблюдает и правильных интервалов между предложениями, и в его речи все сливаются. А если ребенок не научится как следует гармоничным движениям рук, то и речь у него будет неблагозвучной, каркающей. И если вы не сумели добиться, чтобы ребенок ощущал жизнь в своих пальцах, то у него не возникнет и чувства того, как следует модулировать голосом при говорении...»

Вы видите из этой внутренней взаимосвязи, что правильное соотношение у человека возникает вследствие того, что вначале его учат ходить и, насколько возможно, избегают учить говорить, пока он не научится ходить. Учить говорить — если соблюдать правильную последовательность — нужно на основе обучения ходьбе и движениям рук. В противном случае речь ребенка не будет основываться на целостном развитии всего человека, а будет звучать лишь как неразборчивый лепет. Весьма часто встречаются люди, которые, к примеру, мямят вместо того, чтобы говорить. Это как раз такие случаи, когда в свое время не обращалось должного внимания на те обстоятельства, о которых я только что говорил».

«Педагогическая практика с точки зрения духовно научного познания человека», 2-я лекция, 16.4.1923, Дорнах (Библ. № 306).

«Сам язык содержит в себе отчетливо различимый музикальный элемент, строго связанный с внутренним миром человека. Но помимо этого в языке присутствует пластический, изобразительный элемент. Мы, сами, не осознавая того, пытаемся, будучи еще совсем маленькими детьми, воспроизводить в своей речи то, что мы воспринимаем чувственно. На примере речи мы особенно ясно понимаем, что музыкальное начало и пластическое начало работают в двух взаимопротивоположных направлениях. Развивая у человека в большей мере музикальный элемент, который формируется в особенности под влиянием авторитета учителя, мы тем самым уничтожаем в ребенке его пластические склонности. Видите ли, музикальный элемент речи развивается под влиянием авторитета таким образом, что ребенок, в сущности, постоянно старается инстинктивно говорить так, как тот, кого он воспринимает в качестве авторитета, — вплоть до малейших деталей интонации.

Приспособляемость к музыкальному элементу в речи авторитетной личности (мы не станем здесь утверждать, правильно это или неправильно) имеет место просто в силу того, что она — в природе ребенка... Но сказанное справедливо лишь по отношению к детям, пребывающим в народной школе. В меньшей мере это относится к ребенку в возрасте от рождения до поступления в школу, когда он обучается языку. В этот период жизни ребенок является подражателем и развивает речь исходя из всего своего человеческого естества, постоянно приспосабливаясь к окружающим его людям.

Тут в становление речи вмешивается многое, и это приводит к тому, что она складывается пластически. Но поскольку человек является подражателем — вплоть до глубочайших внутренних механизмов его существа, — то в эту пору пластический элемент формируется одновременно и внутренне. Мы можем указать на коренное различие в развитии речи. От рождения до смены зубов ребенок формирует свою речь пластически. Если ребенку повезет и он сможет на этом отрезке жизни приобщиться к диалектной речи, которая заведомо имеет более внутреннюю связь с человеком, нежели литературный язык, то ребенок, сообразно своей воле и влиянию авторитета, окажется гораздо более интимно связан с речью, чем если бы он учился с рождения литературному языку...»

«Обновление педагогико-дидактического искусства духовной наукой», 9-я лекция, 4.5.1940, Базель (Библ. № 301).

ВТОРОЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

Постепенно сказки обособляются от легенд и особенно от рассказов о животных и басен. Басня, вызывающая у нас довольно понимающую ухмылку, в противоположность сказке рассказывается реалистически и со слегка подчеркнутой интонацией, независимо от того, написана она прозой или стихами¹². Учителю рекомендуется почитать сочинения Лессинга о басне. Многие басни хорошо представлять в форме игры в кругу, причем весь стоящий по кругу класс служит хором, а солисты располагаются в середине. Приведем несколько примеров:

Все сплошь олени

*Олень с великолепными рогами
О восемнадцати отростках пошел гулять.
А мимо заяц пробегал.
Олена увидав, оторопел и сделал стойку.
На всех на четырех застыл он лапках;
Уставаясь на олена, он глазеет,
На лапки поднялся, скакнул поближе
И говорит: «Взгляни-ка на меня!
Я — маленький олень, ведь стоит мне
Лиши ушки навострить — и у меня
Такие же рога, как у тебя».
Осел его услышал и сказал:
«Ты прав, мы все одной породы:
Олень, и я, и ты».
Олень косой лишь бросил взгляд
И в лес свой удалился.*

(И. Глейм)

Лягушки

*Обширный пруд покрылся льдом зимою.
Лягушки в глубине укрылись под водою.
Ни прыгать им невмочь, ни квакать, в самом деле,
Обмоловиться смогли, однако ж, в полусне:
Попасть бы им наверх, на волю по весне,
Ей-ей, как соловьи, тогда б они запели.
Повеяло теплом, растаял сверху лед,
Они на берег выбрались — и вот,
Рассевшись гордо так повсюду у пруда,
Заквакали точь-в-точью, как квакали всегда.*

(И. В. Гёте)

¹² Здесь пропущен абзац, в котором автор перечисляет немецкие сборники басен. В русской литературе есть множество сборников басен различных авторов, начиная от Хемницера, Дмитриева и кончая современными.

Здесь, естественно, чтению предшествует кваканье всего класса, постепенно смолкающее при замерзании, а в конце басни раздается радостное кваканье освободившихся лягушат¹³.

Кот и воробей

— Где ты будешь зимовать? —
Кот спросил у воробья.
— Там и тут, везде и всюду, —
Отвечает воробей.
— Где обедать будешь ты? —
Кот спросил у воробья.
— У несушек на гумне, —
Отвечает воробей.
— Где ты будешь ночевать? —
Кот спросил у воробья.
— Сцепать хочешь? Что же, с Богом! —
Фр-р! И быстро улетел.

(Аноним)

Басенка привлекает своим динамизмом и представляет хорошее упражнение для языка¹⁴.

Произнося с детьми короткие стишкы, надо заботиться о том, чтобы их сопровождающие движения соответствовали смыслу и чтобы ритм все более точно воспринимался через хлопки и шаги. При этом рукам легче стать ритмичными, чем ногам. Ноги этого достигают постепенно, путем упражнения, состоящего в том, что на коротких слогах ступают на цыпочки, на длинных — на всю стопу. Аналогичное упражнение для рук: короткие слоги при хлопке отбиваются тише и свободными, не напряженными пальцами, а длинные — всей ладонью, что придает длинному слогу более полный и сильный «звук».

Очень хороши многочисленные стишкы о лошадях; дети снова и снова весело повторяют их, ритмично двигаясь по кругу или хлопая. Для начала и окончания ритмической части можно выбрать, например, такие:

У меня на конюшне четыре лошадки,
Они рысью проворно бегут без оглядки,

¹³ Далее следует маленькая басня о зайцах, скачущих на лесной опушке. Заслышав приближение охотника, зайчики успевают разбежаться. На пихте остается лишь ворона, каркнувшая охотнику: «Слишком поздно!» В стишке много звукоподражаний и разнообразных восклицаний, доставляющих детям особое удовольствие. Переводить басню нецелесообразно. Приблизительный аналог: «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять...» — Прим. переводчиков.

¹⁴ Имеется в виду немецкий текст. — Прим. переводчиков.

Они скачут по кругу скорей друг за другом,
Чтобы после опять тихо, молча стоять.

(Х. Дистель)

В путь, в путь, за шагом шаг!
Мчись, лошадка, на рысях!
Мчись, мчись, мчись,
В рысь, в рысь, в рысь.
И в галоп, в галоп, в галоп —
Хоп, хоп, хоп, хоп!
Лети, мой конь,
Через леса и долы,
Неси меня
В мой замок.
Мой конь, на ночь глядя,
Тихо отправился в путь,
Сверкая серебром подков,
При свете звезд.

— шаг, сперва медленный и спокойный, становится быстрей
— подскоки
— шаг постепенно успокаивается, и мы переходим к точному ритму¹⁵

(Х. Дистель)

Продолжать можно по-разному — например, стоя отбивать ритм хлопками, короткие слоги — легче, длинные — сильнее:

Эй, беги, лошадка,
в горы без оглядки,
с горок вниз
рысью мчись,
без оглядки, напролом
в утро — прыг прямиком!

— при словах «напролом» и «прыг прямиком» — подпрыгнуть и вновь продолжать в другом ритме¹⁶

(Х. Дистель)

Между отдельными стишками каждый раз повторяется: «Мчись, мчись, мчись, в рысь, в рысь, в рысь...» и т.д. Связь с шагом укрепляет речь. Сперва дети пусть слушают, постепенно все они станут говорить вместе с нами.

С этими лошадьми можно обходиться весьма динамично:

Еле-еле тащатся грустные лошадки,
Голову повесили до самой земли.

¹⁵ Слова о четком ритме относятся к немецкому тексту, здесь же приводится подстрочник. — Прим. переводчиков

¹⁶ Здесь приводится стишок в четыре строки о лошадке с резвыми ногами и блестящими копытами, точно совпадающий по размеру (4-стопный хорей) с известным стихотворением А.Барто:

«Я люблю свою лошадку,
Причешу ей шерстку гладко,
Гребешком приглажу хвостик
И верхом поеду в гости». — Прим. переводчиков.

*На рисах несутся прыткие лошадки,
Звонкие копыта их по земле стучат.
Скачут галопом смелые лошадки,
Головы задрали, копытами бьют.*

*Мои белые кони любят медленный шаг,
Вдоль по дороге идут не спеша.
А гнедые мои вечно рысью бегут
И вверх, и вниз — с холма на холм.
Мои вороные несутся в галоп,
Любую преграду с ходу берут!*
(Х. Дистель)

Мы осторожно нащупываем ногой ритм коротких и длинных слогов, следя шагу охотника, как он идет в таком стихотворении:

*Идет неслышным шагом
Охотник в бору сосновом...
По ветру держится простак!
От того-то и самый маленький зайчикон
Учуэт своим носиком,
Что подходит его враг! —
И быстро ушмыгнет.*

(Х. Моргенштерн)

Между этими ритмическими упражнениями следует вставлять специальные упражнения, в которых отбивается тakt кулаками (попеременно с шагом)¹⁷.

Множество стишков прекрасно увязываются с маленькими «прогулками», которые весьма способствуют развитию речи. Дети радуются, если при этом они вновь встречаются со стишками, разученными в первом классе; они радуются всему, что они могут делать сами. Коротко наметим такого рода «разговорную прогулку», во время которой мы бегаем и прыгаем, то останавливаемся, то вновь идем, ступаем то твердым, то легким шагом. Мы движемся по кругу:

*Мы радостно отправляемся из дома, — шаги в ритме слогов
Мы бежим на луг.
Привет, привет тебе, солнечный луг, — остановиться, нагнуться к
Мы слышим, что говорит нам солнце: земле и выпрямиться к небу*

¹⁷ Далее следуют стихи Н.Ленау о коне и М.Титмана о кузнеце повелителе огня, написанные четырехсложным хореем.

*«Я Мать – Солнце,
Ночью и днем я пошу землю.
Я держу ее крепко и шлю ей лучи,
чтобы все на ней могло расти.
Камень и цветок, человек и зверь –
все получает свой свет от меня.
Раскрой свое сердце как маленький кубок,
Ибо я хочу светить и внутрь его!
Раскрой свое сердечко, милое дитя,
Чтобы мы оба были светом!»*

(Х. Моргенштерн)

– делать простые движения
в соответствии с текстом

*Весело подлетают пчелки.
Они появились, чтобы полакомиться;
А шмели гудят и возятся в чашечке цветка.
Трепеща крылышками, порхают бабочки.
Им хорошо, они довольны!*

(Х. Дистель)

– вытянутые руки опускаются
сверху, сближаясь, пальцы
шевелятся, их кончики со-
прикасаются на слове «лако-
миться», дальнейшие движе-
ния найти легко

Мы радостно отправляемся из дома, легким шагом идем к овечьему пастуху; а затем твердым шагом к лесу.¹⁸

Нижеследующая игра к Рождественским дням составлена из песен и стихов. Ее назначение — дать импульс и ободрить собственные «поэтические» опыты детей.

Рождественская игра для 3-го класса (годится и для 2-го класса)

Используется в предрождественское время.

Составлена Хельмутом Линдхаймером. Включает песни, стихи, а также связующие тексты.

Действующие лица: 9 ангелов (у одного из них посох со звездой), Иосиф, Мария, 11 пастухов, Красный царь-волхв со свитой из 4-х человек, Синий царь-волхв со свитой из 4-х человек, Зелёный царь-волхв со свитой из 4-х человек (мавров).

Появляются в вышеперечисленном порядке, образуя круг.

Вступительная песенка:

*В небе звездном легким шагом
Мимо солнца и луны
Шла Мария и младенцу
Светлые несла дары.
Перед взором звезд высоких*

¹⁸ Далее следуют стишкы из 1-го года обучения: про пастуха Зибеншу, о деревьях и звукоподражательный стишок о гноме.

Дева чистая идет,
Серебро с небес и золото
К Рождеству она несет.
«Из лучей солнца одеты, —
Просит солнышко она, —.
Подари сыночку радость,
Счастье дай ему, Луна».
С пеньем звездочки Мария
В санки легкие впряжен
И с небес на землю Деву
Колесница прнесет.

(Пер. М. Гиверц)

Вся компания становится полукругом. Иосиф и Мария вступают в середину, за ними располагаются девять ангелов.

9 ангелов (говорят все хором):

В ночи раздается звук,
словно чай-то голосок тихо смеется,
словно зазвенели колокольчики стада,
словно звезды упали на землю.¹⁹

Ангелы заключают Марию и Иосифа в круг. Посох со звездой на-
клоняется. В наклоне звезды — намек на рождение младенца Иисуса.

Ангелы поют (пентатоническое пение в тональности «ля»):

Оля-ля, оля-ля²⁰, Рождество,
ангела принесли младенца,
все люди станут его баюкать,
все зверюшки кротко прильнут к нему,
все цветочки шлют ему светлый привет,
все камни припадут к его ногам,
все существа станут ему служить,
Херувимы и Серафимы.

(Х. Хан)

Ангелы размыкают круг и становятся полукругом позади Марии, Иосифа и яслей.

Мария поет:

Иосиф, мой милый Иосиф,
помоги мне баюкать младенца.
В Царстве Небесном
наградит тебя за это Господь —
сын девы Марии.

Иосиф поет:

Милая моя Мария,

¹⁹ Автор всех стихов в Рождественской игре, кроме текстов песен, — М. Гарф.

²⁰ В оригинале: *wiegela, wiegela*. — Прим. переводчиков.

я охотно помогу тебе качать дитя.
В Царстве Небесном
наградит меня за это Господь—
сын девы Марии.

Процессия движется по кругу через сцену, причем ангелы, Иосиф и Мария входят в нее. Вся процессия поет песню:

Возрадуйтесь, земля и звезд шатер.
Аллилуйя.
Сын Божий явился в мир,
Аллилуйя.
Избранный нам во спасенье,
Он родился для нас, он родился сегодня.
Взгляните на прекраснейшую розу в цвету,
Аллилуйя,
Она раскрылась на ветви Господней,
Аллилуйя,
Избранный нам во спасенье...

Все опять становятся полукругом. Справа на сцене спят пастухи. Ангелы становятся за ними. Ангелы поют:

Я спустился к вам с Небесной высоты,
я несу вам новую добрую весть,
такую огромную добрую весть,
о ней я хочу вам пропеть и сказать.
Для вас родился сегодня младенец
от избранной свыше Девы.
Младенец так нежен, прекрасен,
пусть станет он вашей радостью и блаженством.

Пастухи проявляют беспокойство и просыпаются. Один поет:

Что происходит,
светает уже,
но знаю, ведь полночь сейчас,
Гляньте-ка туда!
Гляньте-ка туда!
Как звездочки сверкают,
с каждой минутой все ярче!

Ангелы покидают пастухов и становятся позади Марии и Иосифа в центре сцены. Один из пастухов встает и своей песней призывает встать других. Он поет:

Собирайте, собирайте
своих овечек.
Собирайте, собирайте,
я вам что-то покажу.
Там, в хлеву; там, в хлеву — показывает рукой на хлев
вы увидите чудо.
Собирайте-ка овечек!

Пастухи собирают овец и движутся с пением того же текста к яслям. Один пастух заглядывает с некоторым любопытством в ясли и затем поет, обращаясь к прочим пастухам:

*Я заглянул лишь издали, чуть чуть,
и мое сердце затрепетало от радости:
там в яслях, рядом с ослом и волом,
лежит чудесное дитя, чудесное дитя.*

Теперь поют все пастухи, окружая Марию, Иосифа и ясли:

*Подите на луга, возьмите там ягненочка
и принесите чудесному младенцу Христу.
Только идите осторожно, тихонько,
чтоб не потревожить младенца.*

Пастухи становятся справа и слева от Христа и говорят:

*Мы пастухи, идем из Вифлеема
и вдруг видим — выглядывают вол и осел.
Они кивают нам, приветствуя наклоном головы,
наверно, там с ними ребенок лежит.*

Пастухи преклоняют колена и говорят:

*Привет Тебе, о Святое Дитя,
Славим Тебя хвалебным пением
и звуками арфы.
Озари наши сердца
Твоим небесным светом.*

Пастухи поднимаются с колен и говорят стоя:

*Мария готовит ребенка ко сну,
бычок тихонько мычит ему,
а ослик кротко в ясли глядит.
Спи, младенец, спи, баю-бай.*

Процессия движется по кругу через сцену, при этом ангелы, Иосиф, Мария и пастухи включаются в круг. Они поют:

Возрадуйтесь, земля и звезд шатер... (см. выше)

Звучит кантеле или лира (пентатоника, тональность «ля»).

Иосиф и Мария вступают внутрь круга; ангелы становятся полукругом за ними. Подходит с пением Красный царь-волхв со свитой:

*Нас зовут три святых царя-волхва,
мы идем издалека, с Востока.*

Подходит Синий царь-волхв со свитой, поют те же слова.

Подходит Зеленый царь-волхв со своей свитой, снова поют те же слова.

Трое волхвов, каждый во главе своей свиты, становятся тремя группами перед яслями. Волхвы с их свитами говорят:

*Нас послал Господь,
мы пришли сюда,
мы шли за звездой из Восточной страны.*

*Мы вышли все вместе из за горы
и видим — над домом стоит звезда.*

Волхвы опускаются на колени и поклоняются младенцу. Три царя-волхва говорят:

*Всем нашим сердцем мы любим младенца.
Золото, мирру и ладан
мы принесли ему в дар.
Золото, мирру и ладан несем,
Да станет дитя это нашим царем.*

Свита Красного царя-волхва говорит, преклонив колена:

Что ярко и ясно так светит в ночи?

То золото, что младенцу принес Мельхиор.

Свита Синего царя-волхва говорит, преклонив колена:

Что там колышется, вьется,

Что за облачко там серебрится?

То ладан, что старый принес Балтазар.

Свита Зеленого царя-волхва:

Что так терпко, целебно проникло нам в кровь?

То душистая мирра, Каспара дар.

Три царя-волхва и свита — хором:

Золото, ладан и мирру,

Сердце, волю и чувства —

О дитя Господне,

Милостиво прими все в дар...

Волхвы и их свиты поднимаются с колен и говорят:

Прощайте, люди, мир вам,

Мы уходим вновь.

Мы, три святых царя-волхва

Следуем за звездой.

Зеленый царь-волхв и его свита с пением удаляются к дому:

Нас зовут три святых царя-волхва,

мы идем издалека, с Востока.

Так же поступают Синий и Красный цари-волхвы с их свитами. Процессия проходит кругом, в нее включаются ангелы, Иосиф и Мария.

Все поют:

Возрадуйтесь, земля и звезд шатер,

Аллилуйя.

Сын Божий явился в мир

Аллилуйя.

Нам во спасенье

Избранный,

Он родился для нас,

Он родился сегодня.

Торжественное, созерцательное и воодушевляющее настроение нисходит на детей благодаря стихам и коротким изречениям, произносимым в течение года всем классом без сопровождающих движений. Они создают у детей состояние внутренней готовности к учебе.

*Лишь в тепле, в тишине
зреют добрые дела —
молчаливая воля,
стать ростком моей силы!*

(Х. Хан)

*Пребудь я в мечтах и во снах,
все бы проспал;
если б не проснулся,
остался бы слабым;
хорошо лишь одно —
подлинная отвага,
железо в крови.*

(Х. Хан)²¹

Такие стихотворения не предназначены для ежедневных упражнений, скорее они поддерживают общий настрой, созданный учителем.

Учителю вальдорфской школы предоставлены богатые возможности обращаться со словом творчески. Обычно каждому ребенку ежегодно вместе с характеристикой учитель выдает небольшое стихотворение или рифмованное изречение. Оно помогает ребенку, указывает ему путь, следуя которым он мог бы прожить следующий год. Особый контакт устанавливается в младших классах, если учитель сочиняет такие стихотворения по преимуществу сам. Приводится несколько примеров для 2-го и 3-го года обучения²².

За 2-й год обучения расширяется лексическое пространство, и стихотворения становятся теперь длиннее. Голоса детей, особенно в хоре, искусственно форсировать нежелательно, они

²¹ Далее пропущены два стихотворения Х.Хана, дидактически-воспитательного содержания; и одно — М.Титмана, пейзажное, созерцательное, с описанием красок осенней листвы и фруктов.

²² Здесь пропущены 9 коротких стихов. О личных стихотворениях для детей — см. ст. М.Титмана и Х.Мюллера «Лечашая сила слова и ритма» в альманахе «Педагогика свободы» № 3. Там же — подборка стихов для учеников 4-го класса, сделанная учителем МСВШ С.Ловягиным.

тогда слишком быстро приобретают кричащий невыразительный тон: дети начинают монотонно орать без всякого выражения. Этого мы можем избежать, подождав с усилением громкости речи до тех пор, пока на 3-м и 4-м году обучения звуки, образующиеся при артикуляции, не станут чище, насыщенней, сочней. На этот процесс благотворно влияют коротенькие стишечки, где игра построена на звуках:

<i>Ципп-цапп-цессса,</i>	— перекрекаются указательные
<i>принц и принцесса,</i>	пальцы обеих рук;
<i>цаппель-цаппель,</i>	— слоги отбиваются кончиками
<i>триппель-трраппель,</i>	пальцев ног;
<i>румм-румм-румм</i>	— топают всей ступней ²³ .

Также здоровому развитию органов речи помогают короткие народные стишечки-считалки, которыми учитель может пользоваться в различных играх в кругу, в догонялках, прятках и т.п.²⁴

Высказывания Р.Штейнера

«...Для развития языкового элемента очень важно донести до человека художественное. Ведь все языки исходят из непосредственно пережитого.

Если только удастся — опять-таки посредством собственных ощущений — уловить, как разился языковой элемент в соответствии с ощущениями, то абсолютно повсюду в звуке можно услышать еще и то значение слов, которое заключает в себе уже пережитое или то, что может быть пережито.

Ведь в нашей абстрагированной жизни это чувство почти утрачено, и мы односторонне держимся в языке за его логический, а не художественный аспект. Конечно, логическое во всех языках присутствует, но это ведь скелет языка, т.е. нечто мертвое. Жизнь языка, которую нельзя пережить без участия Гения языка, заключает в себе еще многое другое помимо чисто логического...

И я хотел бы указать на то положение, до которого мы сегодня дошли: мы уже не переживаем вещи — что могли бы делать как раз посредством языка, — но живем, как бы не замечая вещей. Наша цивилизация постепенно приобрела неряшливый

²³ Далее приведена еще одна подобная звуковая игра, непереводимая на русский; она воспроизводит полет и теньканье серебристой синицы. — Прим. переводчиков.

²⁴ Примеры рифмованных считалок мы не сочли нужным переводить из-за обилия аналогов в русском языке. — Прим. переводчиков.

облик. Нам необходимо снова отыскать возможность вжиться в слова, жить вместе со словами. Только тогда мы сможем реализовать выдвинутое мной требование: чтобы ребенка, после того как он будет несколько введен в курс грамматики, а затем — риторики, т.е. красоты речи, вводили также в художественный аспект языка. И мы обязаны ввести ребенка в художественный аспект языка. Это имеет также и интернациональное значение, и необычайно важно уяснить себе сегодня, что так называемый социальный вопрос весьма часто может рассматриваться под другими углами зрения, чем он видится ныне...»

«Здоровое развитие телесно-физического как основа здорового развития душевно-духовного». Рождественский курс для учителей, 14 я лекция, 5.1.1922, Дорнах (Библ. № 303).

«...Первоначально мы ведь воспринимаем весь мир в сущности как действие и недостаточно это учитываем. В известном смысле мы, будучи детьми, упускаем из виду все субстантивное, все то, что относится к имени существительному. Мы принимаем это как нечто само собой разумеющееся. Напротив, нам прежде всего бросается в глаза действие, в том числе и наша собственная деятельность.

Вы скажете: этому противоречит то, что ребенок сначала говорит «мама», «папа» или «дядя», но противоречия здесь нет, ибо, выговаривая звуки именно в таком порядке, ребенок персонифицирует действия, обращенные на него соответствующим лицом.

Вы повсюду заметите, что процесс освоения ребенком разговорной речи — это первоначально персонификация действия, а все относящееся к имени существительному приходит потом.

Мы вполне можем это учсть впоследствии, рассматривая диалектную речь. Попытайтесь воспринять диалектные слова тогда, когда их выговаривает ребенок, и потом постараитесь внутренне прочувствовать их; и тогда вы ощутите, что диалектные слова таковы, что вжиться в жест, который мог бы сопровождать диалектное слово, бесконечно легко. Более того, диалектное слово требует, чтобы человек принял в нем участие, в него вжился...

И потом, мы прекрасно могли бы дать произносимым на диалектах словам взаимодействовать между собой и, переводя это на так называемый литературный язык, непосредственно ощутить в живом взаимном обсуждении с детьми, как в так называемом обиходном языке культурных людей, в книжном языке улетучивается некий аромат, присущий языку. Тем более что мы можем затем перейти к тому, что книжный язык способен по-

мочь нам внутренне усвоить, а именно к обучению, воспитанию мышления. Ибо, когда мы имеем дело с книжным языком, нам приходится гораздо больше обращать внимание на выявление мысли, лежащей в его основе, чем в том случае, когда мы имеем дело с диалектом..."

«Обновление педагогико-дидактического искусства посредством духовной науки», 9 я лекция, 4.5.1920, Базель (Библ. № 301).

«...В основных чертах, в самом существенном ребенок в возрасте от 1-го года жизни до 7 лет проявляет себя в жестах, а от 7-го и приблизительно до 14-го года включительно — в языке, в речи, как я это объяснял вчера; а формирование мышления протекает, опять-таки приблизительно, с 14 лет до 21 года. Но то, что проявляется около 21 года, в зачаточном виде тоже формируется уже в самую первую эпоху жизни — от рождения до смены зубов. Что же касается усвоения жестов, проявляющихся в ходьбе, в движениях рук, лицевых мускулов, т.е. всего того, что представляет собой ориентирование в целом, вживание в жесты и мимику лица, — все это в основных чертах развивается уже на протяжении первой трети этих семи лет, т.е. в первые 2¹/₂ года. На этот период развития ребенка приходится главное в формировании жестов. Развитие жестов в дальнейшем продолжается, в добавление к этому начинает развиваться в более интимной сфере то, что внутренне может запечатлеть все относящееся к языку.

Хотя ребенок уже и раньше издает звуки, но внутреннее освоение языка закладывается позже — через 2¹/₂ года. Чувство языка вырабатывается в возрасте от 7 до 14 лет, но его зачатки есть уже в период от 2¹/₂, до 4²/₃, года. Все это, естественно, в усредненном виде. А затем у ребенка развиваются первые задатки способности к внутреннему переживанию мыслей. То, что лишь позже, в 14—21 год, обнаруживается и расцветает, в зародыше развивается между 4²/₃, и 7 годами. Общее становление личности, конечно, продолжается, но в него вторгается многое другое; так что период времени, когда в основном протекает формирование жестов, мы должны отнести к первым 2¹/₂, годам жизни. То, что приобретено в это время, укореняется, естественно, глубже всего — только представьте, как основательно действует принцип подражания именно в самый первый период жизни..."

«Педагогическое значение познания человека и культурное значение педагогики», 4-я лекция, 20.7.1924, Арнгейм (Библ. № 310).

«... Прислушиваясь к ребенку, учась распознавать, каков его голос — гармоничный и мягко-симпатичный или громкий, орущий, и замечая, что это связано с движениями легких, с биением сердца и с циркуляцией крови — так что вибрация

пронизывает всего человека, вплоть до кончиков пальцев рук и ног, можно увидеть, как в том, что выражено в его речи, присутствует нечто, идущее от его души. Тут, так сказать, выступает некто, наподобие «над-человека», который выражает себя в том, что увязывает речь с телесными процессами кровообращения и дыхания. И отсюда просматривается доземная жизнь человека, подчиняющаяся тем условиям, которые мы усвоили между смертью и нашим вторым рождением. Тут вмешивается то, что человек пережил в своем доземном существовании. Если нам надо подлинно познать естество человека, мы должны учиться «духовно настраивать» свое ухо для вслушивания в голоса детей. И тогда мы можем узнать, что можно сделать, чтобы помочь ребенку, чей резкий громкий голос выдает нам проблемную карму, эту карму изжиты...»

«Педагогическое значение познания человека и культурное значение педагогики», 2-я лекция, 18.7.1924, Арнгейм (Библ. № 310).

«Когда мы жестикулируем в классе — причем наши жесты адекватно отражают наши душевные переживания, — это воздействует на ребенка чрезвычайно сильно. Но наши жесты свидетельствуют также о связи с духовными сущностями, несущими в себе само-дух. Тут действительно не требуется никакой агитации извне — подобные вещи должны оказывать объективное воздействие, как объективно мы должны терпеть кризис у маленького ребенка. Но если целые слои населения привыкают держать руки в карманах брюк, чтобы не жестикулировать, это прямо-таки означает, что люди хотят быть покинутыми богами, теми, что ближе всего духо-человеку. Не желают ничего знать о тех сущностях, которые сформировали само-дух, так же как человек — Я-организацию. И тогда прежде всего распадается язык. Западная культура несет в себе большую опасность: язык превращается не в то, чем ему надлежит быть, но разваливается, распадается...»

«Курс лечебной педагогики», т. II, 25.6. - 7.7.1924, Дорнах, 9-я лекция (Библ. № 317).

«Если ученик 2—4-го класса запинается при рецитации, ему необходимо помогать доброжелательно и как можно мягче, чтобы он стал относиться к вам с доверием и не пал духом. И в своем деле тоже необходимо проявлять добрую волю...»

«Искусство воспитания. Семинарские занятия и лекции учебного плана», 3-я лекция учебного плана, 6.9.1919, Штутгарт (Библ. № 295).

ТРЕТИЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

В этом возрасте, около девяти лет, в сознании ребенка происходит первый тонкий психологический процесс, проявляющийся в утрате переживания собственного единства с миром. Внимательно вслушиваясь в то, как говорят дети, мы догадываемся, что они проживают процесс обособления от мира. Хотя их лексика становится богаче и ярче, все же ничем не стесненный и не обремененный поток слов, рвущихся наружу, несколько ослабевает, начинает сказываться внутреннее старание найти адекватное выражение. Теперь душа ребенка безмолвно жаждет, чтобы учитель понял это старание. Как нам построить соединительный мостик к душе ребенка в эту пору первого переживания им своего одиночества? Мы строим такой мостик с помощью всего прекрасного и особенно прекрасного в языке. Ухо становится все восприимчивей к красивому звуку, к красивому ритму, тону.

Учитель, одаренный фантазией, используя прочувствованные красивые звуки, найдет множество возможностей добиться, чтобы его речь была услышана. Может быть, он как-нибудь расскажет историю, где фигурируют лужайка и дерево, под которым мы отдыхаем, вслушиваясь в окружающие звуки. Ветер доносит их до нас, и мы наслаждаемся всем, что звучит вокруг — журчанием, щебетом, свистом крыльшек. Дети, сидя на своих местах, способны чутко слушать и повторять:

Пчелы журчат,
Птицы щебечут,
Порхают мотыльки,
Ключ пробивается,
Струится ручей,
А над рощей парит орел.

(К. Слезак-Шиндлер)

Возникает внутренняя связь чувства и речи. Детям нравится, когда им говорят одно и то же слово дважды подряд, один раз больше выделяя смысл, другой раз — звучание, и потом спрашивают их: «Как звучит красивее?» «Как солнышко светит теплее?» В ответ на подобный вопрос все руки тянутся вверх и глаза блестят: да, дети слышат и чувствуют это!

Существенно при этом, что дети, до 9-го года включительно, улавливают организующее воздействие ритмичной речи, т.е. различают на слух длинные и короткие слоги, способны ходить и делать прочие движения в точном соответствии с ритмом речи.

В упражнениях попеременно участвуют то руки, то ноги. Одновременные движения рук и ног по большей части слишком ослабляют речевую деятельность.

При чтении следующего стишка благотворно ощущается колыхание ритма во всем пространстве класса. С началом длинного слога мы разжимаем кулаки, сперва легко стоящие друг на друге, — и опускаем руки вдоль тела, вновь подхватываем короткие слоги и отстукиваем их кулаками:

Земля, я чую тебя,
Легко касаюсь тебя,
Терпи человечью стопу,
Почувствуй привет любви!
Несешь ты каждый мой шаг,
Берешь мой груз на себя,
Даришь мне родину здесь,
Земля, спасибо тебе!

(Х. Дистель)

В том же духе, но в другом ритме:

Времени следуй,
Спокойно твори,
Назад погляди,
Счастье — благодарить.
Его пробудив,
Стал ты сильней,
Шагаешь вперед,
Пока не свершишь.

(А. И. Цейндер)

В то время как класс сопровождает ритм движениями рук, описанными выше, некоторые из детей могут «прошагать» его, например следя вперед по проходам между партами, на словах «назад погляди» пятятся обратно и на словах «его пробудив...» снова идут вперед. Движение задом наперед — пробуждающий момент, однако полезно включать его, лишь начиная с 3-го класса, когда достигнута ступень сознания, соответствующая 9-летнему возрасту. До этого возраста дети, чтобы идти назад, поворачиваются лицом в сторону движения.

Собственно говоря, ходьба вспять редко бывает связана с речью напрямую, поскольку речь поступательно движется вперед. Это может иметь место только при говорении в обратном порядке, которому мы уделяем все больше внимания, начиная с 4-го года обучения.

Для того чтобы усвоить красивое движение речи в такой конструкции предложения, следует проходить его, то ускоряя, то замедляя шаг.

Очень мало, мелко совсем слово людское на вид, но отклик на него —	— с ускорением — придать характер 1-й строки — после “действует” чуть задер-
---	--

*по всей Вселенной звон,
действует вновь и вновь.*

(Х. Хан)

жаться и ускорить темп к
последнему "вновь"

Дети впервые благодаря языковым упражнениям ощущают динамику языка, впервые обнаруживают в своей речи его формообразующие основы.

Соответственно теперь усиливаются упражнения на произнесение звуков²⁵.

Отстукивая подобное упражнение кулаками, мы по большей части сталкиваемся с двумя крайностями. Кулаки на ударных слогах либо слишком тяжело ударяются и слишком медленно, туто расходятся, либо, что бывает чаще, сразу же вновь отскакивают друг от друга. Отбивая ударение, следует каждый раз на миг задержаться, это отвечает ритму и надлежащим образом концентрирует внимание детей.

При этом руки так разводятся в стороны, чтобы на длинных слогах дети сводили ладони для хлопка с более далекого расстояния, а на коротких — с более близкого, при этом лишь легко соприкасаясь кончиками пальцев²⁶.

На третьем году обучения ребенок начинает смотреть на мир новым взглядом — со стороны, отделяя себя от него. Тут подходят стихи из разряда пейзажной лирики:

*Церквушка стоит на селе, мимо дорога идет,
на ней не смолкает кудахтанье кур,
и голуби вьются вверху возле крыши,
и крякают утки внизу у ручья.
На мосту стоит мальчик и громко поет.
Мимо воз проезжает, возчик щелкнул кнутом.
Прямо с луга телега, она сеном полна,
а на нем, наверху, Лиза с Хансом сидят.
Сколько смеха и визга — так славно вдвоем,
и их радостью полнится вечер окрест.
И пусть мягок, роскошен так трон короля,
все же лучше на сене душистом сидеть!
Был бы я королем, то явился б сюда,
вместо трона воз сена я взял бы себе.*

(Р. Райник)

²⁵ Далее приведен стишок для отработки специфических звуковых трудностей немецкого языка — например, произношения окончания «-kts». Мы сочли возможным опустить его. — Прим. переводчиков.

²⁶ Далее в немецком тексте идут четыре коротких стихотворных упражнения, ритм которых либо отбивается хлопками, либо сопровождается ходьбой в тakt или широкими движениями рук через строку. — Прим. переводчиков.

Ручеек

«Пронорно бежишь ты в долину, ручей!
 Не можешь ты разве чуть-чуть отдохнуть?»
 — Нельзя мне стоять, нельзя отдыхать:
 колеса у мельницы надо вращать.
 А сколько мне нужно засерей напоить,
 другие ко мне искупаться придут.
 Поля и луга надо мне напоить
 и все те цветы, что глядятся в меня.
 Потом я к реке направляю свой бег,
 она принимает так много ручьев.
 Река горделиво течет по стране,
 и все ручейки несет к морю она.
 Из горного леса, со скал я бегу —
 как долг, как долг до моря мой путь!»

(Й. Троян)

Кое-что для эпохи сельского хозяйства:

Плуг, ты длинные борозды должен тянуть,
 глубокие, длинные в поле тянуть.
 Посевы, вам выстоять надо в мороз,
 выдержать надо вам сильный мороз.

Стебель, расти, колосися зерном,
 колосися золотым зерном.
 Милый хлеб, накорми людей,
 чтобы каждому было, что есть.

(Из литовского фольклора)

Весьма щедро одаряет нас эпос "Калевала": ниже приводится фрагмент второй руны:

Старый верный Вяйнямейнен
 Все шесть зерен вынимает,
 Семь семян берет рукою,
 Взял из куньего мешочка,
 Взял из лапки белки желтой,
 Летней шкурки горностая.

Вот идет засеять землю,
 Он идет рассыпать семя.
 Говорит слова такие:
 "Вот я сею, рассеваю,
 Сею я Творца рукою,
 Всемогущего десницей,
 Чтоб взошло на этом поле,
 Чтоб росло на этой почве.

*О ты, старица земная,
Мать полей, земли хозяйка!
Дай ты почве силу роста,
Дай покров из перегноя!
И земля без сил не будет,
Не останется бесплодной,
Если ей даруют милость
Девы, дочери творенья.*

*Ты вставай, земля, проснися,
Недра Божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли,
Пусть поднимутся отростки!
Выйдет тысяча колосьев,
Сотня веток разрастется,
Где всхахал я и посеял,
Где я много потрудился!*

*О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты отец небесный,
Ты, кто правит туч грозою,
Облаками управляет!
Ты держи совет на тучах,
В небесах совет правдивый!
Ты пошли с востока тучу,
Тучу с севера большую,
А от запада другую,
Тучу с юга побыстрее!
Ниспошли ты дождь небесный,
Пусть из тучи мед закаплет,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба здесь зашумели!»*

(Перевод с финского Л. Бельского)

Для речевых упражнений столь же хорошо подходят народные зарифмованные крестьянские приметы²⁷.

Вместе приметы всех месяцев сведены в следующем стихотворении:

*Январь-снеговик,
снег до крыши — как пуховик.*

²⁷ Далее следуют стихи для каждого из двенадцати месяцев года. В качестве аналога можно использовать стихи такого же содержания из книги «Круглый год».

*Февраль — молодцом,
свет несет нам на крыльца.
Март по всей стране идет,
тальных вод потоки льет.
Апрель, будь здоров,
доит тучи, как коров.
Май приходит на опушку,
и кукует там кукушка.
В июне так долги деньки,
сплетают для танцев венки.
Июль заманит всех рад
на горный луг колокольцами стад.
Август вниз клонит колосья хлебов,
всех накормить нас он ими готов.
Сентябрь наливает соком плоды
пастору, пробсту за их труды.
Октябрь заставляет начать
сено из стога братъ.
Ноябрь — глухая пора,
вокруг дома пляшут ветра.
Декабрь на пути к торжеству
зажигает свечу к Рождеству.*

(Д. Линдхольм)

СТИХИ ДЛЯ ЭПОХИ СТРОИТЕЛЬСТВА ДОМА.

*Стихотворение
при закладке краеугольного камня*
Мы закладываем камень в землю,
Мы просим благословить его
Как опору дома, который мы строим,
На который ангелы взирают с Неба.
Он встанет, он встанет из дерева и камня,
Добру и истине его мы посвятим.

(К. фон Хейдебранд)

*Стихотворение
на устройство дома*
Новый дом уже поставлен,
Но не покрыт крышей, не обнесен стенами,
Дождь и свет от солнца еще могут
Проникнуть в него сверху и со всех сторон,
Поэтому вызываем мы к Творцу,
Чтобы с небес изливал Он
Лишь счастье и благодать
На этот открытый дом.

*Всего важней дать
Плодородие нашим пашням,
В горницу — прилежание и благочестие,
В хлев — здоровье скоту,
В погреб — доброго вина.
Пусть освятит Он все окна и входы,
Чтоб никакое несчастье в дом не вошло
И чтобы из этой новой двери
Выскочили вскоре милые детишки.
Ну же, каменщики, за дело:
Возводите стены и крышу!
Благословение Господне на этом доме.²⁸*

(Л. Уландр)

Стишок на освящение дома

*Дом на земле воздвигнут,
Да не уничтожит его огонь,
Да пощадит его молния,
Да поселится в нем добрый дух,
Чтоб прогонять все напасти
И охранять от наводнения!
Мир этому месту!
Благословение дому сему
И всем его обитателям и гостям!*

(Й. Штрейт)

Стишок на въезд в дом

*Проезжайте, проезжайте
Все в ворота дома.
Сплетайте венок, сплетайте венок
Из всевозможных цветов.
Заходите, заходите
В горницы нашего дома,
Чтобы ты, славный дом,
Полюбился всем.*

(К. фон Хайдебранд)

При чтении подобных стихотворений уже гораздо сильнее воспринимается движение в самой речи, тогда как внешние жесты идут на убыль. В третьем классе дети приобретают все больший интерес к внутренней красоте языка и в высокой степени познают ее в ликующих псалмах Ветхого Завета, кото-

²⁸ Речь в этом стихотворении идет о чисто немецком крестьянском доме с винным подвалом и хлевом. Существует много русских материалов (заговоров, примет, обычаяев) о доме, его устройстве и строительстве.

рые являются основным материалом для этой возрастной ступени.

Не забудьте в этом возрасте о загадках! Они пробуждают. Мы узнаем, как при осторожной, замедленной манере говорить речь непосредственно обращается к мысли.

ЗАГАДКИ

*Оно все слушает и слышит,
Но ни словца не говорит.
Скажи, кто слышит, но молчит?
Когда ты спишь — на нем лежишь.*
(Ухо)

*Это что за чепуха?
Есть головка —
Нет ушка,
А есть ушко у нее —
Нет головки у нее.
(Булавка и иголка;
по-немецки и то и другое — Nadel!)*

*Тот, кто это имеет, — бедняк,
А кто не имеет — тот рад,
Кто знает это — тот глупцом сливает,
Кто это делает — бездельником зовется
Кто слышит это — глух, кто видит — тот слепой.
А где же оно есть? — Конечно, в пустоте!*

(Ничто)

Высказывания Р. Штейнера

«Духовная связь рвется,
Если ее не поддерживает красота.
Красота соединяет Я с телом»
«Изречения» (Библ. № 40).

«...Нигде в такой высокой степени не могли бы соблюдаться условия здоровой душевной жизни, как в самозабвенном служении Красоте...»

«Антрапософия, психософия, пневматософия», лекция от 3.11.1910, Берлин (Библ. № 115).

«...Безобразное может стать прекрасным, если в Безобразном зримо явлено Духовное...»

«Художественное в его всемирной миссии», лекция от 9.6.1923, Дорнах (Библ. № 276).

«...Впервые свое отношение ко всему, что заключено в языке, — а в языке ведь заключен весь человек, с его телом, душой и духом, — человек обретает именно тогда, когда в свои детские годы учится говорить.

Однако полностью это отношение к языку приходит к человеку заново совсем с другой, с обратной стороны, в возрасте приблизительно между семью и четырнадцатью годами. Тогда все, связанное с душой и находящее свое внешнее проявление в речи, переходит в другую стадию своего развития, приобретает другой характер. Дело обстоит так (большой частью это происходит в подсознании, но определяет все развитие ребенка): человек в возрасте от семи до четырнадцати лет борется с тем, что заключено в языке или в языках, если он овладевает несколькими языками.

Он мало что знает об этой борьбе, поскольку она протекает неосознанно. Однако он борется с тем, что, возникая как звук в недрах его ритмической системы, все более интенсивно соединяется с его мыслями, с его ощущениями, с его стремлениями. И то, что в эту эпоху жизни формируется именно в языке, и есть постижение человеком самого себя.

Потому-то так необычайно важно понимать, сколь тонкие нюансы характера находят выражение в речи. Важно, с какой именно речью приходит к нам в школу ребенок. Ведь то, что я назвал общими результатами наблюдения за моральной стороной окружения ребенка, слышно нам в тембре и в самих звуках его речи, если мы только способны почувствовать это. Хотелось бы сказать, что, когда ребенок пользуется речью, — тем, как он ею пользуется, — он демонстрирует нам детские моральные задатки своего характера...

«Педагогика и искусство — педагогика и мораль», лекция от 26.3.1923, Штутгарт (Библ. № 304).

«...Согласные звуки — это подражание чему-то внешнему, тогда как гласные, напротив, вполне элементарные выражения нюансов человеческих чувств. Поэтому вы можете воспринимать язык прямо — таки как столкновение антипатий и симпатий.

Симпатии всегда заключены в гласных, антипатии — всегда в согласных.

Мы можем, однако, воспринимать формирование речи иначе. Можно сказать: что же это, собственно, за симпатия, которая находит выражение в грудной системе человека, так что он останавливает антипатию и головная система ее лишь сопровождает?

То, что здесь лежит в основе, — это, на самом деле, музыкальное, перешедшее определенную границу. Музыкальное, пропадая и переходя известную границу, в опре-

деленной мере «побивает» себя, становится более чем музыкальным. Это означает: поскольку речь состоит из гласных, поскольку она содержит в себе музыкальное; поскольку речь состоит из согласных, поскольку она содержит в себе пластическое, живописное. И когда человек говорит, в его речи представлено подлинное сочетание музыкального и пластического элементов. Отсюда можно видеть, что посредством определенных неосознанных нюансов речи в ней правильно отображаются родовые черты не только отдельной личности, но также — и особенно — человеческих сообществ. По-немецки говорится «*Kopf*» — голова, немецкое слово «*Kopf*» во всех его контекстах ассоциируется с понятием «*Runde*» — круглое, шарообразное. Поэтому немцы употребляют слово «*Kopf*» не только по отношению к человеческой голове, но и по отношению к кочану капусты: «*Kohlkopf*» (*Kohl* — капуста). В немецком языке слово «*Kopf*» выражает форму. В романских языках форма головы не отображается; там говорят «*caput*», отражая в этом слове душевное. В этих языках находит выражение то, что головой человек схватывает смысл, понимает. Слово, обозначающее голову, имеет там совершенно иную подоплеку. С одной стороны, указывается на душевную симпатию, с другой — на сращивание антиподии с внешним. Попробуйте для начала уяснить на главной (корневой) гласной, в чем состоит различие: «*Kopf*» — удивление, изумление! По отношению ко всему круглому, сферическому в душе возникает нечто вроде изумления, удивления, так как оно само по себе связано со всем, вызывающим чувство изумления, удивления. Возьмите слово «*caput*»: звук «А» — почитание, уважение.

Если другой что-то утверждает, это надлежит воспринимать как нечто, доступное пониманию.

«Искусство воспитания. Методико-дидактическое пособие», 2-я лекция, 1919, Штутгарт (Библ. № 294).

«... Что же такое язык и речь в их звуках? — Ибо из звуков они состоят. — Это либо выражение внутреннего, душевного, и тогда присутствует гласная; либо выражение внешнего, и тогда присутствует согласная. Но это необходимо сначала почувствовать...

Что есть «А»? Я встаю на восходе солнца, восхищенно созерцаю, как оно восходит: «Ax!» «А» всегда служит выражением изумления, восхищения. Муха садится мне на лоб, я издаю звук «Э». Это восклицание соответствует чувству, которое может выразиться в таких действиях, как отгонять, удалять...

Человек, собственно, уже не способен более вживаться в язык. У примитивных народов в речи еще повсюду присутствует чувство, у цивилизованных же речь стала абстрактной...

Язык должен быть пережит внутренне, а не просто выдуман из головы... К этому добавляется еще нечто — духовный элемент. К примеру, когда человек умирает или до того, как он спускается на Землю, у него нет никакой возможности понимать так называемые имена существительные.

Умерший решительно ничего не ведает о существительных. Он ничего не знает о том, как называются те или иные предметы. Кое-что он знает еще о свойствах. Таким образом, существует возможность объясняться с умершим в том, что касается свойств.

Но и это быстро прекращается. Дольше сохраняется взаимопонимание относительно глаголов в их активной и пассивной форме, и всего дольше — обозначение ощущений, чувств: «Ах», «О», «И», «Э» — эти междометия умерший хранит дольше всего.

Отсюда вы можете также видеть, как душа человека, если ей не предстоит стать совершенно бездуховной, действительно обречена на то, чтобы жить междометиями. Ведь по существу все междометия — это гласные. А согласные, которые все равно очень быстро после смерти теряются либо отсутствуют перед тем, как душа спустилась на Землю, суть подражания внешнему. Это нам действительно нужно пережить в наших чувствах».

«Искусство воспитания, исходя из понимания сущности человека», 18.8.1924, Торки (Библ. № 311).

«...В процессе обучения мы, полагая, что обращаемся к духовно-душевному, вызываем по преимуществу обмен веществ. И именно это нужно принимать во внимание при преподавании. Поэтому нам не остается ничего иного, как, рассказывая что-либо детям или давая им что-либо прочесть, преподносить это в форме, безупречной в двояком отношении. Во-первых, рассказываемое или читаемое непременно должно привлечь внимание ребенка, чтобы он следил за повествованием с известным интересом. Когда в душе есть интерес, это вызывает своего рода тихое удовольствие. И оно должно присутствовать всегда. Это тонкое чувство удовольствия физически проявляется в тонкой секреции желез, которая рассасывает отложения солей, возникающие при чтении и при рассказывании—слушании.

Мы должны постараться, чтобы дети не скучали, не надо преподносить ребенку ничего для него скучного; иначе мы в нем не пробудим интерес, а тогда будут вырабатываться и распределяться по всему организму нерастворимые соли; и мы фактически будем способствовать тому, что ребенок позже

приобретут всевозможные заболевания, связанные с нарушением обмена веществ. В особенности на это необходимо обратить внимание, когда дело касается девочек. Мигренеподобные состояния являются следствием того, что им слишком много дают всевозможных материалов для зубрежки и совершенно не стараются облечь эти материалы в форму рассказов, доставляющих им удовольствие. Их организм начинается мелкими шпорами²⁹, которые не рассасываются как следует, и возникает тенденция к дальнейшему шпорообразованию.

Мы обязаны обращать внимание на эти вещи...

«Познание человека и форма преподавания», 4 я лекция,
15.6.1921, Штутгарт (Библ. № 302)

ЧЕТВЕРТЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

Дети 4—6-го классов уже более уверены в себе, они с радостью и живостью, но при этом и с возрастающей серьезностью стремятся все воспринять, всему научиться.

В 4-м классе учащиеся встречаются с величественными фигурами богов и с достойными почитания героями германской мифологии. Через них дети знакомятся с поэзией, построенной на так называемой жезловой рифме (аллитерации), — с тем родом поэзии, который способен увлечь волю человека, устремив ее в речь и в дыхание. И это как раз совпадает с соответствующей фазой развития, которую проходят дети. В этом возрасте поток воли постепенно выпрямляется, чтобы через чувство обрести связь с потоком мыслей, идущим сверху (см. цитату из 14-й лекции Р. Штейнера цикла «Современная духовная жизнь и воспитание», — первая цитата в данной главе). Аллитерация раскрывается сильно и полно, если мы знакомим с ней детей при помощи палочки (жезла). Для этого годится медная палочка, несколько короче и толще той, что используется в эвритмии. В предварительном образном рассказе-введении к этим занятиям ее легко связать с древними рунами, буквальными палками — «рунными палками» — и норнами³⁰, которые вырезали руны и бросали их, направляя и решая судьбы людей. После того как учитель покажет палочку, один из детей берет ее и крепко держит, выпуская и тут же быстро подхватывая на каждом аллитерационном звуке; упасть на пол она не должна. Давать стержню падать вниз и тут же схватывать его,

²⁹ Т.е. отложениями солей.

³⁰ Норны — богини судьбы в скандинавской и германской мифологии; вырезая руны, норны определяют судьбы людей при их рождении.

выпускать из рук и хватать. Выпуская палочку, ребенок делает короткий шаг, припадая на одну ногу и сгибая колено, а подхватывая — снова выпрямляется. Взоры всего класса направлены на палочку, и все при этом рецитируют.

Подобное движение — хватание, схватывание — и шаг на повторяющемся начальном звуке предотвращают тяжелое звучание последующего гласного и придаёт речи вместо громкого ударения, часто идущего от головы, благозвучное наполнение. Естественно, каждому ребенку хотелось бы хоть разок самому получить эту палочку. И таким образом можно тренироваться несколько дней, чтобы затем перейти к проговариванию более длинных текстов, уже не сопровождая их движениями палочки. Это совсем не просто — оперировать воображаемыми палочками, некоторые дети частенько как бы выпускают и хватают их на ударных звуках, не имеющих отношения к аллитерации. Надо очень внимательно следить, чтобы этого не случилось. С аллитерацией в речь приходит более осознанное пульсирование. Благотворное воздействие этого проявляется в посвежевших лицах, а также становится слышным в речи, хотя и утратившей опору в привычной концевой рифме, но обретшей новую, хотя и более своюенравную, капризную. Мы знаем, что повторение способствует формированию более крепкой воли, а в аллитерации, жезловой рифме звуки повторяются многократно³¹.

В каждом ребенке пробуждается храбрый герой. Когда дети пишут эти тексты готическим шрифтом, обозначая аллитерирующие звуки цветными буквами, они загораются подлинной радостью и воодушевлением; тексты полностью их захватывают, и они их прекрасно усваивают. Весьма охотно школьники 4-го класса декламируют также начало «Эдды»³².

Старшая Эдда (отрывок)

*В начале времён,
когда жил Имир,*

*не было в мире
ни песка, ни моря,*

³¹ Далее приведены три коротких стихотворных текста Х.Дистеля и два отрывка из «Песни о Нibelунгах» в обработке В.Иорданса. Поскольку в них аллитерации построены на звуках немецкого языка, перевод текстов нецелесообразен. — Прим. переводчиков.

³² В русском переводе «Эдды» аллитерация присутствует лишь в некоторых местах. Мы приводим здесь тот отрывок (пер. А.Корсун), который дает также и К.Слезак-Шиндлер — начало «Старшей Эдды», песнь 1-я, «Прорицание вельвсы», отмечая «жезловую рифму». Далее идет небольшой отрывок из «Беовульфа» (пер. В.Тихомирова), в котором также присутствует аллитерация.

земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла.

Пока сыны Бора,
Мидгард создавшие
великолепный,
земли не подняли,
солнце с юга
на камни светило,
росли на земле
зеленые травы.

Солнце, друг месяца,
правую руку
до края небес
простирало с юга;
солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
моши своей.

Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные,
ночь назвали
и отприскам ночи —
вечеру, утру
и для середине —
прозвище дали,
чтоб время исчислить.

И трое пришло
из этого рода

асов благих
и могучих к морю,
бессильных увидели
а берегу
Аска и Эмбалу,
судьбы не имевших.

Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир — дух,
а Лодур — тепло
и лицам румянец.

Ясень я знаю
по имени Игдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на долы нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.

Мудрые девы
оттуда возникли,
три из ключа
под древом высоким;
Урд имя первой,
вторая Верданда, —
резали руны, —
Скульд имя третьей,
судьбы судили,
судьбы выбирали
детям людей,
жребий готовят.

Беовульф (отрывок)

Истина! Исстари
Слово мы слышим
о доблести данов,
о конунгах датских,
чья слава в битвах была добыта!..

Прекрасно подходят для совместного чтения вслух и другие фрагменты «Старшей Эдды»: «Возникновение рун», «Сны

Бальдур» и «Песнь Трима». Когда мы имеем дело с длинными текстами, нам необходимо до заучивания наизусть пересказывать их содержание своими словами (см. цитату из 4-й лекции Р. Штейнера цикла «Познание человека и форма преподавания» — 6-я цитата в конце данной главы). Благодаря этому удается избежать нарушения процесса художественного чтения двигательными упражнениями и поясняющими словами. Если учителю действительно удается удерживаться в рамках чистого упражнения, то дети очень быстро запоминают тексты и отпадает трудоемкое зазубривание наизусть.

В этом возрасте они также еще охотно декламируют по одиночке перед классом. При этом совершенствуется умение слушать, составляющее существенную часть речевого процесса. Дети не устают повторять один и тот же текст, стараясь выговаривать все лучше, красивее. Ясно, что для этого классному учителю необходимо основательно подготовиться к этим занятиям.

Теперь приходится упражняться во многом. Детям необходимо прочнее укорениться в почве, на которой они стоят, укрепить свою связь с землей:

Я хотел бы
быть скалой

из глубин
гранитных³³ недр,
Божий лик на небе зресть,
не шатаясь,
век стоять!

(Фр. Рюккерт)

- руки движутся сверху вниз
- мы с усилием ставим на пол правую и левую ноги
- то же повторяем
- отстукиваем пятками слоги
- поднимаем руки вверх
- вновь составляем ноги вместе
- опускаем руки

Все больше для упражнений берутся короткие стихи, построенные на ритмичном дыхании и сопровождаемые широкими движениями:

Будь паломником мира, к высотам стремясь,
поднимайся до светлых вершин,
будь же храбрым героем, глубин не страшась,
чтоб достичь всех чудес на земле!

(Х. Дистель)

руки поднимаются и опускаются, каждый сам соображает, что это просто совпадает с течением речи и с внутренним жестом

Как лучащийся свет,
свет, что тучи пронзил, —

³³ В оригинале «прароды» — «Urgestein»; так геолог А.Г. Вернер и вслед за ним И.В. Гёте называли гранит. — Прим. переводчиков.

тот, кто смелости полн,
тот, кто зло победил!

(Х. Дистель)

Волна, ты бурлившая, шумная,
охотно всегда тебя слушаю,
шумом прибоя охваченный,
рад я вернуться на Родину.

(Х. Дистель)

Совершенно новое в этом классе — речевые упражнения Рудольфа Штейнера.

Для начала предлагаются упражнения на четыре закономерности процесса говорения, целиком носящие характер жезловой рифмы (аллитерационный характер). Начинать использовать их можно уже к концу третьего класса, но ни в коем случае не раньше; лучше укладываются они в материале четвертого класса. Конечно, у детей определенная формирующая сила и внутреннее образное переживание звуков должны уже быть к этому времени. Для того чтобы ввести первое упражнение для развития четкой дикции, годится теннисный мячик — один на весь класс. Упражнение с мячиком подобно упражнению с палочкой, которую каждый раз с первым звуком слова схватывают то одной, то другой рукой. Сначала мяч лежит в левой руке, правая начинает; учитель должен предварительно проговорить и проделать это упражнение. Его ожидает много сюрпризов, и в том, как именно дети берут мяч, ему могут открыться глубокие тайны. Некоторые дети едва дотрагиваются до мяча кончиками пальцев, другие долго не могут понять, как нужно брать мяч, и переваливают его в другую руку, вместо того чтобы взять; есть и такие дети, которые крепко схватывают мяч и почти вырывают его. Но бывают и такие, руки которых тяжело падают на мяч.

Упражнение гласит³⁴:

*Mäuse messen mein essen*³⁵

³⁴ Упражнения, данные Р.Штейнером, ведут к переживанию отдельных звуков и созвучий. Они выстроены по определенным законам, и смысл в этих фразах совершенно случаен, на первом месте в них — сочетания различных звуков, их чередование. Поэтому давать перевод этих фраз бессмысленно. В тексте книги мы оставляем немецкие упражнения и приводим их русские аналоги, созданные русскими специалистами в области искусства речи. Кроме того, один из этих специалистов, Нина Самохина, любезно согласилась дополнить сведения об упражнениях Р.Штейнера, данные К.Слезак-Шиндлер в ее книге. В основном ее замечания относятся к началу занятий с детьми речевыми упражнениями. С материалом Нины Самохиной вы можете познакомиться в конце книги, в Приложении.

Русские аналоги:

Мазать маслом вместо меда —
Нету лучше бутерброда.
Мазать медом вместо масла —
Это вкусно и прекрасно.

Мазать
мёдом вместо
с маслом
— Феечек маслицией.

Три очень милых феечки
Сидели на скамеечке.
И, съев по булке с маслицем,
Успели той измаслиться,
Что мыли этих феечек
Из трех огромных леечек,

(С. Маршак)

Все ли звуки мы услышали и отчетливо произнесли? Нельзя потерять ни единого звука!

Второе упражнение дает нам пережить плавность и красоту речевого потока. Привлечем на помощь образ: сверху через утес струится вода, может быть, даже водопад, наши руки как бы следуют за потоком, пока он внизу не вольется волнами в реку; вода движется вверх и снова вниз. Так мы четыре раза подряд повторяем:

Lämmer leisten leises Läuten

Русские аналоги:

Разлилось молоко, по столу потекло.

Разливается свирель в светлый ласковый апрель.

Лиловый лепесток поплыл.
Зеленою лодкой листик был,
Кораблик белый по пятам,
А облако осталось там.

Плыл кораблик вдоль канала,
Там на ужин били склянки.
Тихо музыка играла
На Ордынке, на Полянке.

(Ю. Мориц)

Ты, волна моя, волна,
Ты гультива и вольна.

³⁵ Четыре следующие упражнения отражают четыре качества речи («Mausemessen...» — пластичность, отчетливость, «м» — глубину проникновения, «с» — остроту; «Lämmer leisten...» — текучесть речи; «Bei biedern...» — качество оформления, «одежды», «упаковывания», «уплотнения»; «Kottkurzer...» — качество членения). — Прим. Н. Самохиной.

Плещешь ты, куда захочешь.
(А. Пушкин)

<i>Жили были</i>	<i>примеряли</i>
<i>Лилипуты,</i>	<i>колпаки,</i>
<i>Лилипуты-чудаки.</i>	<i>лили, лили</i>
<i>Ели,</i>	<i>лилипуты,</i>
<i>тили</i>	<i>лили-тили</i>
<i>лилипуты,</i>	<i>лимонад.</i>

(Ю. Коваль)

Не терять ни звука и сохранять текучее, плавное движение! И всегда произносить таким образом, чтобы речь дышала, но при этом не фиксировать особого внимания на дыхании, ибо с движением рук оно ширится само собой. В этом возрасте еще нельзя процесс дыхания пронизывать сознанием.

В следующем упражнении речь должна быть закругленной, обволакивающей — и мы как бы формируем это руками, изображая размашистыми движениями появление перед нами красивых шаров (серебряных, золотых и др.) Начинаем с маленького шарика, за которым следуют более крупные. Или начинаем с самого большого шара и вкладываем в него два других меньшего размера:

Bei biedern Bauern bleib brav

Русские аналоги:

*Будут в башне быть в набат
и разбудят всех ребят.*

*Кто бежит играть в снежки —
обувайте башмаки.*

*Были два приятеля —
Бублик и Батон.
Ждали покупателя
Бублик и Батон.
Бублику понравился
Школьник в колпаке.*

*А Батону — бабушка
В бежевом платке.
Бублик в ранец бухнулся
И пустился вскачь,
А Батон тихонечко
В сетке кач да кач...*

(М. Бородицкая)

Не терять ни звука и в самом деле закруглять!

Четвертое упражнение — на членение речи, которое начинается нёбным звуком, делающим речь пластичной, — мы сперва переживаем в пятках, затем также в шагах, слово за словом, слог за слогом. Мы приподнимаем пятки и уверенно ставим их на пол — точно на каждом звуке «К»:

Komm kurzer kraftiger Kerl

Русские аналоги:

Кузнец, подкуй коня.

Коса, коси колосья.

— Эй, кузнец-молодец,
Расковался жеребец!
Ты подкуй его опять!
— Отчего ж не подковать?
Вот гвоздь, вот — подкова.
Раз, два — и готово!

(С. Маршак)

Сказка о каменном короле

Каменный замок
На камне чернел.
Король очень каменный
Там каменел.

И гвардия каменных
Очень солдат
На камне устроила
Вечный парад.

И сеяли камни
На каменном поле,
И камни на каменном
Поле — пололи.

В саду среди каменных
Яблонь и лилий
Войска на ученьях
Камнями палили.

Сто каменных блюд
Для пирров королевских
Готовили сто
Поваров королевских.

И каменный хлеб
Доставая лопатой,
Покрякивал каменный
Пекарь пузатый.

По каменной моде
Для каменных граждан
Штаны и сюртуки
Каменели на каждом.

И шесть королевичей
Были похожи,
Как камни, на папочку
С каменной рожей

И каменно верили
Каменной лжи,
Что каменным сердцем
Гордиться должны,

Что каменно вечны
Палаты дворца,
А каменный век
Не имеет конца.

(Элен Нийт)

Ни звука не терять и касаться пяткой пола точно в момент произнесения звука «К» — ни раньше, ни позже!

Делая эти упражнения, в которых смысл не играет никакой роли, мы понимаем, как чудесно силы звуков модулируют и развиваются голоса. Весь внешний облик речи становится яснее, энергичнее и красочнее.

Некоторые звуки нуждаются теперь в нашей особой любовной заботе. Прежде всего это звуки «W», «SCH», «S».

На окончание «КТ» мы уже обращали внимание в третьем классе. Звук «W», как указывает нам Р. Штейнер, часто образо-

вывается неправильно, искаженно: в его образовании участвуют обе губы, однако правильным является такое положение речевых органов: верхние зубы касаются нижней губы, что сообщает ей нужную вибрацию. Бросается в глаза, что звук «W» образуется все более поверхностно и неподвижно, часто он вообще больше не образуется, так что сила дуновения, сопровождающая этот звук, нами утрачена и не овеает нас.

Мы играем словами:

Wasser, Welle, Wasserwelle –

Wasser, Welle, Woge –

Wasserwellenwoge.

Мы привлекаем упражнения из «Sprachgestaltung»:

Weiche wehendem Wind auf Wiesenwegen

Wuchtig wogt Wirbelwind

Русские аналоги:

Волной вливается вольный ветер,

Веет в воздушных высах весна.

Вей, вей, ветерок,

Развивай мой венок

Васильками по волнам.

Яблоки-венники,

Весело мне,

Весело мне –

Я скачу на коне.

Яблоки-венники,

Вихрем лечу,

Вихрем лечу –

Куда захочу.

Яблоки-венники,

Где ж водопой,

Где водопой

С ключевою водой.

(Я. Аким)

Из «Калевалы»

Насказал мороз мне песен,

И нанес мне песен дождик,

Мне навеял песен ветер,

Принесли морские волны,

Мне слова сложили птицы,

Речи дали мне деревья.

(Перевод Л. Бельского)

У многих детей большие затруднения вызывает звук «SCH», он звучит плоско и сдавленно и не передает нам свою двоякую силу (*Es schafft und schaumt mehr, schlummert und schläft aber auch schlecht*) — т.е. больше ничего не «творится» (*schafft*) и не пенится (*schäumt*), но также плохо «дреняется» (*schlummert*) и спится (*schläft*).

Ребенок непременно должен различать звонкий «З» и глухой «С», это препятствует развитию болезненной шепелявости.

К некоторым детям в этом возрасте необходим особый подход. Рудольф Штейнер как-то предложил на одной конференции специальные упражнения для детей 4—5-го классов, нуждающихся в особой заботе: следующие фразы такой ученик должен произносить по утрам и на первом уроке, как тихую молитву:

Ich will achtgeben auf mich im Sprechen und Denken.

(Я буду следить за собой, когда говорю и думаю.)

Ich will achtgeben auf mich im Sprechen und Handeln.

(Я буду следить за собой, когда говорю и что-то делаю.)

Lernen aufmerksam sein, Fleiß entwickeln, es sei mir ins Herz geschrieben.

(Учиться быть внимательным, развивать в себе прилежание — пусть это будет записано в моем сердце.)

Для всего класса можно взять следующие строки Рудольфа Штейнера:

Я хочу учиться.

Я хочу работать.

Я хочу, участь, работать.

Я хочу, работая, учиться.

Для укрепления памяти и воли рекомендуется почаще практиковать проговаривание в обратном порядке, которому следует придавать образную форму. Например, такую фразу: «Папа читает книгу».

Не следует пугаться произнесения в обратном порядке, слово за словом, даже коротких стихотворений.

Всему классу доставляет большое удовольствие слушать, как звучат одно за другим три слова, например: «Mein messen Mäuse» («мыши меня мерят»). Дети слушают, а потом вместе с учителем проговаривают эти слова в обратном порядке; этот процесс повторяется снова и снова: «меня мерят мыши» — «мерят мыши меня» — и т.д. Тут уж не остается ни единого школьника, витающего в собственных мечтах. Деятельная, спокойная обстановка воцаряется в классе. Потребность в такой общей внимательности и собранности отчетливо проявляется как раз с четвертого класса и нуждается в многосторонней подпитке.

Теперь, в активном, деятельном совместном говорении формируется хоровое звучание, замкнутое в себе, становящееся все более слитным, формируется такая атмосфера класса, в которой повышаются способности каждого ученика. Мы поддерживаем этот процесс, подключая непосредственно после утреннего изречения стихи такого типа (все дети опускают головы и выпрямляются с первым словом):

Бодрой будь, голова,
 Сердце, любящим будь,
 Готовой помочь — рука.
 Все, что я сделать смог,
 Правильным будет тогда,
 Праведным, добрым, прекрасным.
 (Х. Мюллер)

Обязательно соблюдать ритм³⁶: длинный слог, короткий, короткий, длинный.

Выдерживать ритм при хоровом чтении ямбического стихотворения надлежит с помощью движения, которое сдерживает, напрягает и формирует. Тут уместно сослаться на книжечку Хайнца Мюллера «О целительной силе слова и ритмов — показательные изречения в искусстве воспитания Рудольфа Штейнера». Если выбрать для чтения стихи, написанные подвижным, как вода, качающимся в ритме танца амфибрахием, то весь класс оживляется:

<i>Готов ко всему будь. Хочу я, я должен, способен я сделать. Ведь Богу</i>	<i>Слуга я в мир, в че- ловека, Властитель Земли, ис- полнитель Слова.</i>
---	--

(А. И. Цейндер)

Короткие и длинные слоги мы сопровождаем движениями, о которых уже рассказывалось в материале 3-го класса; хорошо длинные слоги сопровождать нисходящими движениями, поддерживаю тем самым пути воплощения. От этого короткого стишко исходит нечто особенное, дети в 4—5-м классах каждый раз бывают совершенно захвачены им и охотно его повторяют. Здесь несомненно играет роль многое: сила, заключенная в звуке и слове, ритм, форма и содержание. Та же можно по-

³⁶ Выдержать точный ритм оригинала в русском переводе невозможно: ключевые слова — «голова», «сердце», «рука», «делать» — имеют большее количество слогов, чем немецкие эквиваленты: *Wach sei, mein Haupt,*
liebend mein Herz,
helfend die Hand...

Возможен вариант перевода, с соблюдением ритма, но с отклонениями от буквального текста оригинала:

<i>Бодрой будь, мысль, Сердце — люби, Длань — помогай.</i>	<i>Всем я смогу Делать добро, Праведным быть. — Прим. переводчиков.</i>
--	---

вторять сразу же за утренним изречением фразы, предложенные в свое время Рудольфом Штейнером для речевых упражнений. Одни из них проговаривают в 3—4-м классах, другие — с 5-го по 8-й класс. В первую очередь прислушиваются к различиям между глухим и звонким «S» («С» и «З»), звуками «Л» и «Е» («Э» и «Е»), дифтонгами «EU» и «EI» («ОЙ» и «АЙ»). Особенно это важно упражнять в областях с ярко выраженным диалектным произношением. После этого нужно сделать движение фразы доступным для переживания, например: «Bedeutung suche in jedem Ding» («ищи смысл в каждой вещи»); после слова «Bedeutung» продолжать в ускоренном темпе.

Эти фразы для речевых упражнений гласят:

Was du tust, tue durch deinen tatkräftigen Willen. (Все, что ты делаешь, делай, привлекая свою активную волю.)

Gönne jedem Können sein ganzes Können. (Предоставь каждому навыку — все возможности.)

Günstig schaue auf künstlerisches Schaffen. (Будь благосклонен к художественному творчеству.)

Bedeutung suche in jedem Ding. (Ищи смысл в каждой вещи.)

Dringe nicht in das Wasser, wenn du trinkest. (Чтобы напиться, не лезь в воду.)

Gute Menschen weisen den Weisen Wägend den Weg. (Добрые люди, подумав и взвесив, указывают путь мудрецам.)

Was du erfährst auf Lebenswegen, weitet dir Sinne und Denken. (То, что ты узнаешь на путях жизни, ширит твои чувства и мысли.)

Freue dich der freien Natur. (Радуйся свободной Природе.)

Schäume scheinen mehr, als sie sind. (Пена кажется больше, чем она есть.)

Schätze ebene Wege und Wäge deine Schritte, Daß du wacker wagen kannst, was du vorsätzlich als Ziel dir setzest. (Цени ровные дороги и взвешивай свои шаги, дабы смело решиться на то, что ты преднамеренно ставишь себе целью.)

Die Säule sei dir Wagezeichen des Weges. (Дорожный столб пусть будет твоим указателем дороги.)

Seile winden sich um Säulen. (Канаты обвиваются вокруг столбов.)⁷⁷

Увлечение языком и музыкальное наполнение речи должны постепенно пронизывать четвертый год обучения, укрепляя весь

⁷⁷ Фразы Р.Штейнера предложены им как фонетические упражнения для немецкого языка; по-русски может быть передан лишь их смысл.

организм детей. Для этого можно предложить множество стихотворений³⁸.

Следующее короткое стихотворение Рудольфа Штейнера можно использовать во всех классах, от 1-го до 12-го. На общих школьных праздниках его декламируют хором, это объединяет все школьное содружество.

Молитва вечернего колокола

*Красотой восхищаться,
Быть защитником правды,
Уважать благородство,
Стремиться к добру —*

*Это путь человека
К высоким целям,
К справедливым поступкам,
К чистому сердцу,
К ясным мыслям.*

*Это учит доверию
К Божественной Власти
Во всем, что есть:
Во вселенной,
В нашей душе.*

Учебный план свободной вальдорфской школы сформировался на основе глубокого проникновения в сущность становления человека. В 4-м и 5-м классах мы отчетливо переживаем, что, заботясь о здоровом ходе развития детей в эти годы (с 10-го по 12-й), мы не должны упускать того, к чему вновь и вновь возвращается Рудольф Штейнер, описывая искусство речи Греции и северных стран, — их связи с более декламационной или с более рецитационной манерой речи.

Тем самым мы работаем для того, чтобы в будущем у детей установилось правильное соотношение между циркуляцией крови и дыханием. Цитаты, замыкающие эту главу, особо указывают нам на это.

³⁸ Далее автор приводит стихотворение «Лесная песня» Г. Келлера и фрагмент из исландского эпоса («Сага о Сигурде и Брунхильде»), а также более десяти стихотворений, посвященных временам года и различным праздникам, их переводить не имеет смысла, в русской поэзии существует множество подобных стихов. В частности, см. Приложение 2.

Высказывания Р. Штейнера

«...На седьмом году жизни голова, носитель мышления, становится самостоятельной. Она уже не столь интенсивно проявляет нисходящие силы, как это имеет место у ребенка до семи лет. Она делается в известной мере инертной и озабоченной своими собственными делами. Если совершить теперь скачок далее — к четырнадцати годам, то лишь тогда органы движения приобретают индивидуальность в соответствии с личной волей.

В органах движения воля становится самостоятельной. Лишь тогда начинают действовать те восходящие силы, которые должны быть присущи человеку как силы воли. Ибо всякая воля действует снизу вверх, всякое мышление действует сверху вниз. С неба нисходит направление мышления, от земли к небу восходит направление воли. Мышление и воля в возрасте от семи до четырнадцати лет не связаны между собой, не включены друг в друга. И посредине человеческого организма, там, где обретаются дыхание и циркуляция, где они берут начало, — там обитает и то, что в это время эмансируется как чувственный человек. И мы, правильно формируя чувственного человека в детях от семи до четырнадцати лет, устанавливаем верное соотношение между тем, что идет сверху вниз, и тем, что идет снизу вверх...

Весь характер человека, поскольку он исходит изнутри, основан на том, что человеческая деятельность приводит к возникновению истинной гармонии между мышлением и волей...»

«Современная духовная жизнь и воспитание», 14 лекций, 5—17.8.1923, Илкли, 5-я лекция (Бил. № 307).

«...Когда-нибудь станет столь же само собой разумеющимся толковать о человеке со знанием дела, как ныне представляется почти само собой разумеющимся толковать о человеке без знания дела. Однажды придет момент, когда все будут знать, как связано мышление с той силой, что вызывает рост зубов. В один прекрасный день научатся видеть, как внутренняя сила чувства связана с тем, что исходит из органов грудной клетки и выражается в движении губ.

В изменении движений губ, в подчинении движений губ человеческому чувству — то и другое происходит в возрасте между семью и четырнадцатью годами — увидят важный внешний признак внутреннего развития человека.

И наблюдая, как у человека в возрасте между четырнадцатью-пятнадцатью годами и двадцать одним годом происходит консолидация восходящих сил, заметят, что все эти силы накапливаются именно в самой голове человека.

И как в зубах находит выражение все мыслительное, в губах — коренящееся в чувстве, так для истинной науки о человеке станет очевидным, каким образом работают восходящие силы и что они накапливаются, преобразуясь в речевую деятельность, в исключительно важной части организма — его нёбной части, замыкающей сзади полость рта... »

«Современная духовная жизнь и воспитание», 14 лекций, 5—17.8.1923, Илкли, 5-я лекция (Библ. № 307).

«...Как вы знаете, в XIX веке, после того как развитие нашего языка продвинулось настолько далеко, что возврат к прежнему невинно-первозданному состоянию стал невозможен, Вильгельм Иорданс попытался опять обновить аллитерацию. Это, с одной стороны, чрезвычайно похвальная попытка, если только не упустить из виду, что это не более чем попытка перенести сокровище богов в ту эпоху, когда человек стал уже очень чужд богам. Тем не менее эта попытка Вильгельма Иорданса отражает добрую волю, наилучшую художественную волю, какую искусство так прекрасно умеет привносить в общечеловеческое...

С другой стороны, эта попытка показывает, сколько силы, первозданной силы — в том смысле, как некогда высказался о немецком языке Йоганн Готлиб Фихте, — этот немецкий язык заключает в себе и по сей день, если только владеть им как следует. Именно эта первозданная, еще нерастраченная языковая сила, которая таится как раз в Центральной Европе, насколько смог извлечь ее из немецкого языка в аллитерации Вильгельм Иорданс, действительно особенно ярко выступает в той поэзии и вместе с тем может служить нам утешением в тяжелые времена. Утешением — ибо оно наполняет наши сердца убеждением: какая бы материальная сила ни вторглась извне в Центральную Европу, немецкий дух не угас, немецкий дух несет в себе первоначальную, первозданную мощь. И в нужное время он ее обретет.

Однако ее ищет, в самом прекрасном смысле слова, также такой поэт, который, обновляя аллитерацию, желает вновь посетить времена, если можно так выразиться, первоначальной поэтической невинности...

«Искусство рецитации и декламации», лекция «Звучание слогов и проговаривание слов» от 29.3.1923 (Библ. № 281).

«...В греческой поэзии ведь преобладает метр: длинный слог, короткий, короткий; длинный, короткий, короткий; длинный, короткий, короткий.

В эпосе Северной Европы доминирует декламационный момент: высокий тон, низкий тон...

Вы знаете о множестве методов дыхания; немало думали над тем, как следует обходиться с телом человека, чтобы он мог правильно петь или рецитировать. Но в гораздо большей степени дело здесь состоит в том, чтобы проникнуть в подлинные тайны поэзии и рецитации, декламации. Ведь и то и другое вытекает из действительно чувственно-сверхчувственного представления о согласованности пульса, связанного с сердцем, и процесса дыхания. И, как мы увидим в дальнейшем, каждую конкретную стихотворную форму, включая рифму, аллитерацию, ассонанс, можно постичь, если исходить из живого представления о человеческом организме, каким он является, когда использует речь как художественный элемент. Поэтому, пожалуй, представляется правомерным то, что люди, понимающие поэзию более или менее метафорически, говорили о ней как о языке богов. Ибо этот язык богов в самом деле высказывает не тайны преходящего человеческого Я, но тайны мироздания, музыкально и пластически передавая их человеческому сознанию. Он высказывает их, когда через человеческое сердце идет игра сверхчувственных миров дыханием человека».

«Искусство рецитации и декламации», 2-я лекция, 6.10.1920,
Дорнах (Библ. № 281).

«...Рецитация глубже внедряется в естество человека, а также глубже черпает из него, охватывает все кровообращение и дыхание. Но при декламации в дыхание, вплоть до высочайшего человеческого духовно-душевного, поднимается волевое начало, обычно царящее в самых глубоких недрах. И вследствие этого то, что живет в высоком и низком тоне, кажется нам сильнее того, что может возвыситься не только до соразмерности рифмы и стиха, но и до аллитерационного элемента, мощно шествующего и борющегося в мире...

Задача поэзии как искусства — сызнова расширить то, что проза, как хотелось бы сказать, атомизировала, детализировала вплоть до отдельного слова; так что поэзия в гармонии звуков, в их мелодичности, в образности языкового выражения располагается над прозой как второй духовный элемент языка, возывающийся над обыденностью. Прозаик говорит лишь то, что может высказать слово, как одежда мысли, и то, что он сумеет вложить в эту речь из своих непосредственных личных переживаний. Поэт возвращается от этого риторического элемента к гораздо более глубокому, внутреннему человеческому переживанию. Он возвращается туда, где еще, как я уже давал понять, ритмическое в дыхании, а также ритмическое в человеческой системе кровообращения воспринимается в вибрациях, пронизывающих поэтический элемент языка. Мы, собственно,ходим лишь на первооснову ритма, такта, образности, ме-

лодичности в речи, познавая человеческую природу, вплоть до физического в ней...»

«Искусство рецитации и декламации», лекция «Поззия и рецитация» от 7.6.1922, Вена (Библ. № 281).

«...Читать наизусть, по памяти — вещь вовсе не такая простая. Чтение наизусть — это путь, которым содержание, усвоенное ребенком, переносится из духовно-душевной сферы в телесно-физическую. Содержание сперва преподносится ребенку в духовно-душевной форме. Он ведь должен понять то, что заучивает наизусть; ибо бессмысленно говорить о заучивании, если ребенок даже не понимает того, что учит наизусть. То есть вначале нужно понимание...

Следует обращать внимание ребенка на то, чтобы он несколько прислушивался к самому себе. Надо привести его к тому, чтобы в то же время, как он рассказывает содержание, он учился все больше и больше вслушиваться в собственную речь. Этого можно достичь, приучая ребенка, например, действительно различать те звуки, которые он произносит. Ребенку говорят: «Ты что-то читаешь наизусть — и это звучит вокруг тебя, ты тоже можешь это услышать». Надо попробовать внушить ребенку, чтобы он прислушивался к звукам собственной речи. Но одного этого еще недостаточно. Тут необходимо и еще нечто совсем иное. Никогда не удастся добиться того, чтобы ребенок нашел правильный переход от того, как он представляет содержание в своих мыслях или ощущениях, к тому, что выучил наизусть, если не преподнести все ребенку с большим чувством прежде, чем он приступит к заучиванию. Просто нельзя доводить до заучивания наизусть ничего такого, чего ребенок отчетливо не почувствовал во всех деталях, чего не ощущил ясно, то есть прежде всего должно появиться ощущение, позволяющее правильно отнести содержанию...

«Познание человека и формы преподавания», 4-я лекция, 15.6.1921, Штутгарт (Библ. № 302).

«...Все то, что в сфере речи тяготеет к музыкальному, то есть ритмико-рецитативное и т.д., способствует тому, чтобы Я правильным образом утвердилось в организме. Все музыкальное в речи способствует входению Я. Если я замечаю, что у какого-либо ребенка это происходит чрезмерно, то я пробую делать с ним что-то в большой мере относящееся к рассудку, к содержанию речи. Я тогда занимаюсь с ребенком, обращаясь к вещам, больше касающимся рассудка. Если же, наоборот, я замечаю, что ребенок становится слишком мечтательным, я пытаюсь вызвать его на то, чтобы он в большей мере воспринимал рецитаторное, ритм и такт речи. Воспитатель должен

овладеть этим артистически, это, в известном смысле, может составить его силу».

«Медитативно проработанное учение о человеке», лекция от 22.9.1920, Штутгарт (Библ. № 302).

«...Сегодня человек врастает в социальный порядок, где он подвергается тирании языковой прозы. В наши дни существуют бесчисленные реципиенты, тиранизирующие человека прозой, выдвигая на передний план то, что в стихотворных произведениях составляет прозу, т.е. его чисто содержательную сторону. И если в стихотворении при чтении вслух главную роль играет собственно содержательный нюанс, то это рассматривается нынче как наиболее совершенная рецитация. Однако в действительности совершенной является такая рецитация, которая особенно подчеркивает музыкальный элемент. — Я... неоднократно обращал внимание на то, как у такого поэта, как Шиллер, стихотворение выходит из глубочайших недр души. Многие из его стихотворений зарождались сперва как общая мелодия, она овладевала душой, и лишь потом в эту мелодию он как бы погружал слова, содержание. Содержание держится на общей мелодии, и тогда поэтическое исчертывается тем, что языковой стихии придается форма; оно заключено не в содержательном элементе, но в такте, ритме, соблюдении рифмы, т.е. в музыкальном, лежащем в основе поэтического. Я говорил, что при нынешнем способе рецитации люди подвергаются тирании, потому что считать главным в стихотворении только его прозаическую сторону, его содержание, взятое совершенно абстрактно, — это всегда тирания. С позиций духовной науки удается подняться над этой тиранией лишь благодаря тому, что, как я все время пытаюсь сделать, предмет рассматривается с самых различных точек зрения, и понятия становятся текучими, в том числе приобретают художественное выражение...

Поэтому необычайно важно, чтобы в каждом стихотворении внимание ребенка обращалось на музыкальность, лежащую в основе произведения. Поэтому преподавание должно строиться таким образом, чтобы рецитационный элемент, привносимый в школу, по возможности был приближен к музыкальному элементу. Преподающий музыку должен быть, насколько это возможно, близок с преподавателем-реципиентом, так что одно должно непосредственно следовать за другим, и таким образом между ними возникает живая связь. Было бы особенно хорошо, если бы преподающий музыку мог присутствовать на занятиях по рецитации, и наоборот — чтобы они всегда имели возможность связать материал обоих предметов. Тем самым было бы в корне исключено то, что в нашем современном школьном деле еще играет столь большую роль и что действительно относи-

тельно, — абстрактное толкование стихотворений. Этот абстрактный разбор стихотворных произведений, жестко привязанный к грамматическому, гиблен для всего, что должно оказывать воздействие на ребенка. Интерпретация стихотворений — это нечто совершенно ужасное... Необходимо по-заботиться о том, чтобы ребенок, приходя на занятия по рецитации, уже владел тем, что требуется для понимания стихотворения. Отлично можно, к примеру, проходя с ребенком «Прогулку» Шиллера, преподнести ему историко-культурные сведения и психологические аспекты, связанные со стихотворением, но делать это надо, не разбирая произведение строка за строкой, а сообщая все лежащее за пределами содержания предварительно. На уроке рецитации следует заниматься исключительно художественной передачей художественного...»

*«Искусство воспитания, методико-дидактическое руководство»,
3-я лекция, 21.8 — 5.9.1919, Штутгарт (Библ. № 294).*

Утренние изречения в свободных вальдорфских школах

Прежде чем переходить к 5-му классу, обратимся к утренним изречениям, их два: первое произносится ежедневно в классах с 1-го по 4-й перед началом главного урока, а второе было предложено Рудольфом Штейнером для средней и старшей школы.

Для классов 1–4

*Свет солнца золотой
Нам освещает день;
И Дух живет в душе
И силы нам дает.
Я в солнечных лучах)
Ту силу почитаю,
Что ты мне, Боже, дал,
Чтоб с радостью я мог
Работать и учиться.
О ты, источник силы,
О ты, источник света,
Нам посылаешь жизнь,
От нас прими – любовь.*³⁹

И свет, и сила
от тебя
к тебе пускай
струится любовь
благодаря
нам

Для классов 5–12

*Я взглядаюсь в мир,
В котором солнце светит,
В котором звезды блещут,
В котором камни спят,
Живые травы прорастают,
И звери чуткие живут,
И человек в своей душе
Дает жилище Духу.*

³⁹ Приводим здесь и немецкий текст:

*Der Sonne liebes Licht,
Es hellt mir den Tag;
Der Seele Geistesmacht,
Sie gibt den Gliedern Kraft;
Im Sonnen-Lichtes-Glanz
Verehre ich, o Gott,
Die Menschenkraft, die Du*

*In meine Seele mir
So Güting hast gepflanzt,
Daf ich kann arbeitsam
Und lernbegierig sein.
Von Dir stammt Licht und Kraft,
Zu Dir strömt' Lieb und Dank.*

*Я всматриваюсь в жизнь моей души.
Дух Божий, Ты творишь
И в свете солнца,
И в духовном свете,
В мирах далеких,
В глубине души.
К тебе, Творящий Дух,
Я обращаюсь:
Благослови мой труд
И силу дай в ученье.¹⁰*

На конференции 26.9.1919 Рудольф Штейнер по поводу утреннего изречения сказал следующее: «Я считал бы, что очень хорошо начинать занятия с «Отче наш» (это было сказано в ответ на вопрос об «Отче наш»). Потом переходите к изречениям. Для первых четырех классов я предложил бы произносить изречение следующим образом...»¹¹

Ученики должны почувствовать это так, как я это произнес. Надлежит постепенно, мало-помалу — сперва до них должны дойти сами слова — разъяснить им противоположность внешнего и внутреннего.

*Свет солнца золотой
Нам освещает день,
И Дух живет в душе
И силы нам дает...*

С одной стороны, мы видим здесь, как свет озаряет день; с другой — как душевное проникает во все члены нашего тела. Духовно-душевное — физически-телесное: вот что заключено в этой фразе:

*Я в солнечных лучах
Ту силу почитаю,
Что ты мне, Боже, дал,*

¹⁰ Также приводим немецкий текст.:

*Ich schaue in die Welt;
In der die Sonne leuchtet,
In der die Sterne funkeln;
In der die Steine lagern,
Die Pflanzen lebend wachsen,
Die Tiere fühlend leben,
In der der Mensch besetzt
Dem Geiste Wohnung gibt;
Ich schaue in die Seele,
Die mir im Innern lebet.*

*Der Gottesgeist, er weibt
Im Sonn'- und Seelenlicht,
Im Weltenraum, da draußen,
In Seelentiefen, drinnen. —
Zu Dir, o Gottesgeist,
Will ich bittend mich wenden,
Daß Kraft und Segen mir
zum Lernen und zur Arbeit
In meinem Innern wachse.*

¹¹ Здесь приводится еще раз утреннее изречение для 1—4-го классов (см. стр. 82). Мы сочли возможным не печатать его второй раз.

*Чтоб с радостью я мог
Работать и учиться...*

В этих словах выражается почитание того и другого. И снова обращение к тому и другому:

*О ты, источник силы,
О ты, источник света,
Нам посылаешь жизнь,
От нас прими — любовь.*

Так мне кажется должны воспринимать это дети: обращение к Божественному, явленному в солнечном свете и в душе. Вы должны попробовать произнести это хором с детьми — с тем же чувством, с каким я прочел это вслух. Сперва дети выучивают только слова, запоминая само слово, тakt и ритм. Лишь позже вы при случае заявляете им: «Поглядим теперь, что там за словами». Сначала они должны усвоить это и лишь затем получить объяснение. Не объяснять вначале, а также не придавать большого значения тому, могут ли дети сказать это наизусть. Только в процессе повторения, постепенно, раз за разом, они должны выучить это на память. Поначалу они должны буквально считывать это с ваших губ. Пусть это долго выходит плохо — хоть четыре недели, — тем лучше пойдет потом. Те, что постарше, могут и записать это; с самыми маленькими надо разучивать постепенно. Не приказывать им учить наизусть! Хорошо, конечно, если вы напишете им это, тогда они усвоят это написанным вашей рукой».

Если мы углубимся в это утреннее изречение так, как показано выше, то мало-помалу станем ощущать прикосновение чего-то, что можно было бы назвать глубоким восприятием красоты. Мы почувствуем легкое дыхание слова, колеблющегося в ритме ямба и почти естественно для трезвого рассудка соединяющего с пряжей солнечных лучей вокруг нас то, что происходит в душевно-духовной сфере внутри нас. И у нас возникает впечатление, что это изречение действительно выражает не-высказанное в нем напрямую основное настроение второго семилетия — «мир прекрасен». Это настроение пронизывает 3-й класс, как это уже видно из предыдущего; оно проявляется в детях, с ним они живут вплоть до 7–8-го классов. Однако уже в 5-м понемногу подключается новое настроение, настроение третьего семилетия: «мир истинен», и второе утреннее изречение вводит восхищение индивидуальной личности: «Ягля-
зываюсь в мир... Я всматриваюсь в жизнь моей души...» Это изречение будет звучать восемь лет. В течение восьми лет ему надо оставаться столь живым, чтобы школьники могли расти вместе с ним, чтобы они благодаря ему могли пробудиться к правдивости, с которой они себя изо дня в день связывают.

Какая задача для учителя — помочь этой связи состояться! Как передают, Мария Штейнер требовала, чтобы в душе человека, произносящего ежедневные изречения Рудольфа Штейнера, жили лишь три ощущения — радости, благодарности и благоговения. Это, конечно, справедливо и в данном случае. Насторожение учителя отражается в его взгляде, в том, как он держится, в его осанке и жестах, которые он демонстрирует классу, чтобы вместе с учениками начать изречение, оно окрашивает звук его голоса, звучание его слов. Обязательно нужно следить за тем, чтобы охватить класс этим изречением, увлечь его, указать ему путь и не «упустить» школьников в процессе произнесения изречения. Это удается, если мы сразу же найдем единое дыхание с детьми. Первозданная духовная сила, заключенная в начальном слове второго изречения, может вспыхнуть только в том случае, если мы выдыхаем его из глубины своего существа и — не слишком акцентируя его физически — движемся с ним в воздушном пространстве через все строчки первой части, ритмично, с легким ускорением к концу каждой строки. За этими строками должно реально стоять наше переживание, тогда и дети выучат их. Это, конечно, требует некоторых усилий — каждое утро так настроить свое Я, чтобы звучание этих слов делало душевые силы радости, благодарности и преданности живыми и внятными. Во второй части изречения направить сознание детей на внешнее и внутреннее нам помогут короткие, напряженные паузы (не мертвые паузы!), которые мы делаем после слов «в мирах далеких» и «в глубине души», дабы затем на новом дыхании закончить обе строки⁴². Нужно все время думать о том, что акцентирование отдельных слов, которое часто делают с благими намерениями, на самом деле препятствует здоровому процессу внутренней жизни и внутреннего созревания. Этот процесс может протекать, лишь если мы дышим словом, расширяем слова своим дыханием и разгадываем их смысл в звуках. То, как прозвучит утреннее изречение в пространстве класса, может оказаться стимулирующее или расслабляющее воздействие на весь главный урок.

Школьники нижней и средней ступени очень зависимы от жеста, помогающего им собраться, испытать сдерживающую силу, струящуюся в нем. Этот жест — ладони, вложенные друг в друга. Эвритмический жест чистого благоговения (руки, скрещенные на груди справа налево) при обращении с младшими

⁴² В русском переводе эти слова составляют всю строку, в немецком же тексте строка имеет после этих слов продолжение:

In Weltentraum, da draufsein

In Seelentiefen, drinnen. — Прим. переводчиков.

допустим, если он передает соответствующее настроение, на короткое время перед началом говорения, далее следует перейти от него к вышеописанной позе. Эвритмический жест чистого благоговения может возникнуть еще раз на краткий миг в заключении.

На старшей ступени жест уже не может больше оставаться столь же однозначным и унифицированным, это обусловлено индивидуальным развитием каждого. Многие школьники сохраняют, как нечто само собой разумеющееся, жесты, воспринятые раньше, но многим другим хотелось бы оставить их в прошлом и найти новое выражение высшей сосредоточенности. Слабое соприкосновение ладоней в любом случае позволяет более полно и всеохватывающе вжиться в язык утреннего изречения. К этому жесту нужно стремиться, но он не должен быть насилистенным. Существенно здесь заинтересовать школьника, воздействуя на него через ухо, вовлекая его в процесс вслушивания, в предоощущение настроения. В связи с этим следует указать на книгу серии «Антрапология и воспитание», № 21, написанную Хильдегард Гебберт и озаглавленную «Воспитание человека с позиций понимания искусства». Там показано, что утреннее изречение в 11-м классе можно сравнить с первым «Гимном Ночи» Новалиса. Вполне понятно, что в этом возрасте, в 17-18 лет, такое сравнительное рассмотрение может положить начало новому аспекту в отношении к этому изречению.

ПЯТЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

Наши дети, живущие в большем городе, еще по дороге в школу (а многие добираются издалека, по улицам с интенсивным движением) получают множество вредных и тяжелых впечатлений. Они приходят на занятия рассеянные, усталые, непоседливые, и это нередко определяет атмосферу в классе и затрудняет начало урока. Спокойно заданный вопрос учителя об отсутствующих, спокойное ожидание ответа могут помочь ученикам почувствовать себя частью целого класса и сосредоточиться для утреннего изречения. Вслед за тем некоторые дети, стоя перед классом, произносят стихотворения из своих характеристик (по возможности каждый ребенок — раз в неделю). Тут уж все (особенно в этом возрасте!) внимательно следят, будет ли Карл говорить медленней, а Сусанна — красивее и с большим чувством. Ута сегодня действительно внятно выговаривает каждое слово, а Вольфганг наконец-то сделал паузу в положенном месте. Такого рода мысли, не высказанные вслух, проносятся в умах детей, и их испытывающие взгляды скользят по лицу учителя, который должен вновь и вновь помогать ребенку

все более художественно читать свое стихотворение, дабы у него постепенно не вошло в привычку пустое, не наполненное чувством говорение. А как оживляются дети, когда кому-то из них доведется прочесть стихотворение за отсутствующего ученика, чья очередь приходится на этот день! В подобной активности находят выражение созидательные, организующие силы коллектива. Теперь все готовы к совместным упражнениям в ритмической речи, упорядочивающей волевые токи, успокаивающей и проясняющей мысли:

стойко так стою
твердо так иду
я по свету
на Земле

*standhaft stehe ich
sicher gehe ich
auf der Erde
durch die Welt*

Левую ногу несколько отставить в сторону, правую тоже, хорошо это ощущая; голову держать прямо; мы чувствуем себя монументальной колонной; широко распахнуть руки и одним прыжком вновь соединить ноги после произнесения последнего слова.

Проговорить то же самое еще раз; повторяющийся звук «Т» в первых двух строках должен действительно срастить нас с почвой, укоренить в ней так, чтобы это ясно слышалось, когда мы его произносим. В дальнейшем, повторяя упражнение еще раз, мы выполняем одни только движения, а слова произносим лишь про себя, безмолвно вживаясь в речь. Чем более насытимся мы ею, тем более единым, всеобщим будет следующее сразу за этим еще одно проговаривание того же упражнения вслух. Все это исполняется постепенно, учитель не вмешивается и не прерывает действия. После совсем короткой тихой паузы учитель вводит класс в следующее упражнение, например такое:

Baue Boote bunt bebildert
(*Будь заботлив, не забудь*
про бабушкины бобы
да про белые грибы)
pflanze Pfähle pfeilgerad
(*перед по ветру в плен ветвей*)

мы хватаем кистями воздух,
проводим вытянутой правой
рукой сверху вниз

Wache, wirke, wohlbeschildert
(от вишен веет белый ветер,
вливайся, воздух вольных странствий)
schneide, Schnitter, deine Saat
(сожни, жнец, рожь,
скоси, косарь, траву на сено;
срезь, садовник, свой салат)

мы поднимаем руки
ладонями вверх
короткие режущие движения

Продолжаются занятия с речевыми упражнениями из курса 4-го класса. Упражнение «*Mäuse messen mein Essen*» теперь мы делаем с мячом, который либо перехватывают, либо перебрасывают при произнесении слова. Если удастся достичь того, чтобы слово выговаривалось в момент поимки мяча, усиление артикуляции становится заметным на слух. Однако в этом возрасте ребенок еще так занят ловлей мяча, что для развития его речи все же лучше выговаривать слово при броске мяча, хотя пробовать, конечно, можно и то и другое.

В упражнении «*Komm kurzer kräftiger Kerl*» мы продолжаем тренировать произношение звука «К», переступая пятками, причем вторые и третьи слоги отбиваются легким хлопком в ладоши, а иногда и ходьбой некоторых учеников в тakt речи. Класс радуется всякий раз, когда учитель безмолвно дирижирует руками: *Mäuse* (знак паузы) *messen*, *mein Essen* — *Mäuse messen mein* (знак паузы) *Essen* и т.д.; при этом каждый ребенок старается не выпасть по своей невнимательности из общего ритма. Учитель подает знак отдельным рядам, и дети, сидящие там, произносят каждый раз заранее заданное слово из текста упражнения, при этом можно переходить от громкого тона к тихому, от быстрого темпа речи к медленному. Все это относится к речевой гимнастике, которая теперь, в 5-м классе, должна включаться в учебный процесс и пробуждать у детей силы для свободного обращения с речью. Вспыхивает радость творчества, она искрится и сверкает в классной комнате, когда на занятиях активно работают со слогом и словом. Вводятся новые упражнения Рудольфа Штейнера. Упражнение, устраивающее назальное произношение (гнусавость), артикулирующее звуки и выводящее их вперед, в правильное положение:

*Kurze knorrige knochige Knaben
knicken manchem Männchen
manchmal manchen Knorpel*

*В кастрюлю к ночи кинь крупу,
к ней манки, мака, молока,
и масла, и муки, и меда.*

На звук «К» мы соприкасаемся возвышениями на ладонях у основания больших пальцев — «венериными холмами», на звук «М» — пальцами рук. Можно также отбивать «венериными холмами» первые слоги, а все последующие сопровождать касанием кончиков пальцев. Таким образом каждый слог хорошо дифференцируется.

Упражнения, укрепляющие органы речи и придающие им гибкость:

*Pfiffig pfeifen
Pfäßische Pferde*

*В пенье флейты,
в пляске ветра,*

*Pflegen Pflüge
Pferchend Pfirsiche*

*в плеске волн,
в плену фиалок*

*Pfiffig pfeifen aus Näpfen
Pfäßische Pferde schlüpftend
Pflegen Pflüge hüpfend
Pferchen Pfirsiche knüpfend*

*В пенье флейты светлых эльфов,
в пляске ветра с флюгерами,
в плеске волн и флагах флота,
в плену фиалок легких фей*

*Kopfspiffig pfeifen aus Näpfen
Napfpaßfisehe Pferde schlüpftend
Wipfend pflegen Pflüge hüpfend
Tipfend pferchend Pfirsiche knüpfend.*

*Миф в пенье флейты светлых эльфов,
рев в пляске ветра с флюгерами,
зов в плеске волн и флагах флота,
лов в плен фиалок легких фей*

— чисто фонетическое упражнение на произношение звука «PF» и др. Прыжок на звук «PF» или сопровождение коротких слогов бегом на цыпочках благотворно действует на детей, особенно на медлительных, вялых, это способствует их большей собранности и повышению внимания.

Sieh silberne Segel auf fließendem Wasser

Взгляни на серебряные паруса на струящейся воде.

Взор твой ясный к выси звездной обрати.

(А. Блок)

*В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Веяли звездные сны.*

(А. Блок)

*Он мчится вдоль Невы в санях,
На синих иссеченных льдах
Играет солнце.*

(А. Пушкин)

Мы слышим «S» в его разных звучаниях — как «З» и как «С» — и если мы не будем произносить первые три слова слишком кратко, что может от излишнего усердия случиться, то придем в прекрасное мечтательное настроение.

*Schlinge Schlange geschwinde
Gewundene Fundewecken weg
Gewundene Fundewecken
Geschwinde schlinge Schlange weg*

*В шляпах, в шлемах, в шапках, в шалях,
в шлейфах шелковых плащей
вышли вон, вышли вон.
В воздух весело взлетали
шляпы, шлемы, шапки, шали,
шлейфы шелковых плащей.*

— фонетическое упражнение на произношение звуков «W» и «SCH» — о змее и о том как она быстро то свиается, то распрямляется и уползает в кучу камней.

Учитель руками показывает, как приползает змея, на второй строчке быстро свиается в кольцо, на третьей — снова распраямляется, после слова «Geschwinden» на миг задерживается, чтобы на последних трех словах моментально юркнуть в кучу камней. Класс, следя за движениями учителя, в нужном ритме произносит упражнение.

<i>Redlich ratsam</i>	Рад стараться
<i>Rüstet rühmlich</i>	В ряд берет
<i>Riesig rächend</i>	Руку ранил
<i>Ruhig rollend</i>	Рюрик ръянный
<i>Reuige Rosse</i>	Рай и роза
	Рев и риза
	Рыба, робость
	Рим горит

— фонетическое упражнение на произношение звука «Р» — о коне (*Rosse*), двигающемся в разном ритме.

Мы изображаем воздушные волны от одного «Р» к другому, это могут быть и «кувырки» рук. Учитель обозначает движение жестами рук, дети произносят текст, следуя за его жестами.

<i>Protzig preist</i>	Просто прятать
<i>Bäder brünstig</i>	Барин брось
<i>Polternd putzig</i>	Полдень пушки
<i>Bieder bastelnd</i>	Быстро бегать
<i>Puder patzend</i>	Пышно парит
<i>Bergig brüstend</i>	Больно брякнуть

Еще один русский аналог:

Перед домом поставили пушек ряд,
В каждую пушку вложили заряд,
Из пушек палили за залпом залп.
Евсей же все спал, да спал, да спал.
(«Евсей», Ю. Владимиров)

— фонетическое упражнение на произношение звуков «Р» и «В». Ставится задача научиться чувствовать звуки, отчетливо слышать их вплоть до последнего слога. Детям нравится разжимать кулак на звук «Р» и снова сжимать на звук «В». Восприятие различия между «Р» и «В» успешно тренируется также такими рядами слов *«Pracht, Protz, poltern»* (на слове *«poltern»* дети стучат кулаком по столу); *«Berg, Burg, Baum»* — мы слышим, как в слове оживает сила звука.

Благодаря такой игре в сознании детей возникают картины и образы, в своей речи они начинают «живописать», «пластицировать», и учитель может переживать маленькие «звездные часы», когда в пятом классе у детей в какие-то моменты вдруг рождаются собственные упражнения на те или иные звуки.

*Brauner brummender Bär
Bach Birke Busch
Buntes blühendes Blumenbeet
Rasch rieselnder Regen
Riesiges ratterndes Rad
Räuber rauben Rosse
Polternde prachtvolle Postkutsche
Sumpfiger sonniger See
Schäfers Schafe schlafen
Reite mit Peitsche an der Seite
Liebe Leute Leben Länger
Es prahlen praechige Prinzen
mit protzigem Prunk*

*Браво в барабаны бьют
Бор бушует бурно
Брось браслеты, бусы, блестки
Режь ровнее рожь
Раскатилась радуга
Рыцарь в раме розоватой
Пыльный проезжал пустырь
В сумерках зим в золоте солнца
Шелест шагов в шалаше
Как всаднику скакать в седле
Любить листву и зелень лета
Быть преданным и преклоняться
перед прелестью принцесс*

Наряду с речевой гимнастикой в этом возрасте детей приобщают еще к текстам великих культурных эпох: индийской, персидской, вавилонско-египетской и греческой. Тексты произносятся хором. Избранным примерам предпосланы следующие слова Пиндаря (заимствованные из книги Э. Шюре «Великие посвященные»): «На небесах учиться — означает смотреть, на земле учиться — означает вспоминать, припомнить. Счастлив тот, кто прошел через таинства (мистерии), ему ведомо начало и цель жизни».

Индия

Ведический гимн

(см. Э. Шюре, «Великие посвященные»)

*О Агни! Священный огонь!
Очистительный огонь!
Ты, спящий в лесах
И поднимающийся в сверкающем пламени
с алтаря...*

Изречение на восход солнца из Ригведы III

*Живительный свет божественного солнечного существа,
Пробуждающий любовь,
Мы в размышлениях погрузимся в себя,
Чтобы он помог нашим мыслям устремиться в будущее.*

Из Бхагавадгиты (Х, 20)

Бог есть источник всего, познать его — значит познать все...

Мантра из Упанишад

От кого происходит весь мир,
К тому он возвращается опять,
Тому, кто служит ему надежной опорой,
Ему, Всеведающему,
Хвала и слава.

Созидательный ритм индийской Ригведы (Х, 129)

Тогда не было ни небытия, ни бытия,
Не было ни воздушного пространства,
Ни неба наверху над ним...

Из Бхагавадгиты

Но я есть источник,
Из которого проистекает вся Вселенная
И куда она возвращается...

Персия

Обращение к Ахура Маздао из Зенду-Авесты

Мы чтим тебя, о Ахура Маздао,
Мы преклоняемся пред тобой,
О Бог мудрости, Владыка жизни!..
Мы обращаем к тебе
Все наши чистые помыслы,
Все наши добрые дела!..

Изречение из Авесты (ясна 36, 6)

Мы посвящаем себе самое благородное тело из всех тел,
О Бог мудрости, Владыка жизни!
Тебе этот свет дневной,
Тебе высочайшая из высот
Там вверху, что зовут Солнцем.

Молитва, обращенная к Ахура Маздао, из Авесты

Сначала мы приближаемся к тебе
Через деяние огня,
К тебе, о Всемудрый Владыка жизни...
К тебе, чрез святейший твой дух,
Царящий в огне...

*Заратустра, из Зенд-Авесты
(10-я гата, ясна 45)*
И я хочу сказать
О двух духах
В начале начал мира;
Из них святой дух
Так говорил Злому:
«Не совпадают ни наши учения,
Ни решения нашей воли,
И наши души не сливаются в гармонии,
Ни наши слова,
Ни наши дела,
Ни вся наша мудрость...»

Древнеперсидское изречение
Неси Солнце на Землю!
Ты, человек, между Светом
Поставлен и Тьмой...
Будь поборником Света!
Люби Землю!
В сверкающий драгоценный камень
Обрати растения,
Обрати животных,
Обрати самого себя.

Из Зенд-Авесты
Великий Ормузд
обратился
с высочайшим знанием и чистотой
в свете Мира.
Ариман,
творец всего Зла,
одного происхождения с Ормуздом.
Оба они вышли
из Зеруаны Акхерены, безграничного Времени,
из которого вышло все и к которому
все возвращается...

Вавилон

Древневавилонское изречение
(цитируется по Р. Штейнеру, «Оккультная история», 4-я лекция)
Взгляни на человека, идущего там,
он не старик и не дитя,
там идет здоровый,
а не больной,

он не бежит слишком быстро
и не бредет слишком медленно,
и ты увидишь меру движения Солнца.

Сказание из эпоса о Гильгамеше, первая таблица
Он видел все, Владыка страны, он узнал каждого
И что каждый может и делает, все понимал он...

Египет

Из гимнов Солнцу фараона Эхнатона (Блеск Атона)

Прекрасен твой сияющий восход на краю неба,
Ты, живой Атон, тот, кто жил раньше всех!
Когда Ты поднимаешься на восточном краю неба,
То наполняешь Твоей красотой каждую страну,
Ибо Ты прекрасен и велик в своем блеске,
Ты высоко над Землей¹³...

Обращение к богу солнца Ra (утренняя песня древнейшей эпохи)

Ты просыпаешься в мире,
Очищенный, в мире,
Ты просыпаешься в мире,
Восточный Гор, в мире,
Ты просыпаешься в мире,
Восточная душа, в мире,
Ты просыпаешься в мире,
Гор горизонта, в мире...

Изречение Гермеса Трисмегиста

Так, как наверху,
Так и внизу,
Ибо отражение того,

¹³ Кроме этого перевода существует известный перевод «Гимна солнцу» В. Потаповой:

Великолепно твое появление на горизонте,
Воплощенный Атон, жизнетворец!
На небосклоне восточном блестяя,
Несчетные земли озаряешь своей красотой.
Над всеми краями,
Величавый, прекрасный, сверкаешь высоко.
Лучами обняв рубежи сотворенных тобою земель,
Ты их отдаешь во владенье любимому сыну.
Ты — вдалеке, но лучи твои здесь, на земле.
На лицах людей твой свет, но твое приближение скрыто.

*Что на Небосводе,
И есть то, что здесь, на Земле.*

Из гимна Нилу

*Разливаешься ты, о Нил, и тебе мы приносим жертвы,
Мы забиваем тебе быков,
И празднуем праздник жертвоприношения:
Ты зеленеешь, ты зеленеешь,
О священный Нил.⁴⁴*

Молитвенное обращение к речному божеству Нила

*Поклоняемся тебе, о поток,
Тебе, вытекающему из Земли
И приходящему накормить Египет,
Тебе, кто поит пустыню,
В которой нет воды.
Это твоя роса падает с неба.
Это ты приносишь нам пищу,
Ты даешь обильные плоды.*

Из египетской «Книги Мертвых»

*Словно Феникс, парю я в небе,
Направляю к востоку ладью.
Словно Озирис, двигаюсь я вперед к Джидде,
отверзаю источники небесного Нила...*

⁴⁴ Существует также перевод одного из гимнов Нилу, сделанный А. Ахматовой. Приводим его здесь.

Восхваление Нила

*Слава тебе, Хати!
Ты пришел в эту землю,
Явился, чтоб оживить Египет.
Бег его таится, подобно мраку
Среди дня, когда слуги его воздают хвалу ему.
Он орошают поля, созданные Ра,
Чтобы дать жизнь каждой козе;
Он поит и пустыню и сушь —
Ведь это его роса падает с неба;
Он любит землю,
Он правит Непра,
Он дарует процветание ремеслам Пта.*

Задержимся на мгновение, прежде чем двигаться дальше, к греческой эпохе. Даже переданные современным языком, эти тексты способны пробудить в нас ощущение того, насколько отличается настроение этих далеких изначальных человеческих культур от того, что мы можем наблюдать сейчас. Рудольф Штейнер многократно рассказывал о древних культурах в своих трудах («Теософия Розенкрайцеров», «Очерк тайноведения», «Внедрение духовных сущностей в человека» и др.).

Настроение, которое создает учитель, читая с классом древние изречения, очень сильно воздействует на учеников. Однако, если мы хотим, чтобы наша речь передавала хотя бы слабый отблеск сознания минувших эпох, она не должна звучать слишком приближенно и поспешно. Ведь широта и глубокая созерцательная погруженность в окружающий мир, изначальное удивление перед ним древний индиец передает усиленным звучанием «А»: «Nicht Nicht-Sein war, nicht Sein war dazumal» («Тогда не было ни небытия, ни бытия»).

Вслед за тем — поклонение огню землепашца-перса и рядом драматическое столкновение сил света и тьмы. Но этот драматизм еще не выявляет ограниченности текущего момента бытия. Далее — египтянин, взгляд которого обращен к звездам, он исследует их пути и законы движения. Речевое пространство Египта пронизано таинственным солнечным сиянием. На детей это производит огромное впечатление, и если они еще немного продвинутся в этом направлении, то в речи классного хора развивается такое дыхание, которое имеет в своем ритме определенное соотношение с пульсом, что представлено в стихотворном размере древних греков — гекзаметре: три дактилических стопы — цезура — три дактилических стопы — цезура.

Конечно, лучше всего это чувствуется, если читать тексты по-гречески, в немецком переводе (многократно проникнутом пентаметром) — в общем-то тоже, благодаря повторению трех долгот перед цезурой, хотя и с некоторыми отклонениями. Понятно, что необходимо упражняться длительное время, пока не удастся представить гекзаметр музыкально-пластических эпических поэм Гомера или «Ахиллеца» Гете в форме, соответствующей протяженному характеру этого стиха в его чистом виде. (Подробности о происхождении и стиле гекзаметра приведены в «Послании Эллады» Фр. Гибеля.)

Многочисленные примеры для упражнений можно найти у немецких поэтов⁴⁵. Фридрих Шиллер указывает на различие между гекзаметром и дистихоном (античным двустишием с чередованием гекзаметра и пентаметра). Обе формы стиха приведены здесь к сведению учителя:

Эпический гекзаметр:

*Schwindelnd tragt er dich fort auf rastlos stromenden Wogen
Hinter dir siest du, du siehst vor dir nur Himmel und Meer.*
Вечно сменяя друг друга, несут его быстрые волны.
Глянешь назад — пред собою увидишь лишь небо да море.

Дистихон:

*Im Hexameter steigt des Springquells flussige Saule,
Im Pentameter drauf fällt sie melodisch herab.*
Гейзер, вздыхаясь в текучих гекзаметра струях,
Падает ниц, разбиваясь пентаметром стоп.

Для упражнения учащимся — «Красивый мост» Ф. Шиллера:

*Выше и ниже меня мчатся кареты и волны,
и добрый мастер позволил мне тоже с ними идти.*

У Гёте можно найти многое, например:

*Видел волну ты, когда в берег она ударяет,
Глянь-ка, вторая уже катится, пенясь, за ней.
Тут же и третья встает; право же, ждешь ты напрасно
Нынче последней, чтоб смирно к твоим улеглась ногам.*

Стоит привести также стихотворение Мёрике:

*Зевс, дабы центр Земли отыскать, которой владеет,
Путь самый мудрый нашел; вот что поведал поэт:
Двух быстрокрылых орлов разом пустил он в полет
Навстречу друг другу — прянул с восхода один,
С заката другой полетел,
Взмахи крыльев у них одинаково сильны.*

*Там, где сошлись их пути, искомое Бог получил.
Там, где встретиться Мудрость должна с Красотою,
Смело ставьте треножник, стройте на месте том храм!*

Из Шиллера — «Одиссея»:

*Избороздил океан, устремляясь к отчизне;
Сциллу сумел обмануть, мимо Харибы проплыл,
Ужас враждебной земли и ужас враждебного моря —
Все сумел превозмочь, даже спускался в Аид.*

⁴⁵ В русской литературе гекзаметр представлен переводами греческих гимнов, «Илиады» (пер. Н. Гнедича) и «Одиссеи» (пер. В. Жуковского), а также некоторыми стихами поэтов XIX века (например, «Царскосельская статуя» А. Пушкина, «Вечер после дождя» И. Никитина, «Тщетно, художник, ты мнишь...» А.К. Толстого и др.).

*Снящего, рок, наконец, принес к побережью Итаки.
Но, в слезах пробудясь, родины он не узнал.*

(Перевод Е. Эткинда)

Протяженный стих гекзаметра следует прочувствовать стопами ног. Некоторые ученики могут сразу вышагивать его, большая же часть класса, упражняясь, мало-помалу также приобретает такую способность. Постепенно достигается концентрация внимания только на долготах. И при этом тоже оказывает помочь палочка, обращаться с которой дети научились уже в четвертом классе; теперь она используется для броска. Дети встают в два ряда, по девять человек в каждом, не строго напротив друг друга, а с некоторым смещением — так, что получается полная строка гекзаметра, в которой обе немые цезуры тоже изображаются броском. Бросать и ловить палочку надо слаженно, в хорошем согласии с ударным (дышащим) слогом. Для этого подходят отрывки из «Одиссеи» и «Иллиады», например:

*Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над ними ходящего бога, —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная муз.*

(«Одиссея» перевод В. Жуковского)

С удовольствием декламируют дети начало «Одиссеи» по-гречески, целиком подчиняясь ритму. Следует обращать внимание на две опасности, часто возникающие при чтении вслух гекзаметра. Во-первых, на понижение голоса перед цезурой — т.е. перед ней как бы ставится голосом точка: «*Муза, скажи мне о том . многоопытном муже*». Во-вторых, на то, что внятность перед цезурой легко переходит в некрасивую распевную интонацию — *Муза, скажи мне о том многоопытном му-у-же-е.*

Найти меру — это целое искусство! В гекзаметре фразы длинные, требуются сила и выдержка, чтобы произнести их до конца, не переводя дыхания. Мыслительное спускается в речь сверху, а манера говорения — целиком рецитаторная. Лица наших «юных греков» выглядят прекрасными и достойными, и учителя пятых классов часто рассказывают о чудесной гармонии, царящей во время этого чтения. Человек ощущает себя в ритмическом беге, несущем жизнь, придающем силы. «Все течет!» (Гераклит). С одинаковой охотой дети слушают и говорят, гармония пронизывает атмосферу класса. Стихотворение Р.

Штейнера, которое часто в четвертом классе предваряет учение о человеке (элементарные начала антропологии), теперь можно ввести без труда; в нем высказано то, что неосознанно дети уже прочувствовали.

*В нашем сердце ткутся чувства,
В голове сверкают мысли,
В нашем теле крепнет воля.
Ткется сиянье,
Крепнут все ткани,
Светится сила:
Вот человек.*

Еще несколько дополнений к этой эпохе.

Из «Гомеровских гимнов» (перевод В. Вересаева):

К Аресу

*Арес, сверхмощный боец, колесниц тягота, златошлемный,
Смелый оплот городов, щитоносный, медянооружный,
Сильный рукой и копьем, неустанный, защита Олимпа,
Многосчастливой Победы родитель, помощник Фемиды,
Грозный тиран для врагов, предводитель мужей справедливых,
Мужества царь скипетроносный, скользящий стезей огнезарной
Меж семипутных светил по эфиру, где вечно коней ты
Огненных гонишь своих по небесному третьему кругу!
Слух преклони, наш помощник, дарующий смелую юность,
Жизнь освещающий нам с высоты озарением кротким,
Ниспосылающий доблесть Аресову. Если бы мог я
Горькое зло от моей отогнать головы, незаметно
Разумом натиск обманный души укротить и упрочить
Сызнова острую силу в груди, чтоб меня побуждала
В бой леденящий вступить. Ниспошли же, блаженный, моя смелость,
Сень надо мной сохрани неколебимых мирных законов,
И да избегну насильтвенных Кер⁴⁶ и схватки с врагами!*

К Афине

*Славить Палладу Афину, оплот городов, начинаю,
Страшную. Любят она, как и Арес, военное дело,
Яростный воинов крик, городов разрушенье и войны.
Ее хранится народ, на сраженье ль идет, из сраженья ль.
Славься богиня! Пошли благодеяние нам и удачу!*

К Аполлону

Феб! Воспевает и лебедь тебя под плескание крыльев,

⁴⁶ В греческой мифологии Керы – демонические существа. Они присутствуют на поле битвы, обагряясь кровью, утаскивают раненых.

*С подоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка.
Радуйся много! Да склонит тебя моя песня на милость!*

Из сочинений Аристотеля

*Зевс есть первый и Зевс — последний, он молнии мечет.
Зевс — вершина и середина, все приготовлено Зевсом,
Зевс есть корень Земли и Неба со всеми звездами,
Зевс — дыханье всего, бурный огонь, что не знает покоя,
Зевс первопричина есть моря, Зевс — Луна, а также вновь Солнце.
Зевс — это царь, всех существ повелитель...*

Из «Илиады»

*Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:
Ветер одни по земле развеивает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
Так люди: сии нарождаются, те погибают.*

(Гл. VI, стихи 146—149, перевод Н. Гнедича)

Оба этих текстовых фрагмента хорошо связываются между собой; в заключение можно повторить текст о Зевсе.

Очень популярно начало поэмы «Ахиллея» Гёте. Реже используется то место, где описывается появление различных божественных персонажей, но и оно воспринимается детьми с большим удовольствием. Приведем его:

*Между тем, в зал вступили и прочие боги.
Первой вошла Артемида, победе стрелы уже рада,
Что сразила оленя могучего ей у источников Иды.
Также Ирида с Гермесом, затем благородная Лето,
Всегда ненавистная Гере, с ней схожа, но только милее,
Феб следом за нею, радуя видом своим его породившую мать,
Мощный воин Арес быстрым шагом проходит,
Ни с кем не любезный, Кипридою лишь укрошенный прелестной.
Позже, стреляя глазами, пришла Афродита,
Ведь нехотя так поутру покидает богиня влюбленных,
Приятной истомой объята, как будто бы ночи для отдыха ей
Не хватило, она опустилась в объятия трона.
Мягкий свет тут наполнил чертог; дуновенье эфира
Донеслось издалека, возвещая явление Кронида.
Тут же он и вошел из высоких покоеv в собранье,
Опираясь на жезл свой — творенье Гефеста. И так величаво и плавно
На искусно сработанный трон золотой он воссел,
Остальные же, спок, склонились пред нам и расселись — в отдельности каждой...*

Не должна выпасть из эпохи Греции в 5-м классе и воодушевляющая песнь Пиндара, посвященная Олимпийским играм:

Когда ты смело стоишь на колеснице
И четыре необъезженных коня,
Диких, необузданых,
Встают на дыбы, чуть натянешь вожжи,
Ты направляешь их силу кнутом,
Тех, кто в сторону прянул, — назад,
Тех, кто вздыбился, вниз возвращая,
И мчишься, и правишь на поворотах,
Бьешь кнутом, удерживаешь и снова гонишь,
Пока шестнадцать ног в едином ритме
Не донесут тебя до цели:
Вот это мастерство,
Уверенно — властная сила.

(Подстрочный перевод из Гёте)

В заключение — греческий гимн, обращенный к архангелу Михаилу (дается подстрочный перевод):

«Михаил, сияющий представитель
Божества триединого солнца!
Могучий властитель!
В вышине вместе с ангельскими воинствами
Восклицаешь ты, полный радости:

«Свят ты, Отче,
Свят ты, Бог Слова,
Сущий прежде всякого начала,
И ты, Дух.
Да святитесь вы в величии, в господстве,
В Божественной природе и силе.

Михаил, Князь ангелов,
Из огня твой облик
И чудесна твоя красота.
Без телесного покрова
Шестваешь ты сквозь дали мира,
Исполняя веления Всемогущего
И являясь во всей силе своей.

Господи, Ты, как написано,
Ветрами делаешь Своих ангелов
И Твоих служителей — пламенами огненными,
Ты поставил первым высочайшим
Предводителем твоих сонмов.

Архангела Михаила.

*Он внемает всякоему твоему знаку, о Логос.
И возносит в благоговении пресвятую песнь
Во славу Твою.*

Высказывания Р. Штейнера

«...Суть гекзаметра состоит в том, что, желая быть стихом для сообщения, для рассказа, он охватывает ноги человека, привнося ритм при ходьбе. Не зря мы говорим «стихотворные стопы». Если мы хотим правильно прочувствовать гекзаметр, то должны также чувствовать, что гекзаметр можно не только произносить, но его можно вышагивать, гекзаметром можно ходить. Когда что-либо сообщают, т.е. высказывают, делают очевидным нечто обдуманное рассудком, тогда дело заключается в том, чтобы с самого начала действительно исходить из обдуманного...»

«Искусство речи и драматическое искусство», 3-я лекция «Речь как воплощенный жест», 7.9.1922, Дорнах (Библ. № 282).

«...Все то, что развертывается поэтически, обретает поэтическую форму, в действительности основывается на соотношении дыхания, переживаемого внутренне, и циркуляции крови, переживаемой внутренне. Дыхание подсознательно считает удары пульса; удары пульса подсознательно считают вдохи и выдохи, делят и членят, членят и делят меру (длительность) и число слов. И в гекзаметре, где поэзия впервые предстает в самой легкой для нашего понимания форме, мы видим, как в трех первых его стихотворных звенях и в цезуре устанавливается соотношение четыре к одному. Гекзаметр дважды повторяет это соотношение циркуляции крови с дыханием. Человек вбирает духовное в свою изначальную внутреннюю деятельность, поэтически претворяя то, что он представляет собой в каждый момент его жизни здесь, на Земле: продукт дыхания и циркуляции крови. Он художественно членит это на слог и меру, на слог и число...»

«Искусство рецитации и декламации», лекция «Звучание слов и произнесение слова», 29.3.1923, Штутгарт (Библ. № 281).

«...Мы, вероятно, лишь тогда опять достигнем внутреннего, действительно душевного понимания поэтического искусства, когда будем в состоянии отыскать его истинную родину. А этой истинной родиной поэтического искусства является, конечно же, духовный мир. Правда, надо учесть, что именно элемент рассудочный, отвлеченный, идеальный, который в настоящее время больше всего поощряется и развивается, оказывает наиболее парализующее влияние как раз на поэтическое искусство. Что

под этим имеется в виду, вероятно, лучше всего можно понять, если вспомнить, что одно из самых значительных произведений поэтического искусства сразу же обращается к нам из глубины веков с признанием своего создателя (или создателей). Творения Гомера всегда начинаются словами: «Воспой, о муз...» Сегодня мы слишком склонны воспринимать такого рода слова более или менее как фразу. Когда же они были сказаны впервые, это не было фразой, это было внутренним духовным переживанием... Поэт знал, что его душу, его внутренний мир захватывает действительно объективная духовная сила. То, что в ходе развития человечества такому сознанию пришлось измениться, — это тоже исторически зафиксировано».

«Искусство рецитации и декламации», Лекция «Поззия и рецитация», 7.6.1922, Вена (Библ. № 281).

«...Есть великая тайна: все целительные силы изначально заложены именно в дыхательной системе человека. И кто действительно всеобъемлюще понимает дыхание, тот знает благодаря этому целительные силы, таящиеся в человеке. Целительные силы не заключены в других системах, другие системы сами нуждаются в лечении. Система дыхания (справьтесь в том месте, где я говорил о педагогике) становится особенно деятельной между седьмым и четырнадцатым годами жизни ребенка. Возможности заболевания велики в течение первых семи лет жизни и снова возрастают после четырнадцати лет, и их меньше всего в то время, когда система дыхания с помощью эфирного тела пульсирует во всем человеческом теле, пронизывая его насквозь. Именно в системе дыхания заключено таинственное целительное дуновение. И все тайны исцеления являются одновременно тайнами дыхания...»

«Кругооборот года в четырех космических имагинациях», 5-я лекция, 13.10.1923, Дорнах (Библ. № 229).

«Около двенадцатого года жизни (и за этим нам следует наблюдать) у ребенка должно быть развито чувство красоты языка, эстетическое восприятие языка; опять-таки около двенадцати лет ребенку следует также стараться, прилагая к тому умственные усилия, говорить так, чтобы это можно было назвать «говорить красиво». Начиная с этого возраста и вплоть до возраста половой зрелости ребенку нужно в первую очередь развивать то, что относится к практическому овладению речью для убеждения кого-то другого, т.е. диалектический элемент языка. К этому элементу ребенка следовало бы подводить только при выходе его из школьного возраста. В нашем отношении к языку нам мало-помалу должно открыться прежде всего чувство правильности языка, заложенное в самой жизни,

чувство красоты языка и затем чувство той силы, которая приобретается в жизни через язык, речь..."

«Здоровое развитие телесно физического как основа свободного проявления душевно-духовного», 12-я лекция, 3.1.1929, Дорнах (Библ. № 303).

ШЕСТОЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

«Мчится время, вместе с ним — раз, два, три! — и мы бежим!» — звучат, наполняя класс, чистые голоса. Все быстрее пробегают слова по рядам, сливаясь, наконец, в общий хор. В распоряжении учителя — удовольствие учеников от самого процесса говорения и их способность к беглой речи, форма которой, вычеканиваясь, становится все более индивидуализированной. Большой соблазн для учителя — сразу обратиться к балладе, но это пока преждевременно. Шестиклассник должен сперва еще глубже укорениться в родном языке и обрести направление развития, руководствуясь особенностями своей личности. Следовательно, драматическое в шестом классе сводится пока к знакомству с пестрой жизнью языка. Любовь детей к языку велика, поэтому с ними можно говорить о многом; взыскательность, требовательность к речи, а также необходимость упражнять в речи то, что нуждается в упражнении, принимается с готовностью. Вначале мы обращаемся к разумчивому, повествовательному речевому потоку пятого класса и при этом вырабатываем с помощью подчеркивания пауз движениями руки, а также более громкого и быстрого чтения некоторых строк усиленную, динамическую манеру речи. Затем переходим к соответствующей нынешней ступени развития поэзии — к той, в которой из эпического естественно вырастает драматическое. Таким образом, скрытые движения еще не развившегося асторального тела не будут вызваны насилиственно. Рудольф Штейнер рекомендовал фрагменты «Потерянного рая» Джона Мильтона, «Прогулку» Фридриха Шиллера и сказку «Откуда берется зло?» из девятой картины собственной драматической мистерии «Испытание души». Приведем отрывки из названных произведений.

Потерянный рай

(отрывки из гл. VII)

Д. Мильтон

Пришел шестой, последний день творенья,
Приветствуем и вечером и утром
Гармонией звучащих сладко арф.
И Бог сказал: «Пускай земля отныне
Произведет созданий новых род. —

Скот несчаствомный, и ползучих тварей,
И всяческих зверей земных. Земля
Повиновалась, и открыла недра
Плодливые свои, и родила
Бесчисленных созданий совершенных,
Снабженных всеми членами для жизни.
Из недр земли восстали, как из нор,
Породы диких всех зверей, какие
Живут в лесах, полях, кустах, пещерах,
Бродить попарно стали меж дерев,
Рогатый скот — среди полян зеленых;
Одни поодиночке, а другие
Стадами или стаями паслись,
От сочных трав равнину обнажая;
С мохнатой гривой лев, упервшись крепко,
Стараясь вылезть из земли, и вдруг,
Скачком освободясь, как будто с цепи
Сорвавшись, прыгал, отряхая гриву;
И тигр, и рысь, и пестрый леопард,
Встав из земли, с себя ее стряхали,
Набрасывая холмики, как крот;
Из под земли, с ветвистой головою
Встал и олень проворный, бегемот
Явился, неуклюжий и громадный...
Стада овец блеющих тонкорунных
И, — средние меж тварями земными
И водными, — явились конь речной⁴⁷
И крокодил, покрытый чешуями.
Явилась и ползучих тварей рать —
Породы всех червей и насекомых;
Как веер распуская перепонки,
Служившие им крыльями, игрой
Роскошных красок и рисунков нежных
Блистали насекомые в одежде
Роскошной летней, в пятнах и полосках
Пурпурных, золотых, зеленых, синих...
...Полз и муравей
Усердный, бережливый, о грядущем
Заботливый, имея в малом теле
Большое сердце. Может быть, эмблемой
Послужит он для общины людской,
Все поровну делящей справедливо.
Явился также рой прилежных пчел,

⁴⁷ Мифическое животное. — Прим. переводчиков.

Которые своих супругов — трутней
Питают сладкой пищею и строят
Для меда ряд ячеек восковых...
...И улыбалась ласково земля
Во всей красе, во всем своем богатстве;
Вся суши и весь воздух, вся вода
Наполнились зверями, птицей, рыбой, —
Все бегало, летало, пресмыкалось
Иль плавало; но день шестой творенья
Еще не кончен был: недоставало
Последнего и лучшего созданья, —
Конца всех дел; недоставало твари,
Которая б не наклонялась низко,
Подобно прочим, а ходила б прямо
Во весь свой рост, одарена рассудком, —
Могла б, подняв с достоинством чело,
Умело править тварями другими
И познавать сама себя, чрез то
Уподобляясь жителям небесным;
Могла бы благодарно сознавать
Источник благ, дарованных ей в жизни,
И сердцем, взором, голосом своим
Стремилась бы к Тому, кто дал все это,
И чтила б Бога Высшего, который
Ее поставил во главе творенья,
И вот мы все услышали тогда,
Как всемогущий наш Отец Предвечный
(Он вездесущ, присутствуя во всем)
Рек своему возлюбленному Сыну:
«Теперь мы человека сотворим;
Да будет в нем наш образ и подобье;
Пусть надо всем царит он на земле, —
Над рыбами в воде, и над зверями
На суше, и над птицами в эфире,
Над всем, что, пресмыкаясь по земле,
Живет на ней!» Промолвив это слово,
Он сотворил тебя, Адам, тебя,
О человек! Земного праха глыбу
Он взял и сотворил тебя, и в ноздри
Тебе дыханье жизни Он вдохнул;
По образу ты сотворен был Божью
И душу ты живую получил...
Окончил Бог свой труд и, созерцая
Его, нашел творенье совершенным;
Был вечер, было утро — день шестой.
Итак, свершив Свой труд без утомления,

Творец вернулся в небеса небес
К себе, в свои возвышенные сферы,
Чтоб созерцать оттуда новый мир,
Расширивший собой его владенья,
Чтоб с высоты престола Своего
Смотреть, как он хороши, как он прекрасен,
Как отвечает замыслу творца.
Вознесся он, сопровождаем кликом
Восторженным, и десять тысяч арф
Симфонией звучали неземною.
Звучала вся земля, весь воздух пел.
(Ты слышал это — должен это помнить);
Все небеса звучали, все созвездья,
И с восхищением дивной песни той
Планеты неподвижные внимали,
Пока, ликую, весь небесный хор,
Творца сопровождая, возносился.

(Перевод Н. Холодковского)

Прогулка

Ф. Шиллер

Здравствуй, моя гора с красноватой блещущей высью,
Здравствуй, солнце, чей свет мягко ее озарил!
Вас я приветствую, нивы, тебя, шелестящая липа,
И на упругих ветвях звучный и радостный хор;
Здравствуй и ты, лазурь, объявшая неизмеримо
Бурье склоны горы, темную зелень лесов.
И — заодно меня, кто бежал из темницы домашней
И от избитых речей ищет спасенья в тебе.
Током животворящим твой воздух меня пронимает,
Крепнет мой жаждущий взор в блеске могучих лучей.
Густо в долине цветущей блестят переливные краски,
Но пестротою ничуть не оскорбляется глаз.
Вольно луг расстилает свой пышный ковер, и далеко
В зелени свежей по нем сельская вьется тропа.
Пчелка, жужжа, снует деловито; на клевере красном
Сонно дрожит мотылек, слабым повиснув крылом.
Жгут меня стрелы солнца; в просторах — ни дуновенья,
Жаворонка лишь трель в воздухе ясном журчит.
Вот зашумело в ближних кустах, — качнулись вершины
Ольх, и волна пронеслась по серебристой траве.
Благоуханная ночь обступает меня, и в прохладу
Под восхитительный свод буки густые зовут.
В тайне леса из глаз исчезает ландшафт на мгновенье,
Вьется тропинка змеей, в гору все выше ведя.
Только украдкой свет сквозь решетку листвы проникает,

*И, улыбаясь, лазурь блещет порой сквозь нее.
Но разрывается полог внезапно, и проредь лесная
С шумом назад отдает взору сияние дня.
Необозримая даль разливается предо мною,
И, голубея во мгле, мир замыкает гора.
Там, внизу, у подножья горы, ниспадающей круто,
Зеленоватый поток зыблет свои зеркала.
Воздух вокруг меня беспределен, на небо взглянешь —
И помутится в глазах; в бездну заглянешь — замрешь.
Но промеж высоты и бездны, сердцем спокоен,
Путник неспешно идет по безопасной тропе.
Шумный горный ручей, со скалы по руслу стекая,
Из-под древесных корней бег свой стремит, клокоча.
Дико здесь, глушь такая, что жуть; в воздушном просторе
Лишь одинокий орел в тучах над миром завис.*

(Перевод Д. Бродского⁴⁸)

Откуда берется зло?

Р. Штейнер

(см. цитату из предисловия Р. Штейнера к сказкам в его драматических мистериях — восьмую в этой главе)

*Жил-был однажды некий человек,
он много думал об устройстве мира.
Особенно терзала его ум
загадка появления Зла земного.
Он на нее не мог найти ответа.
«Ведь это Божий мир, — твердил он сам себе, —
а Бог — он лишь Добрь в себе содержит.
Как из Добра рождаются злодеи?»
Напрасно размышлял он вновь и вновь;
ответ же все никак не находился.
Но вот однажды как-то наш мыслитель
рядом с дорогой дерево заметил
и спор его подслушал с топором.
Сказал хвастливо дереву топор:
«Чего не можешь ты, то сделать я могу —
могу тебя свалить, а ты меня не сломишь».
Сказало дерево задире-топору:
«Лишь год назад часть тела моего
взял человек тебе на топорище,
его он вырубил таким же топором».
Лишь человек услышал эту речь,
в его душе тотчас возникла мысль —*

⁴⁸ Последнее четверостишие в опубликованном русском тексте отсутствует; переведено Л. Фельдманом.

*ее не мог он ясно выразить словами,
но был ответ в ней полный на вопрос,
как может Зло родиться из Добра.*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

С живым интересом следят дети за происходящим в этой сказке, которая во многих отношениях великолепно подходит для шестого учебного года. Мы предлагаем еще несколько примеров.

Исток Рейна

К. Ф. Мейер

*Я поднимался вверх по Рейну
Тенистыми вратами скал,
Вдоль вод, и голубых, и свежих,
Туда, наверх, где их исток.*

*Казалось мне, что Рейн, стократ воспетый,
Увитый лозами, родиться должен
Из озера, из светлого кольца;
Но не нашел того, что ждал.*

*Блуждая по лугам альпийским,
Исток такой я радостный искал,
Но спрошенный пастух мне молча
Утес гранитный в высах указал.*

*Крутymi тропами взираясь
Меж диких и пустынных скал,
Увидел я исток, во тьме лежащий,
Как выпитый из бронзы щит.*

*Вдали от колокольцев стад
И от лугов, на дне ущелья
Лежал он, весь в тени гигантских скал,
Напоен льдом и вечными снегами. —*

*Обвал! Удар! И из глубин ущелья,
Из стен его внезапно донеслось:
Загрохотали колесницы! Грозно
Сквозь битвы шум звучал приказов гром!*
(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Хидёр

(к народоведению)

Ф. Рюккерт

*Хидёр, вечно юный, мне рассказал:
Проезжал я как-то город один,*

*В саду человек собирал плоды;
Спросил я: «Давно ли здесь город стоит?»
Свой труд продолжая, он отвечал:
«Город всегда в этом месте стоял,
И будет вечно здесь он стоять». —*

*Но вот минуло пять сотен лет,
Я снова тем же путем проезжал.
От города я не нашел и следа;
Пастух лишь один на свирели играл,
Отара овец щипала траву;
Спросил я: «Давно ли здесь город исчез?»
Дудеть перестав, он мне отвечал:
«Одно увядает — другое растет;
Овейц здесь пасу я и пас всегда». —*

*Но вот минуло пять сотен лет,
Я снова тем же путем проезжал.
Увидел там море и волны прибой,
Рыбак одинокий забрасывал сеть.
Когда он, окончив, решил отдохнуть,
Спросил я: «Давно ли здесь море шумит?»
Он смехом ответил на мой вопрос:
«Всегда здесь пенятся гребни волн,
И люди вечно рыбачат здесь!» —*

*Но вот минуло пять сотен лет,
Я снова тем же путем проезжал.
Увидел бескрайний лесной простор,
В лесу близ селенья один человек
Деревья усердно валил топором;
Спросил я: «Давно ли здесь вырос лес?»
Ответил он: «Лес — наш извечный приют;
Всегда я на этом месте жил,
Всегда здесь деревья росли и растут». —*

*Но вот минуло пять сотен лет,
Я снова тем же путем проезжал.
Увидел там город и шумный базар,
Наполненный криком людской толпы.
«Давно ли город построен тут?
Где ж море, и лес, и пастушья свирель?»
Кричали, не слушая слов моих:
«Всегда в этом месте бывало так,
И так пребудет во веки веков!»*

*И все же, как минет пять сотен лет,
Я снова проеду тем же путем.*

(Перевод Т. Здорик и Л. Фельдмана)

Загадка

Ф. Шиллер

*Страшны человеку змеи,
Но всех страшней одна:
На жертву всех быстрее
Бросается она.*

*Испепеляет с ревом
Она своим огнем,
Сверкнув языком багровым,
Наездника с конем.*

*Она любит верхушки башен,
Сверканье шлемов и лат,
Ни замок, ни засов ей не страшны
И путь ей не преградят.*

*Она, как былинку, ломает
Самый могучий дуб.
Руду в порошок стирает
Ее железный зуб.*

*Она крушит, играя,
Огромные дома,
Но погибает, сгорая
В огне своем сама.*

Разгадка

*Змею, которая стремительней всех змей,
Которая, упав из поднебесья,
Крушит дубы, засовы и запоры,
Огромные дома уничтожает,
Себя сжигая собственным огнем, —
Змею мы эту молнией зовем.*

(Перевод Е. Эткинда)

Помпеи и Геркуланум

Ф. Шиллер

*Что за чудо случилось? Источников чистых просили
Мы у тебя, земля, — что же нам шлешь из глубин?
Или есть жизнь под землей? Иль живет под лавою тайно
Новое племя? Иль нам прошлое возвращено?*

*Римляне, греки, глядите: открыта снова Помпей,
Город Геракла воскрес в древней своей красоте.
(Перевод Д. Бродского)*

(Только начальные строки, все — было бы слишком длинно.)

Вестники

К. Ф. Мейер

*Взоры подняв к небесам, воздев молящие руки,
Встлав на колени, вопят и молятся девы и жены:
«Боги, гонца окрылите! Ясность милей нам боязни.
Ныне, как солнце взошло, с городом бьется Тарквиний.
Глянь уж заходит оно! Соратники, Кастор и Поллукс,
Вспомнив покинутых жен, шлите скорее гонца!
Слушай, подковы звенят! В гору два всадника скачут!
Вот уж в священном ключе меч омывают друзья,
Вот уж могучие юноши здесь, на стене крепостной.
К женам, трепещущим в страхе, так обратился один:
«Радость, расцветшие девы! Храбрые римлянки, радость!
Радость! Победа пришла! Станете ль войско встречать?..»
Первый брат говорит, а второй, обратясь к нему, внемлет.
В меркнувшем свете небес кони уносятся прочь.
В сумерках юноши оба, один за другим, исчезают:
Словно влюбленных чета, неразлучны они.
И в наступившей ночи над жгучею римской твердыней,
Радостным светом горя, всходит двойная звезда.*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Потерянный меч

К. Ф. Мейер

*Последняя твердыня галлов пала
В последней битве на исходе дня.
Вступает Юлий Цезарь в тихий храм
Чужих богов, весь рощей окруженный.
Он видит груды жертвенных даров,
И серебро, и золото там сверкают,
В боях былых добыты благородно.
Но на почетном месте, наверху,
Превыше всех сокровищ, меч висит,
Простой, короткий римский меч трофеинный. —
А Юлий острый взгляд в него втерил
И отвести не в силах, как прикован.
До странности знаком ему клинок,
Вдруг взору победителя представший.
С усмешкой он указывает вверх:
«Несчастен воин, меч свой потерявший!»
Но крикнул, разозлившиесь, юный галл:*

«Ты сам его в пылу сраженья потерян!»
В порыве гнева тут легионер
Схватил было рукою меч висящий.
«Нет, храбрый Страбон! Пусть его висит
Над алтарем и впереди: хоть был потерян
Меч на пути к победе в жаркой схватке,
Но боги все же его спасли и сохранили!».

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Еще пара слов о балладах. Бессспорно, детям уже доступно драматическое начало, так как у них в этом возрасте уже достаточно сильный голос, они способны воодушевляться и испытывать радость от процесса говорения. Однако личность человека в этом возрасте еще не вполне созрела для драматики, и этого нельзя упускать из виду. Но тем не менее, если мы считаем, что такие стихотворения К.Ф.Мейера, как «Конь-призрак» или «Верхом — в смерть», неразрывно связаны с римской историей, их непременно следует зачитать классу вслух, а позже, в восьмом классе, дети смогут усвоить их вполне успешно. Нам надо осторожно — не опережая, но и не запаздывая — оценивать моральные силы, которые заложены в детях и могут быть развиты как раз на балладном материале.

С точки зрения формы и драматизма этому возрасту больше соответствуют, например, баллады Людвига Уланда «Месть» и «Замок у моря»⁴⁹.

Мщение

Л. Уланд

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры, и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит:
Но конь поднялся на дыбы и хранил.

Он шпоры вонзает в крутые бока:
Конь бешеный сбросил в реку седока.

⁴⁹ В переводах В.Жуковского — «Мщение» и «Замок на берегу моря». Для сравнения последняя баллада приведена и в переводе В. Левика.

Он выплыть из всех напрягается сил:
По панцирь тяжелый его утопил.
(Перевод В. Жуковского)

Замок на берегу моря

Л. Уланд

«Ты видел ли замок на бреге морском?
Играют, сияют над ним облака;
Лазурное море прекрасно кругом», —
«Я замок тот видел на бреге морском;
Сияла над ним одиноко луна;
Над морем клубился холодный туман».
«Шумели ль, плескали ль морские волны?
С их шумом, с их плеском сливался ли глас
Веселого пенья, торжественных струн?» —
«Был ветер спокоен; молчала волна;
Мне слышалась в замке печальная песнь;
Я плакал от жалобных звуков ее».
«Царя и царицу ты видел ли там?
Ты видел ли с ними их милую дочь,
Младую, как утро весеннего дня?» —
«Царя и царицу я видел... Вдвоем
Безгласны, печальны сидели они;
Но милой их дочери не было там».

(Перевод В. Жуковского)

Замок у моря

Л. Уланд

«Ты видел замок, в море
Глядящий с утесов крутых,
Весь в легком, прозрачном убore
Из тучек золотых?

Хотел бы он склониться
Играющим волнам на грудь,
Хотел бы в тучах скрыться,
В вечерней заре потонуть...»

«Я видел замок, в море
Глядящий с крутизны.
Над ним я видел зори
Пел песню за окном».

«А весел был грохот прибоя,
Был звучен гул ветров?
Был радостен в мирных покоях
Шум празднеств и пиров?»

«Нет, волны в море спали,
Спал ветер крепким сном,
Лишь кто-то в глубокой печали
И в небе — серп луны».

«Бродил ли по сводчатым залам
Король с королевой своей?
Ты видел их в бархате алом,
В венцах из заморских камней?»

Была ли дочь их с ними,
Сияла ли юной красой,
Очами голубыми
И золотою косой?»

«Нет, были родители в горе,
Наряд их ничем не блестал,
Я видел их в черном убore,
Но дочери я не видал».

(Перевод В. Левика)

Следует сказать вполне определенно, что те стихотворения, которые мы здесь привели лишь указывают общее направление⁵⁰.

Само собой разумеется, что материал, хорошо воспринимаемый одним классом, при некоторых обстоятельствах совершенно не подходит для другого. Облик классов, разных по составу, может быть совершенно различным, и в соответствии с этим надо подбирать стихотворения. Решающую роль играет здесь воодушевление, увлеченность учителя словом поэта; убеждающее действие оказывает также его внутренняя связь с материалом.

Все больше дети делают речеобразующие упражнения, прежде всего упражнения Рудольфа Штейнера. Эффективны игры со словами—перевертышами (палиндромами), пластически закругляющими речь. Ценный материал для упражнений представляют также фразы—палиндромы, тренирующие язык. Их по большей части следовало ввести уже в 5-м классе, теперь же эти упражнения продолжаются.

Слова—палиндромы: *Отто, Анна, Тит, дед, еле-еле, око, тут, пуп, как, боб, поп, комок, потоп, ротор, топот, шалаш, казак, кабак* и многие другие⁵¹.

Можно использовать и немецкие, например: *tot, Tat, Elle, Esse, Renner, Retter, Reliefpfeiler*.

Палиндромы—комбинации слов: *топор—ропот, дороден—недород, вор—ров, ворон—норов*.

Фразы—палиндромы:

А роза упала на лапу Азора

(А. Фет)

Чин зван мечём навзничь

(В. Хлебников)

*Изредка так дерзи
А ремень не мера
И пикантен и нет накипи
А ругала баба балагура
Кинь лед зебре, бобер, бездельник*

И немецкие:

⁵⁰ В русских школах были бы уместны многие баллады А.Пушкина, В.Жуковского и А.К.Толстого, а также баллады европейских поэтов в переводе В.Жуковского и др.

⁵¹ Все примеры русских палиндромов введены в текст переводчиками.

Ein Lederkurt – turq Redel nie.

Ein Niger mit Gazel – le zagt im Regen nie

Ein Esel lese nie

Дети затем и сами найдут такие слова. С фразами это уже не так легко. Сопровождающее движение: широкий взмах руками, рисующими замкнутый круг сверху вниз во время произнесения фразы. Произнесение слов—перевертышей сопровождается маленькими круговыми движениями рук.

Хороши и такие упражнения:

Весело покинь нас

широкий круг, движение вправо

Покинь весело нас

широкий круг, движение влево

Нас весело покинь

на каждом слове малый круг рукой

Правильной походкой управляет речевой ритм фразообразующего упражнения, которое легко произнести полным голосом и отчетливо.

Bei Gartentüre saß er.

Он сидел у двери сада.

Er hat dir geraten:

Он дал тебе совет:

Befolge nur aufs beste

следуй как можно лучше,

recht vom Herzen gut,

все от сердца,

so wie du nur gerade vermagst,

хорошо, насколько ты сможешь,

rechten Rat.

*верному совету.*⁵²

(Подстрочный перевод, не сохраняющий ритм немецкого упражнения)

Высказывания Р. Штейнера об этом см. в его работе «Методика и сущность искусства речи».

Для здоровой тренировки органов речи можно использовать в качестве упражнения одну из строф стихотворения Шиллера «Ныряльщик»:

Und es wallet und siedet und brauset und zischt,

Wie wenn Wasser mit Feuer sich mengt,

Bis zum Himmel spritzet der dampfende Gischt,

*Und Flut auf Flut sich ohn' Endt drängt...*⁵³

⁵² Русским аналогом этого упражнения может служить любой эпический отрывок, где много гласных, особенно «а», в частности из «Слова о полку Игореве»:

Не пристало ли нам, братья,

А не по замышлению Баяна.

Начать старыми словами

Баян же вещий,

Печальные повести о походе Игоревом

Если хотел кому песнь воспеть,

Игоря Святославовича?

То расстекался мыслию по древу,

Пусть начнется же песнь эта

Серым волком по земле,

По былинам нашего времени,

Сизым орлом под облаками.

Очень хорошо, что здесь нет четкого ритма. Можно искать выразительность именно в течении гласных в этих строках. Детям хорошо рассказать, что эпос приходит к нам из прошлого и мы должны быть проводниками гласа, нисходящего к нам с небес и воплощающегося на земле через наши голоса. При этом надо стараться почувствовать, что поток идет сверху и из-за спины. — Прим. Н. Самохиной.

Каждая строка выговаривается на одном выдохе, но старайтесь не нарушать естественного процесса дыхания, не задерживайте выдоха осознанно!

Продолжаются занятия со знакомыми речевыми упражнениями, приведенными в материалах для 4-го года обучения. К ним добавляются новые. Например, еще более напряженно вслушиваются в такое предложение: «Was du tust, tue durch ihnen tatkräftigen Willen» — «То, что тытворишь, твори твоей активной волей».

Если раньше это предложение читали слово за словом и слог за слогом слева направо и справа налево, то теперь больше должна осознаваться звучащая в нем «ударная сила», причем каждый звук «Т» отбивается хлопком ладоней.

Переходим к игровым упражнениям с органами речи (нёбом, языком, губами); такие упражнения обуславливают присутствие духа в самой речи и ее органах.

Фонетическое упражнение на звуки «TZ» и «I»:

*Ketzer petzten jetzt klaglich
Letztlich leicht skeptisch*

⁵³ Приводим здесь соответствующие строки из перевода В. Жуковского (стихотворение в переводе называется «Кубок»):

И веет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

Однако этот перевод (хотя он хороши выразительностью звуков) не передает ритмических особенностей оригинала — протяженных строк, которые как раз являются важными для данного упражнения. Поэтому в качестве аналога можно подобрать стихотворения с такими же длинными строками. Например, отрывок из стихотворения «Штурм» Джона Донна в переводе И. Бродского.

И вот, как два царя объединяют власть
И войско, чтоб затем на третьего напасть,
Обрушились на нас внезапно Злойд и Вест.
И пропасти меж волн разверзнулись окрест.
И смерч, быстрей, чем ты читаешь слово «смерч».
Напал на паруса. Так выстрел, илюющий смерть
Без адреса, порой встречает чью-то грудь.
И разразился штурм. И наш прервался путь.

Очень хороши также в этом случае отрывки из русских былин, к примеру из «Пророческой былины».

То не молния золотая, строгая из того царства Божия взвилась,
То не брат ее родной, гром небесной, грозно ударил,
То Архангел Михаил, Архистратиг могучий,
По велению Божьему, по приказу Христову
На бой с Антихристом заявился.

Еретики фискалии сперва жалостно,
А напоследок — слегка скептически
И второй русский аналог этого упражнения:

Кот цепочку цапнул цепко,
Пять колец легко скатились
Ketzer Krachzer petzten jetzt klaglich
Letztlich plötzlich leicht skeptisch
Еретики, кряхтя, фискалии сперва жалостно,
А напоследок — вдруг слегка скептически.
Кот цепочку царанул, цапнул цепко,
Пять блестящих колец легко скатились.

Упражнение можно усилить, проговаривая его много-
кратно и сопровождая такими движениями ступней: *ketzer* —
становимся на пятки, *petzten* — переступаем с пяток на кон-
чики пальцев, *jetz* — пятки, *kläglich* — пятки, *letztlich* — пальцы,
leicht — пальцы, *skeptisch* — пятки, *ketzer Krachzer* — на пятки и
еще раз на пятки, *petzten* — пальцы, *jetzt klaglich* — дважды на
пятки, *letztlich plötzlich leicht* — трижды на пальцы, *skeptisch* —
пятки.³⁴

Другой пример:

klipp plapp plick glick
klingt klapper richtig
knatternd trappend
Rossegetrippel

Как и в предыдущем упражнении, в этом тоже участвуют
ноги, причем на нёбных звуках ступают на пятки, а на губных и
языковых — на носки. Учитель показывает классу, как это де-
лается, но не говорит еще при этом об органах речи, а при-
влекает в помощь себе образ бегущей лошадки, которая на
каждом слове как бы выбивает подковой кусочек льда с по-

³⁴ С русскими аналогами это может быть так: *еретики* — на пятки, *фи-
скалии* — на пятки, *сперва* — на носки, *жалостно* — на носки, *а на-
последок* — с пяток на носки, *слегка* — на пятки, *скептически* — на
пятки. *Еретики* — на пятки, *кряхтя* — на пятки, *фискалии* — на
пятки, *сперва* — на носки, *жалостно* — на носки, *а напоследок* — с
пяток на носки, *вдруг* — на носки, *слегка* — на носки, *скептически* — на
пятки.

И второй: *кот* — на пятки, *цепочку* — с пяток на носки, *цапнул* — с
пяток на носки, *цепко* — то же, *пять* — на носки, *кольцо* — с пяток на
носки, *легко* — с носков на пятки, *скатились* — с пяток на носки. *Кот* —
на пятки, *цепочку* — с пяток — на носки — на пятки, *царапнул* — с пяток
на носки, *цапнул* — то же, *цепко* — то же, *пять* — на носки, *блестя-
щих* — на носки, *кольцо* — с пяток — на носки, *легко* — с носков на пятки,
скатились — с пяток на носки.

Необязательно соблюдать все точно, главное, чтобы игра помогла почувствовать
разницу жестов: "к" — пятки; активное действие, твердое, сильное и
"п", "л" — носки; легкое движение, мы еле касаемся пола. — Прим. Н. Самохиной.

верхности мерзлой дороги. Это ведь не крестьянская рабочая лошадь! Текст должен прозвучать четко и звонко. Яркий образ поможет избежать осмысливания детьми этого упражнения, здесь совсем не надо включать голову⁵⁵. Далее — упражнения на натяжение кончика языка и его корня (на звуки "Z", "SCH", "S"):

Zu wieder zwingen zwart
Zweizweckige Zwacker zu wenig
Zwanzig Zwergen
Die sehnige Krebse
Sicher suchend smausen
Dass schmatzende Schmachter schmiegsam
Schnellstens schnurrig schnalzen⁵⁶

В цивильных царственных залах
Расцвела цветкача, зацвела пышно
Светская сплетня
В зорких взглядах красавиц
В звонких голосах офицеров
В шумном топоте старушек
Пошла кружиться
в сверкающем вальсе.

Чтобы упражнение наполнило все пространство класса, детям нужно делать пальцами рук движения, как бы ищащие или ощупывающие что-то перед собой.

⁵⁵ Если попытаться при переводе сохранить пластичность этого упражнения, его движение, то очень хорошо такой вариант:

Клип, пляп, плик, глик
С клена капли быстро
Тогда можно выбрать для представления этого упражнения не лошадку, а другой образ. Но если все же мы хотим сохранить образ бегущей лошадки, то можно взять такие варианты:
Клип, пляп, плик, глик
Цокают подковы
На мосточек льда кусочки
Бются от копыт
Клип — пятки, пляп — носок, плик — носок, глик — пятки, цокают — пятки, подковы — пятки, на мосточек — носки, льда — кусочки — пятки, бятся — носки, от копыт — пятки, клип — пятки, пляп — носки, плик — носки, глик — пятки, цокают — пятки, подковы — пятки, конь — пятки, с мосточек — носки, и по кочкам — пятки, резво поскакал — можно скакать. — Прим. И. Самохиной.

К нам на стекла

И по окнам разом растеклись

Конь — с мосточек и по кочкам
Резво поскакал

⁵⁶ Если для детей будет сложен этот вариант, то можно предложить еще несколько примеров:

За Волгой цвет расцвел
Цветка земного
Вовеки светит свет
Цветок небесных царств
Во всем велик расцвет
Во этом варианте звук вначале более статичен, он как бы стоит на месте, но это придает ему выразительности. В первом варианте больше движения.
Третий вариант:
На зло мучителям, что заставляют нас
Не меньше чем две цели видеть враз
Мы двадцать гномов в речке мглистой
Все ищем раков мускулистых
Он сохраняет в общем смысл немецкого оригинала, но в нем меньше, чем в первых двух, повторяются упражняемые звуки. — Прим. И. Самохиной.

Весеннего цветенья

В восходе и закате солнца

В шумящем шелесте ветвей

В звененье шумных водопадов

В теченье звонкого ручья.

Ведь слопать рака — райский смак

И раки — крак и раки — крак

И вот влюбленный томный гном

Прищелкнул сладко языком.

Упражнение на звук «ST»:

*Ist strauchein der Stern
Meister mystischer Stufen
Stell stets ernsten Strebens
Sternstraße standhaft
Still streng stehend
Vor Stufen steten Strebens
In ständiger Stimmung*

*Падучая звезда
Мистических ступеней мастер
Стремясь найти в пространстве
Свой быстрый звездный путь
Вдруг тихо замирает
В стремлении застывшем
На вечности ступенях*

И еще один вариант:

*В страшный штурм
На шатких ступенях мостка
Стойко стой, как стена,*

*Сдержи страх
Стряхни усталость
Будь капитаном*

Старайтесь добиться того, чтобы дети внимательно слушали и четко повторяли за вами. Время от времени некоторые строчки нужно проговаривать в обратном порядке.

В этом возрасте очень хороши стихотворения описательные, ритмические, рисующие настроения, навеянные природой,— такие, как стихи И. Эберле «Ястреб-канюк», И.Ф. фон Штейнванда «Буря», Р. Хамерлинга «Алмазы»⁵⁷.

Ястреб-канюк

И. Эберле

*В прохладной тени лежит узкая долина реки.
С шумом перекатывается пена через мельничную запруду.
В голубом шелковом просторе кружит ястреб,
паря над бурными лугами, над темными склонами холмов.
Блестя на солнце опереньем,
то поднимается, то падает он в струях воздуха,
не шевеля крыльями, словно звуки песни,
несомой над миром, еще погруженным в предутренний сумрак.*

Буря

Й.Ф. фон Штейнванд

*Внемли и зри! Вспышки молний, грохот грома,
Стонут глухие долины.
Природа объята сном, жарким, словно в лихорадке.
Буря прокатывается сквозь пространство.
Когда я трепещу, объятым хаосом,
И в воздухе затаялся случай,
Божий посланец напоминает мне:
«Радуйся, что ты человек!»*

⁵⁷ Приводим прозаические пересказы названных стихотворений.

*Все эти злые, темные силы
Должны проявиться, вонзиться,
По они должны подчиниться тебе,
Подчиниться власти твоей.
Лишь твой рассудок
Претворяет в действия эту случайную «игру в кости»,
Лишь ты вдыхаешь в этот смятенный порыв
Речь, дух и звучание души!»*

Алмазы

Р. Хамерлинг

*На рассвете кончики травинок усеяны
Мелкими жемчужинками росы,
Они блестят и сверкают,
Рассыпая искры, как алмазы.
Эти алмазы трав рады
Близкому родству с гордыми бриллиантами,
Сверкающими в королевской короне.
Поначалу и алмазы нежны и мягки,
Словно эти — на кончиках травинок,
Словно фирновый снег, словно иней с плодов,
Слоняют их поцелуи солнца.
И лишь на холодном королевском лбу
Они застывают, становясь камнями.³⁸*

Целительно влияют на деятельный жизненный процесс словесные образы, оживающие непосредственно перед нашим внутренним взором.

Море

М. Титтман

*Ты дышишь, ты волнуешься, беспокойное море,
Столь близкое мне и познанное всей глубиной души.
Священное, возвыщенное, ты рокочешь
Под праздничной синевой небес.
Все с той же мощью, все снова и снова
Бросаешь ты на сушу пенные валы,
Дни и ночи упорно и неустанно
В своей святой верности.
О бурливое море,
О мать море, душа, мятущаяся тысячи лет.*

Двухстопный дактиль в хорах из «Пандоры» Гёте своим падающим ритмом захватывает и ведет растущую активную волю.

³⁸ Эти стихи можно заменить или дополнить пейзажной лирикой русских поэтов.

Хор кузнецов

Ярко огонь зажжен,
Блещет со всех сторон,
Тот, кем похищен он, —
Высший храбрец!

Тот, кто, на зло судьбе,
Им овладел в борьбе,
Может сковать себе
Царский венец!

Быстро бежит вода,
Долу течет всегда,
Вслед за водой туда
Жадно спешат стада,
Люди спешат.

Рыбы кишат в воде,
Птицы над ней везде
Роем кишат
Рады все слушаю,
Если текучую,
Бурно-живучую —
Мыслю могучею
Люди смирят.

Твердо земля стоит,
Доступ к ней всем открыт.
Мучат, скоблят ее,
Роют, сверлят ее,
Ищут в ней клад;

Пашут и там и тут,
Сотни борозд ведут,
Если ж за тяжкий труд
Быстрых плодов не ждут,
Землю бранят.

Ветер, не смей дохнуть!
К нам загражден твой путь
Только б огонь раздуть
Годен ты был!

Дуй на очаг сюда,
Будешь нам друг тогда,
Будешь нам мил.
Хлынешь ли прочь — и вот
Быстро тебя пожрет
Пламени пыл.

Каждый свой млат бери!
Пламя, светлей гори,
Пламя, над всем цари!
С верой на нас смотри,
Мудрый отец!

Ты нам огонь достал,
В помощь его нам дал,
Дивный себе сковал
Царский венец!

(Перевод Н. Холодковского⁵⁹)

Когда слова формируются и начинают звучать, они создают силой своей фантазии дивные образы. Внутреннее чувство языка жаждет тонкостей, таких, например: изменяется приставка — и меняется значение слова:

lassen — be-lassen, er-lassen, zu-lassen, ver-lassen...

(оставлять, покидать, оставлять без изменения; издавать, опубликовывать (закон), отпускать (грехи); допускать, покидать)

schlafen — ver-schlafen, ent — schlafen, ein-schlafen...

(спать — проспать; засыпать, утихать, скончаться, почить; засыпать, уснуть, угаснуть, онеметь)

fragen — be-fragen, er — fragen, an-fragen...

(спрашивать — опрашивать, допрашивать; расспрашивать, разузнавать, запрашивать, узнавать, осведомляться)

⁵⁹ Цитируется по кн.: «Собрание сочинений Гёте в переводе русских писателей», т. 4, СПб, 1894.

Знакомить детей с тонкостями языка можно весьма неспешно. Дети постепенно, ступенька за ступенькой, входят в мир языка, и для них делается доступным и становится их потребностью нечто новое — содержательный художественный жест, сопровождающий речь. Приведем пример:

Римский фонтан

К. Ф. Мейер

Струя взметнулась — и дугой

— руки устремляются вверх, как струя, падают к груди

*Низверглась в чаши глубину,
И чаша, вспенившись, другой
Спешит отдать свою волну.*

— руки, округляясь, изображают чашу
— кисти рук, двигаясь, подобно воде, переливающейся через край чаши, образуют следующую чашу

*Дар быстротечный получив,
Та третью шлет избыток свой,
И в каждой заново порыв,
— И вновь — покой.*

— кисти рук и руки вытягиваются и переходят к третьему закруглению
— кисти рук как бы берут и дают

(Перевод Т. Сильман⁶⁰)

— руки протягиваются вдаль и спокойно опускаются вниз

Это еще не «драматический жест», но это должно непременно ему предшествовать — перед драматическими опытами в заключительном спектакле в конце 8-го класса.

При переходе к 7-му классу хлопанье в ладоши и хождение, сопровождающие речь, заметно убывают. Дети пробудились к восприятию речи, речь захватывает их целиком:

*Измерь и постигни
Мощь сил мировых.
Лишь ты, человек,
Покорить можешь их!*

(Х. Дистель)

Утверждается стремление к правде:

*Лишь когда я думаю о свете,
Светится моя душа;
Лишь когда светится моя душа,
Земля становится звездой;
Лишь когда земля становится звездой,
Я — воистину человек.*

(Х. Хан)

Движение и речь едины, это можно прочувствовать еще глубже на таком стихотворении Гёте:

Долго

Дела в срок

Начнет впрок

Не начать.

Обсуждать —

Кто быстрей

⁶⁰ В главе «9-й учебный год» это стихотворение приведено в переводе Л. Фельдмана.

*Все решит —
Тот верней
Победит,
Кто скорей*

*Всех начнет —
Ей-же-ей,
Выиграл тот.*

(Перевод Л. Фельдмана)

Подобные упражнения, сменяя друг друга, оживляют работу над более крупными стихотворениями и сохраняют легкость. Сюда же относится и такой стишок из исландского фольклора:

*Петухи, вороны, совы,
Коны, мыши, воробы*

*Воют, каркают, пищат,
Ржут, чирикают, свистят...*

Целесообразно сохранять в течение нескольких дней или целой недели определенные серии упражнений, внося лишь небольшие изменения. Можно достигнуть известной завершенности, если мы на уроке начинаем и заканчиваем упражнения одним и тем же текстом, однако это обязательно должен быть текст, который сплачивает класс, как, например, приведенный в начале главы стишок В. Буша: «Мчится время, вместе с ним — раз, два, три — и мы бежим!»

Рудольф Штейнер рекомендует произносить все тексты хором, ибо речь — это социальный элемент. В хоре говорится легче, чем в одиночку. Если слишком мало рецитировать хором, то пострадает социальный настрой. Однако если этому уделять слишком много времени, то может развиваться небрежность в речи и пострадает способность к восприятию вследствие суггестивного (внушающего) воздействия хорового элемента.

Поэтому и во время ритмической части урока некоторые дети могут произносить короткие индивидуальные реплики, но их нельзя исправлять. Это можно начинать с 5—6-го классов.

Благоприятно действуют также передвижки фраз, их быстрая перестановка; в таких упражнениях детям необходимо четко выговаривать слова и быть очень чуткими, чтобы вместе начать и завершить фразу. Так поддерживается интерес каждого отдельного ученика. Теперь каждому ребенку следует завести тетрадь, в которую он переписывает стихи, осуществляя таким образом еще более тесную личную связь с ними. Эта тетрадь будет пополняться в 7-м и 8-м классах.

Высказывания Р. Штейнера

«...И наши школы тоже придают слишком мало значения развитию художественной речи. При этом упускают из виду, что неряшливая, нехудожественная речь производит на человека, обладающего истинным чутьем к слову, столь же отталкивающее впечатление, как безвкусная одежда.

Мы начинаем с того, что уделяем большее внимание художественному ремеслу, нежели это делали прежде. Мы намерены устраивать жилища таким образом, чтобы они были не только функциональны, но и отвечали требованиям художественного вкуса. Речь также представляет собой род художественного ремесла. И в этом случае природа должна быть выведена до уровня культуры..."

«Об искусстве читать лекции», «Драматические листки» 1/1898 (отдельный оттиск).

«... Детям от двенадцати до пятнадцати лет подходит лирико-эпический элемент, баллады, годятся также яркие исторические описания, хорошая художественная проза и отдельные драматические сцены...»

«Искусство воспитания. Семинарские обсуждения и лекции по учебному плану», 3-я лекция учебного плана, 6.07.1919, Штутгарт (Библ. № 295).

«...Следует развивать уже врожденную способность инстинктивно избегать проглатывания слогов, слоговых форм, слоговых конструкций. Этого можно добиться, если попробовать настолько освоить ритмическую речь, чтобы произносить себе самому, полностью выявляя всю форму звука:

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
как влага, мешаясь с огнем...

Итак: делать упор не только на звуке как таковом, но также и на форме звука, на его округлости или угловатости... Нельзя забывать, что, придавая такое значение существу речи, Гению языка, мы пробуждаем творческую силу, способную создавать образы.

У человека, имеющего дело с речью, но лишенного внутреннего слуха, не возникает образов, к нему не приходят мысли, он остается негибким в своем мышлении, его речь делается абстрактной, отвлеченной, даже педантичной. Как раз переживание звукового, образного ряда в самом формировании речи имеет нечто, вызывающее из нашей души также и мысли, которые нам нужно донести до слушателей.

Именно в переживании слова заключено творческое начало, имеющее отношение к внутреннему человеку. Этого никогда не следует оставлять без внимания. Это чрезвычайно важно. Нами должно бы вообще овладеть ощущение того, как слово, последовательность слов, их форма, конструкция фраз — как они взаимосвязаны со всей нашей организацией.

Точно так же, как на основе физиognомики можно в известной мере распознать человека, можно действительно по-настоящему прочувствовать всего человека и по его речи, я

здесь имею в виду не то, что он говорит, а то, как он говорит. Всего человека можно разгадать по тому, как звучит его речь...»

«Антропософия, трехчленное социальное деление и искусство речи», 5-я лекция, 15.10.1921, Дорнах (Библ. № 339).

«...Тот, кто начинает непосредственно упражняться в драматическом, обращается вовне, а не внутрь себя. Но тот, кто начинает с упражнений в рассказывании, целиком полагаясь на фантазию, оказывается перед необходимостью перевоплотиться в другого, поскольку он вообще отсутствует, поскольку его приходится представлять. Таким образом и обретают естественный путь к драматическому...»

«Искусство речи и драматическое искусство», 4-я лекция, «Пути к стилю, ведущие из организма речи», 8.09.1924, Дорнах (Библ. № 282).

«...Ребенка необходимо побуждать к сопереживанию всего того, что ему прочувствованно преподносится. С истинным чувством следует преподавать прежде всего историю, географию, геологию и т.д. Особенно интересна последняя, если ее преподают с глубочайшей симпатией к горным породам, находящимся под землей.

В связи с этим можно было бы посоветовать каждому педагогу когда-нибудь проработать с учениками, как следует его прочувствовав, сочинение Гёте о граните. И тогда он увидит, как личность, погружающаяся в природу не одной только силой воображения, но и всем своим естеством человека, вступает в человеческие отношения с родоначальником всего — священным древнейшим гранитом. Затем это, конечно, должно быть распространено на другое...»

«Познание человека и формы преподавания», 2-я лекция, 13.06.1921, Штутгарт (Библ. № 302).

«...Работая с человеком, находящемся в процессе становления, мы должны учитывать различие особенностей развития до и после достижения половой зрелости.

Зададимся конкретным вопросом. Существует «Потерянный рай» Мильтона. Было бы хорошо сделать его тоже предметом преподавания. Когда?

Тот, кто следил за всем, что я пытался излагать, говоря о подобных вещах, и правильно уяснил, как повествовательный, описательный элемент входит в жизнь ребенка после того, как ему исполнится десять лет, поймет, что для этого возраста поэма Мильтона «Потерянный рай», или вообще эпическая поэзия, наиболее доходчива. И Гомер также, если его преподносят между десятым и четырнадцатым годами, воспринимается наилучшим образом. Напротив, если в процесс воспитания или преподавания в таком возрасте включается

Шекспир, то в этом есть нечто преждевременное по отношению к действительному ходу развития человечества и человеческой личности — ведь, чтобы человек воспринял правильно все происходящее в драматической поэзии, ему необходимо по меньшей мере достичь возраста половой зрелости. Воспринимать драматическое до того означало бы изгнать из его человеческого естества нечто, чего ему впоследствии будет очень недоставать».

«Здоровое развитие телесно-физического как основа свободного раскрытия душевно-духовного», 13-я лекция, 4.01.1922, Дорнах (Библ. № 303).

«... Я встречал людей, находивших сказки «трудными для понимания». Я думаю, что так их воспринимает лишь тот, кто лишен радости детства, которое должно оберегать душу в любом возрасте, чтобы в определенные часы переживать то, чего никакой «рассудок понятливых» в его истинном облике испытывать неспособен. Но я думаю также, что тот, кто хочет tolkovать образы сказок рассудком, не понимает их смысла. Я сам, когда они представляли перед моей душой, воспринимал в душе лишь содержание образов. Я был далек от того, чтобы воплотить их «более глубокий смысл», который надлежало понять как нечто иное, чем то, что выражают образы сами по себе. Однако я, конечно, придерживаюсь мнения, что некие тайны, которые скрывает в себе жизнь Природы и мир человека, становятся явными душе, лишь если она способна узреть их в таких картинах...»

Из предисловия Р. Штейнера к сказкам в его драматических мистериях. Издательство «Die Pforte» («Ворота»), Биннинген, Швейцария, 1960.

«... Попробуйте мысленно вызвать наиболее ранние воспоминания вашей жизни — вы не вспомните ничего относящегося к тому периоду жизни, когда вы еще не умели говорить. Человек научается говорить в то время, когда в своем отношении к жизни он еще пребывает в состоянии сна.

Если с этой точки зрения сравнить присущий ребенку сонно-мечтательный душевный мир с тем, как сплетается музыкальная, мелодическая ткань, то вы обнаружите близкое сходство. Говорить выучиваются бессознательно, это похоже на то, как человек пробуждается после ночи; видеть сны — тоже. А мелодии — вот они, и мы не знаем откуда они берутся. На самом деле они возникают из элемента сна человека. На самом деле мы переживаем пластику времени от засыпания до пробуждения. Только вот человек на современной ступени его развития не приспособлен к переживанию этой пластики времени. Как ее переживают, как она становится фактом, описано в

моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» Книга не относится к собственно педагогике. Но из нее вы поймете, сколь необходимо в полной мере учитывать этот бессознательный элемент, коренящийся в воздействии сна на ребенка. Он, конечно, учитывается, когда мы в преподавании музыки предпочитаем в первую очередь тематическое и тем самым уже пытаемся анализировать музыкальное — в той мере, в какой оно наличествует у ребенка (точно так же, как мы анализируем речь, язык при разборе предложения); или, иными словами, — когда мы очень рано наводим ребенка на то, чтобы распознавать тематическое в музыкальном, фактически ощущать мелодический элемент как фразу. Здесь это начинается и здесь завершается, здесь находится точка соприкосновения, отсюда берет начало новое. В этой связи довести до понимания учащегося музыкальное, чье содержание еще не достигло реальности, — значит совершить чудо для развития ребенка. Ибо тем самым его отсылают к чему-то, что также лежит в природе человека, но чего почти никогда не замечают.

Видите ли, что такое мелодия — знают все люди, что такое предложение — тоже. Однако то, что предложение, состоящее из подлежащего, сказуемого, дополнения, на самом деле в подсознании представляет собой мелодию, — это как раз известно лишь очень немногим...

«Обновление педагогико-диадактического искусства через духовное знание», 11-я лекция, 6.05.1920, Базель (Библ. № 301).

«...Правильное отношение к обучению пению, к развитию музыкального слуха предполагает, что прежде всего дети привыкаются правильно слышать, а потом уже в них пробуждают стремление к подражанию. Наш лучший метод таков: учитель сам поет, а ученик следует естественной для него потребности подражать тому, что слышит от учителя, при этом учитель обязательно должен указывать ученику на недостатки и помогать исправлять допущенные ошибки. Но в самом пении ребенок должен усвоить то, что инстинктивно проявляется как взаимодействие органов.

Точно так же говорение должно служить правильному регулированию ритма дыхания человека. Прежде всего мы в школе должны стремиться к тому, чтобы ребенок научился говорить спокойно и правильно.

Мы должны во что бы то ни стало добиваться того, чтобы ребенок действительно говорил, четко произнося слоги, говорил медленно, чтобы он надлежащим образом завершал слоги, чтобы он никогда ничего не упускал в слове. Но особенно ребенок должен научиться обращаться с тем, что можно назвать стихотворной (мерной) речью, стихом и т.п., иными словами, он

должен освоиться с художественной речью, следуя мелодии стихов всем своим чувственным — не рассудочным, но именно чувственным восприятием. Короче, и здесь тоже речь идет о том, что мы правильно проговариваем ребенку, а ребенок учится слушать. А потом — уж так это устроено, что гортань и соседние с нею органы в детском возрасте еще согласованы со слухом...»

«Обновление педагогического и дидактического искусства через духовное знание», 10-я лекция, 5.05.1920, Базель (Библ. № 301).

СЕДЬМОЙ И ВОСЬМОЙ УЧЕБНЫЕ ГОДЫ

Из всего огромного богатства поэзии для детей этого возраста особенно подходит драматический стиль, способный растормаживать и пробуждать дремлющие в их душах воспоминания, предчувствия и стремления. Возбуждая симпатии и антипатии тринадцати-, четырнадцатилетних подростков, этот стиль укрепляет и очищает в них жизнь чувства.

Исторические сюжеты, картины величия и слабости человека, воплощенные в стихотворной форме, дают облагораживающую и воодушевляющую силу. Мальчики и девочки ощущают себя участниками и советчиками, когда неумолимо владычествует рок. Восторженное почитание, желания, надежды, стремления потрясают их души. Возвышающая радость, равно как и мучительная скорбь, приносит отраду, а нередко вспыхивающее возмущение должно обрести разрядку в метком, крепком выражении.

Волевое начало действует теперь в сфере души и ищет соединения с законными чувствами ответственности, справедливости и истины. Чтобы научиться освобождать себя от этого внутреннего драматизма, школьник, слушая учителя, ищет в нем то, чем он сам еще не располагает.

В речи учителя, проникнутой волей и опирающейся на здоровую дыхательную деятельность, школьник ищет того, что захватывает его личность, его Я. Поэтому при чтении классу драматической поэзии нужно использовать особый прием. Каждый из вас на самом себе может наблюдать, как, читая что-то со школьниками, вы слишком легко достигаете противоположного тому, что вы имели в виду (это, кстати, может быть, в частности потому, что, проговаривая текст, вы стоите перед классом). Вместо того чтобы включить школьников в ритм своего освобождающего дыхания и дать их внутреннему драматизму выход вовне, дабы помочь ему живо проявиться, резонируя в воздушном пространстве, происходит застопоривание эмоций учащихся в нервной системе и в процессе кровооб-

ращения, и тогда их голоса теряют в силе выражения; самое большее, чего удается добиться, — это неподобающее громкая речь на сдавленном дыхании с нехудожественной расстановкой акцентов. Мы удивлены и разочарованы тем, что упражнения не помогают продвинуться вперед и не удается достичь ничего лучшего.

Состоит этот прием в следующем: говорить, обращаясь к классу, надо так, чтобы школьники не испытывали стеснения, а хотели бы раскрыться вовне, и при говорении направить звук речи в пространство. Как только мы в своей практике осознаем это и научимся все в большей мере наполнять пространство своей речью, это окажет заметную помощь в ведении хора. В природе художественного — возвышать человека над собой, увеличивать его возможности и давать ему испытывать самые интимные движения души. Гёте облеч эти в такие слова:

*В том стремление искусства,
Чтоб изведал каждый чувство —
Над самим собой подняться
И от почвы оторваться;
Потерять, где лево — право,
Ввысь взмывая величаво!
И в возвышенных тех сферах
Станет чутким слух без меры,
Станет зорче глаз, острее,
Станет стук сердца вольнее!*

(Перевод Л. Фельдмана)

Если мы в говорении хором почувствуем хотя бы немногого эту атмосферу, то на более высокой ступени возникнет новое чувство воодушевления.

Приводимые ниже тексты благоприятны для вхождения школьников седьмого класса в такую работу над искусством речи — они придают им мужественную уверенность в своих силах.

Ф. Леммермайер

*Дозволь мне воином Бога быть,
одним из рыцарей Грааля,
влечет меня к этому сердца порыв,
свободная воля моя.
Архангел, не дай мне пред Божий престол
совсем безоружным предстать,
вручи, Михаил, мне священный твой меч
для жаркой с драконом борьбы.*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Ф. Геббель

*Верхом, верхом,
сквозь ветра свист
всей груди горячей.
Пусть валит снег — то знак зимы.
Верхом, верхом
несемся мы,
без снежных туч так мрачен.
Ноздрями воздух
пробует мой конь
и ржет, задорен,
послушен воле
он одной:
прижму лишь — он летит стрелой,
как будто в кровь пришпорен.
Мой плащ полощет на ветру,
чуть шапка не слетела,
но ярость ветра мне мила,
меня не выбить из седла,
держусь в нем крепко, смело.*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Сильные чувства, готовность всегда прийти на помощь, воспламеняют юные сердца:

Нис Рандерс

О. Эрнст

*Грохотом, воем разорвана ночь,
В бешеной скачке молний во мгле —
Крик сквозь рев прибоя!*

*Лишь вспыхнет небо, и виден всем
Разбитый корабль на песчаной мели!
Его еще колышет прилив,
Но бездна вот-вот поглотит.*

*Нис Рандерс смотрит — и не спеша
Молвит: «На мачте там — человек;
Нам снять его надо».*

*Но мать вцепилась: «Не отпуши,
Ты один у меня, тебя потерять
Я, твоя мать, не в силах!*

*Отец утонул твой и Момме, мой сын,
Три года как сгинул и Уве.
Мой Уве, мой Уве!»*

*Ступил на помост Нис. И мать вслед за ним!
Он тихо сказал, на корабль указав:
«Ну, а его мать?»*

*Нис прыгает в лодку, и шестеро с ним,
Рослые, крепкие фризов⁶¹ сыны.
Адская пляска, то вверх бот, то вниз!
Сейчас разобьется он!.. Нет, уцелел!..
Надолго ль? Надолго ль?*

*Море гонит бичами огней
Своих водяных душегубов — хоней;
Храпят и пенятся волны.*

*Гонка их чешет, треплет, как лен!
Одни на загривок взлетают другим,
Копытами топчут!*

*Сошлись три стихии! Пылает весь мир!
Но что там? — к берегу лодка идет —
Их лодка! Они подплывают!*

*И взоры, и слух вперились во тьму...
Тише — не крик ли то? Да, он кричит:
«Маме скажите: здесь Уве!»*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Наш путь ведет в мир поэтической баллады. Назовем несколько примеров: «Баллада о нищих» К. Ф. Мейера, «Певец» и «Кладоискатель» И. В. Гёте, «Огненный всадник» Э. Мёрике, «Ивиковы журавли» и «Поликратов перстень» Ф. Шиллера, «Мальчик в болоте» А. фон Дросте-Гольсгоф. Но вершина балладного жанра — «Порука» Ф. Шиллера, рекомендуемая для восьмого класса⁶².

Следует пока по возможности избегать тех баллад, в которых концентрированное драматическое действие не допускает никакой разрядки и где отсутствует какой-либо текст, связующий диалог (крикнул он, возразил он, а тот говорит), — например, «Лесной царь» и «Ученик чародея» И. В. Гёте. Кроме того, сочинения такого высокого поэтического достоинства, как «Ноги в огне» К. Ф. Мейера, «Печальная коронация» Э. Мёрике, «Саисское изваяние под покровом» Ф. Шиллера и пр., требуют чрезвычайно быстрых метаморфоз внутреннего состояния, к которым школьники восьмого класса еще не способны. Поэтому подобные произведения пока годятся лишь для того, чтобы при случае прочитывать их вслух. Это производит впечатление. Ученики ощущают, что не все можно говорить как попало, и в

⁶¹ Фризы — германское племя, населяющее побережье Северного моря в ФРГ и Нидерландах.

⁶² Можно также рекомендовать баллады русских авторов: «Илья Муромец», «Алеша Попович», «Курган» и др. А. К. Толстого, «Светлана» В. Жуковского, «Наташа», «Жених» А. Пушкина, «Емшан» А. Майкова, английские народные баллады в переводе русских поэтов и др.

них просыпается тихая робость и уважение к художнику и его творению. Душевные переживания расширяют кругозор, и взгляд в радостном ожидании обращается к грядущим годам.

Необходимо сказать, что в памяти остаются даже небольшие попытки раскрыть лаконичный рисунок особо выдающихся художественных произведений путем выразительного чтения. В данном случае имеется в виду стихотворение К.Ф. Мейера «Наполеон в Кремле» — пример, заимствованный из учебного материала. Как неоднократно показывал опыт, чисто чувственное, эмоциональное переживание этого стихотворения в раннем возрасте открывает возможность позднее, в старших классах, гораздо более насыщенного мыслительного проникновения в его тематику.

В 7-м и 8-м классах преподаются география и история, повествующие об открытиях, завоеваниях и изобретениях, и химия, дающая представление о процессе горения и тем самым подводящая к огненному элементу. Ко всем этим темам можно найти поэтические «иллюстрации» и параллели на эпохах немецкого языка, когда читают и обсуждают эпос и драматические произведения, обращая внимание на начала поэтики (спектакли в 8-м классе). Некоторые баллады уже были названы, приведем еще примеры:

Нашествие гуннов

Б. фон Мюнхгаузен

*Хмурое небо и ветра свист,
Дикая пустошь в потоках дождя,
Зарево, словно далекий пожар,
Тусклые блики на лужах болот.*

*Вдруг топот глухой и раскатистый гул,
Словно в ненастье пред злобной грозой,
Грохот все громче, и стонет земля
От бурного натиска дикой орды.*

*Полчища гуннов ликующий клик!
Топот несметных конских копыт,
Земля содрогается, брызги летят,
Кинжалы на седлах в болотной грязи.*

*Огромна рать, колчаны гремят,
Седельные пряжки, браслеты звенят,
К граве лохматой всадник приник,
Смуглый кулак на тугой тетиве.*

*Сквозь шум дождя пронзителен крик,
Все большие, все новые гонят коней,
Бесчисленны тьмы безродной орды,
Седло — колыбель им и смертный одр.*

*Но вот и последние пронеслись,
И хляби растоптаны все вокруг.
Последнее ржание ветер донес,
На черной грязи — лишь ремень, как след.
Хмурое небо и ветра свист,
Дикая пустошь в потоках дождя,
Зарево, словно далекий пожар,
Тусклые блики на лужах болот.*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

*Hunnenzug*⁶³

*Finsterer Himmel, pfeifender Wind,
Wildöde Heide, der Regen rinnt,
Von fern ein Schein, wie ein brennendes Dorf,
Mattdüsterer Glanz auf den Lachen im Torf.
Da plötzlich ein stampfendes, dumpfes Geroll,
Wie drohenden Wetters steigender Groll
Und lauter und lauter erdröhnt die Erde,
Vom stürmischen Nahn einer wilden Herde.
Ein Hunnenschwarm mit laut jauchzendem Ruf!
Dumpf donnert und poltert der Rosse Huf,
Es erbebt die Heide, der Schlamm spritzt auf
An den dolchbehangenen Sattelknauf.
Ein köcherumrauschter, gewaltiger Schwarm,
Hell klirren die Spangen an Sattel und Arm,
Das Haupt geneigt auf die struppige Mähne,
Die braune Faust an gespannter Sehne. —
Durch den rauschenden Regen wild gellt ein Schrei,
Immer mehr, immer neue jagen herbei,
Von der heimatlosen unzählbaren Schar,
Der der Sattel Wiege und Sterbebett war.
Da endlich die letzten vom Völkerheer —
Zerstampft und zertreten die Heide umher,
Ein letztes Wiehern im Winde — als Spur
Auf dem schwarzen Schlamme ein Riemen nur. —
Finsterer Himmel, pfeifender Wind,
Wildöde Heide, der Regen rinnt,
Von fern ein Schein, wie ein brennendes Dorf,
Und düsterer Glanz auf den Lachen im Torf.*

Бросающиеся в глаза изменения ритма, точная и выразительная пластика согласных с эквивалентным участием гласных помогают пережить образы, смысл стихотворения. Свообразное мрачное настроение усиливается, если мы во время упражнений дважды или трижды подряд повторим начальные

⁶³ Нижеследующий текст относится к немецкому оригиналу, поэтому мы не считали нужным привести его здесь.

слова, усиливая звучание с помощью звука «U», то есть «funsturur Hummel, funsturur Hummel...» и лишь потом произнесем «pfeifender Wind».

Далее приводятся три стихотворения, посвященных огню; в первом из них говорится о всех стихийных элементах⁶⁴.

Завет

Р. Хамерлинг

Любо мне пламя,
Блестит элемент сей
В дальних зарницах,
В звездном мерцанье.

Люб и эфир мне,
Божественно вольный,
Где ветры да тучи
Блуждают,
Где реют орлы.

Любы мне волны
И рокот их;
Стремятся они
Из края в край.

Люба земля мне,
В зеленой траве

Так славно бродить,
Еще слаще — покой.

Умру — и охотно
Себя я раздам
Полюбившимся мне
Элементам стихий.

Пламени — дух,
Душу — эфириу,
Сердце — волне,
Тело — земле.

Дух должен пылать,
Душа простираться,
Сердечные волны
И дальше шуметь и звучать,
Телу нужен покой.

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Огонь и воздух

Ф. фон Баадер

Огонь есть связь элементов,
Огонь нигде и повсюду,
Создает, изничтожает без конца,
Огонь вовлекает все в круговорот.
И эфирное тело огня,
И женская сущность духа пламени,
И аромат огненного цветка —
Не что иное, как воздух;
Воздух, что рождает вспышку,
Что питает детей пламени.
Чтоб свиваться кругами,
Огонь должен соединиться с воздухом;
Стремление огня лишь в том,
Чтобы, распространяясь, достичь эфира;
Чтоб отыскать первоначало,
Чтоб, постигнув, утвердиться, —
Естество должно воспламениться.

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

⁶⁴ См. Приложение 3 «Стихи о стихийных элементах».

Огонь

И. Крюсс

Слышишь ли, как пламя шепчет,
Шелестит, шумит и свищет,
Как оно бурлит, бунтует
И бушует, бьется, брызжет?

Видишь, как ласкает пламя,
Как поленья пожирает,
Жадно лижет языками,
Танец огненный рождает?

Чуешь ли, как пахнет пламя,
Запах дыма, горечь гари,
Черный чад, и цвет багряный,
Крепкий дух смолы и вара?

Чувствуешь, как жарко пламя,
Как горячим ветром пышет,
Рассыпает щедро искры,
И теплом навстречу дышит?

Слышишь, как стихает треск?
Видишь, как тускнеет блеск?
Чуешь — улетает дым,
И тепло уходит с ним.

Вот слабеет огонек:
В угольках щелчок,
Тонкий язычок,
Шепотком словцо,
Легкое кольцо,
Смолк.

(Перевод М. Гиверц, Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Два стихотворения о путешествии Колумба.

Колумб

Ф. Шиллер

Далее, смелый пловец! Пускай невежды смеются.
Пусть, утомившийся, руль выпустит кормчий из рук,
Далее, далее к западу! Должен там берег явиться:
Ясно видится он мысли твоей вдалеке!
Веруй вожатаю — разуму! Бодро плыви океаном!
Если земли там и нет — выйдет она из пучин.
В тесном союзе и были и будут природа и гений:
Что обещает нам он — верно исполнит она!

(Перевод М. Михайлова)

Колумб

(12 октября 1492г.)

Г. Гейм

Нет больше в воздухе соли, нет и пустынных морей.
Бурных над ними ветров мрачный окончился гул.
Нет неоглядных пустых горизонтов, откуда
Круглый, как шар, лунный диск медленно вверх выползал.

Уж над водами летают огромные птицы,
Дивными крыльями цвета лазури блестя.
Вот и гигантские белые лебеди, их оперенье бледнее,
Мягче оно и сладко, как арфа звучит.

Уж появились внезапно хоры звезд незнакомых,
И, точно рыбы немые, по небу они проплывают.
Снят моряки утомленные; их одурманили ветры,
Что ароматом тяжелым жасмина цветущего напоены,

Лишь впереди, у бушприта, грезит в ночи генузец,
Глядя в зеленую воду, что плещется тихо у ног:
В ней всплывают цветы, тонкие, словно былинки,
А глубже белеют на дне отражения орхидей.

В ночных облаках отражаются дальние зданья
Больших городов под безоблачным небом златым,
И блестит в ужасающем свете вечерней зари,
Будто во сне, золото кровель таинственных Мексики храмов.

Но вот игра облаков погружается в море.
Все ж остается, дрожа, белый свет на воде вдалеке,
Слабый совсем огонек, словно звездочка, нежный:
Там еще мирно пока дремлет в тиши Сальвадор.

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Приведем теперь дальнейшие речеобразующие упражнения. Работа прошлых лет настолько подготовила слуховые способности школьников к активному внутреннему контакту, что теперь мы можем еще более дифференцированно давать качественные характеристики энергии отдельных звуков. Не доводя до сознания учеников физического механизма образования согласных звуков (это оставляется для верхней ступени обучения), мы рассказываем лишь кое-что об их силах: толчковых, волноприбойных, дрожащих, выдуваемых⁶⁵.

На толчковые согласные:

Drück die Dinge, die beiden Narrkappen Tag um Tag.
Сдвинь две глыбы, и будет луг твой вскопан год за годом.

Второй вариант:

Twerdь раздвинься, столкнитесь камни, зажгись огонь.

Третий вариант:

Труд дней — деньги — богатства не накопят из года в год.

Tritt dort die Türe durch.

Сотри черту и выди в дверь;
Встреть дождь, труб дрожь.⁶⁶

⁶⁵ В оригинале использованы термины *stoßende*, *wellende*, *zitternde*, *Blaselaute*, отсутствующие в словарях и не имеющие адекватных аналогов в обычной фонетической терминологии — Прим. переводчиков.

⁶⁶ Очень важно чувствовать разницу «три» и «тру», «дог» и «дро». Хороший образ для этого — дождь, проникающий в трубы. Очень хорошие примеры толчковых звуков есть в русском переводе «Калевалы»:

Ильматар — творенья дева,
Дочь воздушного пространства,
Созидала скалы в море

И подводные утесы,
Где суда, наткнувшись сядут,
Моряки найдут погибель.

В стихотворении М. Цветаевой есть толчковые звуки:

Кто создан из камня,
Кто создан из глины —
А я серебрюсь и сверкаю...

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю.

И еще пример: В путь тронулись мы быстро,
Вдруг резкий звук, как выстрел. — Прим. Н. Самухиной.

Более сильные на звук «Т» и более мягкие на звук «Д» толчки мы прослеживаем ступней ноги, шагая вперед; это упражнение выводит голос наружу.

На «волноприбойные» согласные звуки:

Walle Welle wellig – leise lispeIn lumphige Iurche lustig

Валом величим вливаясь — такою бывает вода

Или совсем другое:

Lünten лесные ключи — ласково ловко лукаво⁶⁷

Мы ощущаем волнообразное движение двойного «Л» и при словах «leise lispeIn» представляем, как из прибрежной почвы ваттов⁶⁸ выбиваются маленькие ключи.

На дрожащий в воздухе согласный звук:

Rate mir mehrere Rätsel nur richtig

1. Раскрути круглую карусель, но быстро

2. Радуй мир, круглая радуга, во все времена

Звук «Р» пронизывается воздухом, если мы каждый раз слышим, как на одном качании два слова вибрируют в воздухе.

Rate mir — произнести, затем внутренне, молча как бы откачнуться назад.

mehrere Rätsel — и опять откачнуться.

nur richtig — и еще раз.

На выдуваемые согласные:

Ach, forsche, rasch,

es schoß so scharf auf Schußweise

1. Ach, выше рощ из сизых чащ лишь светлый луч

2. Ach жара, сушь, ужасно злюсь, овес весь выжжен

3. Ach, вверх и вширь развелся, исчез за шарф и сейчас связан⁶⁹.

Мы обращаем свой слух на воспламененный поток дуновения, уделяя внимание переходу от конечного звука к начальному в словах: «es schoß so»!

Постепенно двигаемся к тому, чтобы воспринимать смену: выдуваемый звук — дрожащий — выдуваемый — дрожащий — выдуваемый *forsche rasch*;

дрожащий звук — толчковый: *rate*;

дрожащий — толчковый, выдуваемый и волноприбойный: *Rätsel*:

волноприбойный — выдуваемый: *leise*;

то же плюс толчковый и т.д.: *lispeIn*.

⁶⁷ Это два образа воды; первое упражнение можно сопровождать большими движениями и второе — маленькими. В первом — большие волны (в), во втором — большие фонтанчиков (л). — Прим. Н. Самохиной.

⁶⁸ Ватты — затопляемая прибрежная полоса Северного моря в ФРГ и Нидерландах.

⁶⁹ В первом варианте — выдуваемые и огневые звуки. Во втором и в третьем есть разные, но выдуваемые в большинстве.

Если мы это делаем, ученики с радостью заново принимают уже известные им упражнения «ist strauhelnder Stern» (см. 6-й класс).

Достаточно лишь один раз проследить звуки «ST» и «STR», не замедляя темпа упражнения в целом, а сохраняя его нормальным. Всем доставляет удовольствие точно отбивать хлопками звук «ST»; но потребуется довольно много времени, чтобы все дети перестали реагировать на другие звуки, например, хлопать на начальном звуке в слове «Meister».

Проработаем такие упражнения:

<i>Hitzige strahlige stachelige</i>	Хитрый страшный сторож
<i>Sturzstränge Stützen</i>	Строго стоит на посту
<i>Straff Netze nützlich als</i>	Штраф несет студент, когда
<i>Stramme Tatzen streng</i>	Протанцует до утра
<i>Gefalzt</i>	

— Напрягайте, закаляйте инертные органы речи!

<i>Grau Gries Granat Graupe</i>	Грань огромного гранита
<i>Greulich ist das</i>	на границе у горы

— Мы прислушиваемся к тому «зернистому», что звучит в этих словах!

<i>Marsch schmachtender</i>	Марш, шум, треск, рев,
<i>Klappriger Racker</i>	Крик, плач, смех, стон
<i>Krackle plappernd linkisch</i>	К двери прочь скорее
<i>Flink von vorne fort</i>	Пошли вон за порог,
<i>Flink von vorne fort</i>	Пошли вон, за порог
<i>Krackle plappernd linkisch</i>	К двери прочь скорее
<i>Marsch schmachtender</i>	Марш шум, треск, рев,
<i>Klappriger Racker</i>	Крик, плач, смех, стон

— Для укрепления и гибкого употребления речи!

В двух следующих упражнениях мы обращаем внимание на агрессивно усиливающееся и вновь ослабевающее течение речи (упражнение на звук «Z»).

<i>Du zweifelst, du zürnest, du zerreißest zornig</i>	
(смягченно) <i>Zweifele nicht, zürne nicht, zerreife nicht zornig</i>	
Ты сомневаешься, ты гневаешься, ты гневно рвешь бумаги	
Не сомневаюсь, не гневаюсь, не рву бумаги гневно ⁷⁰	

Упражнение на звук «PF».

<i>Pfui, pfeife pfiffige Pfeiselpfiffe</i>	
(смягченно) <i>Empfange empfinded Pfunde Pfeffer</i>	
1. Пфуй — подуй на фунты перца.	

⁷⁰ А можно усилить драматическое звучание, употребляя больше зубные звуки: ты злишься, ты зудишь, ты скрежещешь зубами, я не злюсь, я не зужу и не скрежещу зубами. — Прим. Н. Самохиной.

2. Пфуй — свисти, свистун, а свисток из спрука и в пеньки птиц найдешь ответ.

3. Сдуй фетровых шляп вереницу, ветер, на ветви разнес их поэтиче.

«Свадебная песня» Гёте дает нам строфы, прекрасно подходящие в качестве упражнения:

*Da pfeift es und geigt es und klinget und Klirt,
Da ringel's und schleift es und rauschet und wirrt,
Da pispert's und Knistert's und flistert's und schwirrt;
Das Graflein, es blicket hinüber,
Es düntkt ihn, als lág'er im Fieber.
Nun dappelt's und rappelt's und Klappert's im Saal
Von Banken und Stühlen un Tischen,
Da will nun ein jeder am festlichen Mahl
Sich neben dem Liebchen erfrischen...⁷¹*

Теперь на очереди также упражнение на переход от интенсивного и энергично звучащего согласного звука к передним гласным — «У» и «О».

*Sturm-Wort rumort um Tor und Turm
Molch-Wurm bohrt durch Tor und Turm
Dumm tobt Wurm-Molch durch Tor und Turm*

1. Штурм бушевал и громыхал вокруг ворот и башен.
Чудовищный дракон ревел, буравя стены башен.
Глуп тот дракон и страшен в воротах наших башен.
2. Трубор ушел в дремучий бор
По бору дул горючий сор,
Гром труб, шум гор
Грохочет Бор.

Слова «rumort, bohrt, tobt» мы будем со временем все больше акцентировать в речи. Эти слова, обозначающие действия, окрашивают всю фразу.

Слушая, мы учимся говорить; говоря, учимся дышать — и так врастаем в разнообразное течение речи, в приемы рифмовки и те воздействия, которые оказывают поднимающиеся и падающие ритмы.

Вот адоническая стихотворная стопа⁷² окрыляющего характера — ритм, присущий античной оде, составленный из дактиля с последующим хореем: долгий слог, краткий, краткий, долгий, краткий.

⁷¹ В переводе, конечно, совсем иной звуковой строй:

...Все вертится, кружится, воет, поет,
Беснуясь, волнуясь, качаясь, плывет,
Скряжещет, пиликает, стонет, орет, —
И рыцаря, точно больного,
Трясет от веселья такого.

И топот, и грохот, и хохот кругом,
На стулья, на скамьи скорее...
Всем надо местечко найти за столом,
Сесть рядом с красоткой своею.

(Перевод В. Бугаевского)

⁷² Адоник — стихотворная стопа сапфической строфы.

Медлить в деяньи,
Ждать подаянья,
Хныкать по-бабы
В робости рабьей
Значит — вовеки
Не сбросить оков,

Мыслей трусливых
Трепет пугливый,
Бабы стенанья
И колебанья
Не принесут вам
Вольности в дар.

Жить вопреки им —
Властиям и стихиям,
Не пресмыкаться,
С богами смыкаться
Значит — быть вольным
Во веки веков!

(Перевод Л. Гинзбурга)
Назло всем силам
Не быть унылым,
Жить — не сгибаться,
Крепко держаться,
Боги вам руки
Протянут тогда.

(Перевод Л. Фельдмана)⁷³

Пример точного спокойного дактиля:

Х. Дистель

Смело шагай в окружающий мир,
Землю в сиянии утра увидь,
В солнечный свет лучистый поверь,
Теней ночных не пугайся ты!
Глянь, распускаются все цветы,
Птицы порхают вокруг тебя,
Сильно стремись — и добудешь все,
Ты, о душа моя, к свету шагай!

Два коротких стихотворных текста Х. Дистеля в размере анапеста (краткий слог, краткий, долгий) упражнений.

*** ***

Нас окрыляет радость! Смелей
Мы побеждаем тяжесть Земли,
Мы раздуваем пламя во мгле,
Мы зажигаем свет в темноте!

Слушай! Звезды нам шлют,
укрепляя, совет: Будь готов!
Ждет совместный нас труд,
Дело общее ждет, час настал!

«Сесть рядом с красоткой своею». Точно так же, как мы занимались согласными, займемся теперь в нижеследующих упражнениях интонационными «жестами», передающими настроение гласных:

Der Base Nase aß Mehl
Rasen Masse kratze kahl

1. С базара нас Захар везет
Растает масло, краска каплет⁷⁴
2. В вазе прекрасна астра
Сладок запах красных маков⁷⁵

⁷³ Даём два варианта перевода. Перевод Л. Фельдмана ближе к тексту оригинала.

⁷⁴ Надо почувствовать разницу «а» после «э» и «а» после «и», «и», «е». — Прим. И. Самохиной.

⁷⁵ «А» открывается все больше от начала к концу стиха. — Прим. И. Самохиной.

Lechzend lernte er erst ernste Lehren

1. Размеренно и верно отмерь две меры
2. Лелея леность, не верь в успех дел
3. Легче стрел летела эра, эхо времени нес ветер⁷⁶
Zierlich Ding ist nicht Wind nicht Wirrnis
1. Нить тропинки идти велит
2. Длинных тропинок извилиста нить⁷⁷
Voll Lob zog wohl noch Gotthold fort
Вольно, ловко шел он ночь той дорогой к дому⁷⁸
Und du moest zur Ruh
Лунных дум, укутал сумрак
Уснуть учу душу пустую⁷⁹

Мы переходим из простора «А» в тесноту «У», из света в темноту и при этом очень осторожно и бережно касаемся душевных нюансов чистого удивления — в «А», самоукрепления и самозащиты — в «Е», активного излучения и тихого любопытства — в «И», обволакивающего тепла и восхищения — в «О», отстранения, уединения и собранности со взглядом, устремленным вглубь, — в «У» (*Kluft, Schlucht, Urgrund*).

Высокая образность открывается в тропах и метафорах поэтической речи, которым Рудольф Штайнер придавал весьма большое воспитательное значение.

Цветок лотоса и лебедь

Р. Хамерлинг

О лотос, белый лебедь меж цветов!
На диких водах ты колышешься, ты чистый,
И в вещем сне Единое ты ищешь,
И сердце к небу рвется у тебя.

О лебедь, лилия живая на волнах!
В порыве смутном пусть летят другие,
Покой, мечты тебе милее странствий,
От мира отрешен, святой питаешь жар.⁸⁰

⁷⁶ В первых двух вариантах можно почувствовать себя твердо стоящим на земле, ощутить центр, середину на уровне груди. Можно помогать себе жестами — руки на уровне линии горизонта. Третий вариант — более образный и как бы больше удален в пространстве от говорящего. Произнося его, можно делать большие, широкие жесты, но тоже на уровне горизонта. — Прим. Н. Самохиной.

⁷⁷ Здесь в «и» можно чувствовать сильное устремление вперед, жест не вдоль линии горизонта, а вперед. — Прим. Н. Самохиной.

⁷⁸ Здесь тоже движение вперед, но уже с жестом душевного тепла, можно окруживать, обнимать пространство переди звуком «о». Образы ночи, дороги, дома помогают в этом. — Прим. Н. Самохиной.

⁷⁹ Здесь действует жест замкнутости, ухода в себя, но нельзя делать жесты закрывающие. Наоборот, «у» — самая «далняя» гласная, но она узкая. Остается узкая щель наших вытянутых губ, мы как бы идем в пространстве далеко, но узкой дорожкой. — Прим. Н. Самохиной.

*Кто ищет высшее, идет своим путем,
И лучшим люди вместе не владеют,
Кто счастья жаждет, одинок быть должен:
Так лотоса цветок и лебедь учат нас.*

Тонкое понимание захватывает школьников — «внутрь уходит таинственный путь» (Новалис). Посредством звука, слова, ритма они сами формируют себя, они сами делают свои «инструменты», которые — подобно лире Орфея — способны умерять, гармонизировать, направлять человека.

Уже в самые ближайшие годы им предстоит мобилизовать собственную стимулирующую энергию, чтобы она пронизала их тело, ставшее обременительно тяжелым, и помогла овладеть им. В этом возникающем столкновении физического и душевно-духовного начал решающее влияние может оказать драматическое представление, завершающее 8-й класс в наших вальдорфских школах. Большое воздействие оказывают на развитие школьников — вплоть до формирования их социального поведения — и практикуемые в наших школах ежемесячные празднества-показы, которые включают эвритмию, рецитацию, пение и музикацию, сценические представления, хороводные и речевые игры, гимнастические и физкультурные упражнения, причем участие в этом принимают, проявляя взаимную заинтересованность, все классы от нижней ступени до верхней.

Высказывания Р. Штейнера

«...Переживанием своего Я, тем, что мы ощущаем себя личностью, мы во многом обязаны именно речи. И это чувство в человеке может возвыситься до чего-то, подобного молитвенному настроению: «Я слышу звуки речи вокруг меня, и сила речи вливается в меня!» Если у вас есть это чувство святости призыва вашего Я-речью, тогда вы сможете пробудить его и в детях во время различных мероприятий. И тогда вы станете пробуждать чувство Я у детей главным образом не в эгоистическом, а в ином плане. Ибо чувство Я у ребенка можно пробудить двояко. Если пробудить его неверно, то оно способствует как раз возбуждению и разжиганию эгоизма, если же пробудить его правильно, то оно способствует становлению воли, ведет к бескорыстию и самоотверженности...»

«Искусство воспитания, методические и дидактические аспекты», 4-я лекция, 21.08. — 5.09.1919, Штутгарт (Библ. № 294).

На одной из конференций первой вальдорфской школы Р. Штейнера спросили, что можно было бы сделать для исправления плохого произношения у детей.

«...Разве речевые упражнения, которые вы время от времени практикуете, ничего не дают? Их следовало выполнять раньше, в классах нижней ступени. Они же для того и приведены, чтобы их непременно выполнять. Вот замечают, что дети не могут говорить как следует. Тогда принимаются за упражнения, но эту неправильную речь нужно чувствовать. Мы же часто обсуждали также и гигиеническое значение правильной речи. У детей следовало бы довольно рано вырабатывать привычку говорить отчетливо, ясно. Это влечет за собой самые различные последствия. При преподавании греческого языка не будет возможности выполнять немецкие речевые упражнения. Но на уроках немецкого языка это выходит очень хорошо. Речевые упражнения можно делать на всех ступенях обучения под самыми разными углами зрения».

Конференция от 5.09.1924.

«...Итак, мы можем сказать: наблюдая человека в его дневной жизни, видишь, конечно, в сущности только его Я и астральное тело и то, как они участвуют в физическом теле, и тогда получаешь какое-то представление об их воздействии на физическое тело, но не о душевно-духовном в Я и астральном теле. Когда я говорю с человеком, то обращаю внимание на слова, которые он произносит, и если даже я материалист, то объясняю себе это следующим образом: работают легкие, горло и так далее, вследствие чего возникают колебания воздуха, они наталкиваются на мое ухо и так далее. Если я, однако, взгляну на вещи верно, то я увижу, как выбирает то, что формируется в слова, что воплощается в речь, — астральное тело человека. Но тогда я нахожу родство человека с божественно-духовным миром. Я говорю себе: "Если астральное тело пребывает в физическом теле во время дневного бодрствования, то оно таится в речи и сходных видах деятельности. Ночью оно принимает участие в жизни высших иерархий. И так же обстоит дело с Я человека..."»

«Образы судьбы во сне и во время бодрствования. Духовность речи и голос совести» 6.04.1923, Берн (содержится в Библ. № 224).

«...И речь у большинства людей тоже эгоистична. Она просто выходит из органов речи. Но вы можете постепенно привыкнуть к тому, чтобы ощущать свою речь, как если бы на самом деле она обвевала вас, как если бы слова летали вокруг вас. Вы действительно можете определенным образом переживать свои слова. Тогда говорение словно отчуждается от человека. Оно становится объективным. Человек совершенно

инстинктивно слушает свою собственную речь. В процессе говорения его голова как будто становится больше, и он чувствует, как вокруг него сплетаются в единую ткань звуки и слова. Постепенно приучаются вслушиваться в звуки, в слова. И этого можно достичь именно с помощью речевых упражнений. Тогда, благодаря им, в самом деле не только орут в пространство (я сейчас имею в виду, говоря «орут», не просто громкий крик; можно «орать» и шепотом, если говорят, в сущности, лишь для самого себя), но и действительно в процессе говорения сживаются с пространством. Можно почувствовать, что пространство резонирует. В некоторых школах постановки речи людей заставляют говорить так, чтобы у них резонировало тело — живот, нос и так далее. Это форменное безобразие! Все эти внутренние резонансы порочны. По-настоящему резонировать может только пережитое. Но такой резонанс чувствуется тогда не в том, что звук наталкивается на внутренность носа, — его чувствуют сперва перед носом, снаружи. Так что речь фактически приобретает какие-то черты полноты. Оратору вообще следует выговаривать все полностью. Оратор должен как можно меньше проглатывать...»

«Антropософия, трехчленное социальное деление и искусство речи», 5-я лекция, 15.10.1921, Дорнах (Библ. № 339).

«...Можно стать материалистом по своему мировоззрению (даже в известной мере должно — по отношению к внешнему органическому миру), можно относиться материалистически к высшей жизни, но нельзя стать материалистом в искусстве! Ибо тогда все созданное в любой области не будет искусством. И это проявляется как в драматических произведениях, так и в манере речи их исполнителей. Здесь дело в том, что в манере речи действительно входит все, к чему способно искусство художественной речи как таковое. Ведь постановка художественной речи уже содержит в себе самые различные элементы. Мне хотелось бы указать лишь на один... Я хотел бы обратить внимание на следующее: в речи есть некоторый средний темп. Мы можем это ощутить. И от этого среднего темпа можно переходить к ускоренному темпу, к торопливому произнесению слов, или же к замедлению. Ускорение речи всегда служит выражением того, что человеческое Я выходит из себя самого, самоудаляется в пространство. Конечно, это удаление в пространство может ощущаться совершенно по-разному, например это может быть удаленность от предмета своих стремлений и тому подобное.

Замедление слов в драматической речи представляет как раз своего рода пребывание в самом себе; поэтому все то, что должно выражать приход в себя, возвращение в сознание, все то, что выражает замкнутое в себе, связано с замедлением темпа.

Другой формальный принцип состоит в повышении или понижении тона...»

«Искусство устного выступления», 6.04.1921, Дорнах; содержится в курсе лекций «Искусство рецитации и декламации» (Библ. № 281).

«...Дать душе то, что ей надлежит иметь, можно, лишь вновь придав речи воодушевляющую энергию посредством истинного духовного характера познания, так что она опять сможет вести к Гению языка.

Сегодня речью в сущности пользуются более или менее лишь как средством общения на физическом плане; применительно к декламации и рецитации мы ведь уже даже проходили, что следует подчеркивать содержание прозы. Все то, что придает речи образность, ритм, такт, мелодически-драматическое начало, что, стало быть, возвращает к душевному, а в душевном — опять-таки через музыку и воображение — возносится в духовный мир, — мы испытали, что все это отброшено, и таким образом, можно сказать, сделана дальнейшая уступка материализму речи.

Язык — в том виде, какой приобрел он сегодня у всех народов, — привязывает душу человека во время от засыпания до пробуждения исключительно к тихому физическому звучанию минерального мира, его рокоту и журчанию; к шорохам и шелесту растительного мира, исключительно в его физической ипостаси, и не открывает душе ни чистых голосов ангелов, ни громкого трубного гласа — языка мира архангелов с его глубоким космическим смыслом.

В сущности, сегодня человек, начиная с возраста половой зрелости, вбирает в себя из языка нечто таким образом подготовленное его мозгом за время бодрствования, что он в обычной физической жизни под словами понимает идеиное содержание вещей. Ему надлежало бы — поскольку к его душе от засыпания до пробуждения может обращаться речь архангелов — вбирать то, что придает его кровообращению способность по меньшей мере предчувствовать, догадываться о спиритуальных глубинах мировых событий. А вместо этого он впитывает в свою кровь тона, порождаемые скоблением, точением, перекатами, ударами, — тона, которые присущи физическому, минеральному миру, он поглощает кровью тона, свойственные физической стороне растительного мира: шорох, шелест, стук капель, щелканье.

В этом повинно то, что человек сегодня обычно не имеет возможности воспринимать спиритуальное познание, то, что наше школьное образование лишено духовной глубины...»

*«Духовные импульсы, а мировой истории», 1 я лекция.
11.03.1923. Дорнах (Библ. № 222).*

«...Когда мы говорим, то говорим так, что получаем слова с помощью согласных и гласных. Обратите ваше внимание на большое различие между согласными и гласными в речи. Согласные закругляют звук, заостряют его, они образуют «выдуваемые» и «волноприбойные» звуки в зависимости от того, участвует ли в их формировании тот или иной орган речи, формируются ли они губами или же зубами.

Гласные возникают совершенно по-другому. Гласные образуются, когда мы направляем воздушный поток через орган речи определенным способом. Мы не закругляем; посредством гласных мы образуем субстанцию звука. Если употребить сравнение, можно сказать: гласные дают нам субстанцию, материал. Согласные придают пластическую форму этому материалу...»

«Духовно-душевые основополагающие силы в искусстве воспитания», 2-я лекция, 17.08.1922, Оксфорд (Библ. № 305).

«...В 8-м учебном году следует давать начала метрики и поэтики, затем, в 11-м, эстетику речи...

Метрика — это учение о строении стиха, строфы, поэтика рассматривает формы и виды поэзии — лирическую, эпическую и драматическую. Это метрика и поэтика. Затем переходят к обучению о тропах и фигурах. Надо всегда показывать это на примерах, так, чтобы у детей было много примеров метафор и т.п.

Предмет «Эстетика языка» будет состоять в том, что, например, внимание детей — а они к этому времени уже овладеют изрядным языковым богатством, и для сравнения можно привлекать разные языки — обращают на различия языков: одни из них богаче гласными «у» и «о», другие — гласными «и» и «е».

При рассмотрении таких вещей пытаются вызвать у учеников чувство того, что язык, в котором много «о» и «у», намного богаче в музыкальном отношении того, который содержит много «е» и «и».

А также такое переживание: как убывает красота языка, когда с исчезновением окончаний теряется возможность преобразования слов в различных падежах. Таким образом, предметом эстетики языка является его строение. Пластичен он или же лиричен и музикален, имеется ли в нем возможность сильных выражений с помощью сложных междометий и так далее. Это уже нечто иное, нежели метрика и поэтика. Эстетика занимается собственно красотой языка...»

Конференция, 19.06.1924.

«...В 8-м классе учебная задача заключается в том, чтобы дать ребенку общее представление о крупных прозаических и поэтических формах; в это время с детьми следует читать драматические и эпические сочинения.

При этом необходимо всегда учитывать то, что я сказал: все объяснения и интерпретации должны даваться предварительно, так, чтобы чтение завершало работу с материалом...»

«Искусство воспитания, семинарские обсуждения и лекции по учебному плану», 1-я лекция учебного плана, 6.09.1919, Штутгарт (Библ. № 295).

ДЕВЯТЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

Переход в верхнюю ступень обучения изменяет все, к чему дети привыкли.

Оберегающее руководство классного учителя, который на протяжении восьми прошедших лет учения являлся для детей естественным авторитетом, отныне переходит в руки нескольких учителей-предметников.

Школьник с готовностью и нетерпеливым ожиданием хочет настроиться на то, что каждые три-четыре недели учителя, ведущие главные эпохи, меняются, но часто это удается не сразу. В этом возрасте человек обычно в большей мере, чем прежде, занят самим собой; он скорее склонен уходить в себя, нежели приспосабливаться ко внешним обстоятельствам. Детская непосредственность и открытость уступили место ранимости чувствительной души, и как ученику, так и учителю надо приложить некоторые усилия, чтобы избежать появления своего рода разочарования и хорошо известной усталости от учебы. Как же мы, занимаясь искусством речи, воздействуем на то, чтобы меланхолическое омрачение, проявляющееся во взгляде, в манере держаться и во всем поведении ученика, стало лишь времененным явлением и не тянулось в последующие годы, осложняя учебный процесс?

Рецитация в 6, 7 и 8-м классах была многообещающей, но какой тяжеловесной и нескладной предстает она зачастую перед учителем верхней ступени в 9-м классе. Здесь она не приводит к истинным речевым достижениям, хор не звучит согласованно, радость от рецитации уже не так велика, и куда-то исчезли хорошие задатки в области развития речи, хотя мы питали такие надежды на быстрый их рост! И все же нам нельзя терять мужества и энтузиазма! Не станем прерывать те регулярные занятия искусством речи, которые вел классный учитель, но продолжим их, хотя, может быть, сделаем их не столь упорными и долгими, чем делали до и будем делать после этого времени.

Тем самым мы усилим внутреннюю способность к освобождению личности от самой себя, поможем ей обрести собственный руль и поддержим реализацию всех разнообразных дарований и возможностей, свойственных этому возрасту. (В 9-м классе у мальчиков еще не окрепли голоса, и девочки становятся на время опорой хора.) Следует подбирать стихотворения таким образом, чтобы в надвигающемся третьем семилетии волевое начало могло получить дальнейшее развитие и послужить живому восприятию окружающего мира и самого себя. Чтобы помочь душе раскрыться, мы ищем произведения, заключающие в себе силу движения и формы, а также образы, близкие переживаниям подростков, и находим все это у многих наших поэтов. Для данного возраста наиболее выразительными представляются стихотворения Конрада Фердинанда Мейера, о котором Штейнер написал:

За то, что полный
Жизни материала
Чистейшей формой
Он умел облечь,
Ей предалось
И Духа бытие,
Сил жизненных полно.

(Р. Штейнер, «Вердикты», перевод Л. Фельдмана)

А сам Мейер высказывает следующим образом: «Движение — будь то неудержимый лирический порыв сердца, эпический шаг странника, или движимый бурей парус драматических страстей, — является и остается существенным в красоте всякой поззии».

Перед нами лежит сокровищница. Мы становимся соучастниками действия, чувствуем свою неразрывную связь с изображаемыми людьми и говорим их устами.

Фундамент

К. Ф. Мейер

Правдивым будь, отбрось назад
Завесу, что туманит взгляд.
Смотри на себя, как на других,
И дай оценку всех дел твоих!
А правда — это острый меч,
Что может душу нам рассечь.

Всех чар, иллюзий меркнет свет,
Воздушных замков больше нет.
Когда ж успеет пыль осесть,
Прими себя, каков ты есть,
И заново все построй потом
На основании скромном том.

(Перевод Л. Фельдмана)

Das Fundament⁸⁰

*Sei wahr und wirf ihn weit zurück
Den Schleier über deinem Blick*

⁸⁰ Так как автор ниже детально разбирает метрику этого стихотворения, мы приводим здесь и немецкий текст.

*Und sieh' dich wie einen andern an
Und benenn' es alles, was du getan!
Die Wahrheit ist ein scharfes Schwert,
Das mitten in die Seele fährt.
Der Zauber weicht, es flieht der Schein,
Die Luftgebäude stürzen ein.
Und wenn der Staub verronnen ist,
So nimm dich selber, wie du bist.
Dann bau' wieder und bau' zu End'
Auf dies bescheidene Fundament.*

Восходящему движению четырехстопного ямба (с отклонениями в 3, 4, 11 и 12-м стихах) противостоит, вплоть до двух последних строк, преимущественно нисходящая направленность речи, укрепляя и в то же время освобождая говорящего. К этому добавляется сжатая форма с парной рифмой. Следующее стихотворение, которое мы приводим, также имеет парную рифму и ямбический метр с добавочным концевым слогом в каждой строке (гиперкаталектический стих), дополняющим ее и одновременно дающим импульс последующим стихотворным строкам; и на сей раз мы можем видеть движение речи, направленное снизу вверх.

Под звездами

К. Ф. Мейер

*Кто, сын Земли, при свете Солнца, в тяжкой
Борьбе, гоня бичом коней утряжку,
Стремится пламенно к далекой цели,
В пыли весь, — звезды вспомнят он ужели?
...Темнеют тропы, кони захромали,
Светила вечные вновь воссияли,
Священные законы зrimы людям.
Смолкает крик борьбы. И день подсуден.*

(Перевод Л. Фельдмана)

Приведем еще одно стихотворение. Мы встречаемся опять с пятью подъемами в каждой стихотворной строке, но все происходит более осозаемо и не столь быстро.

Скальная стена

К. Ф. Мейер

*Враждебно высится, в хаосе диком скал,
Стена, пугая глаз. По ней блуждая,
Он робко ищет, где бы зацепиться.*

*Вон там! Над пропастью колышется мосток,
Как паутинка. Выше — острый гребень,
Где врублены следы, тропы обрывок!
Вверху — ворота с голубым проемом:*

*Там путник заберется ввысь и к свету!
Связует глаз подъем, следы, ступени.*

Он ищет. Вот нашел уж всю тропинку,
Радушной — глядь — стена крутая стала.

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Любого захватит судьбоносная встреча в полной напряженного драматизма балладе «Ноги в огне». Немногими яркими штрихами нарисована картина, вводящая нас в действие (это предохраняет от того субъективного эмоционального тона, который в девятом классе наталкивается на особое сопротивление!); а в конце стихотворения — сдержанность и самообладание, взгляд, обращенный к высшему Божественному суду.

Ноги в огне

К. Ф. Мейер

*Сверканье молний. Башни черный силуэт.
Грохочет гром. Наездник осадил коня
И, спрыгнув, постучался в двери. Плащ его
Срывает ветер. Взмыленный скакун дрожит.
Блеснул огонь за узким стрельчатым окном,
И вот со скрипом отворились ворота...
«Я воин короля — взгляните на мундир,
Скачу я в Ним. Прошу вас — дайте мне приют». —
«Гроза бушует. Ты — мой гость. А твой мундир.
Что до него? Войди, пусть отведут коня».
И вот вступает рыцарь в полутемный зал,
Где разгораются поленья в очаге
И где с высоких стен на рыцаря глядят
Там — грозный гугенот, закован в латы, здесь —
Из рамы золотой надменная жена...
Он в кресло сел, вперив недвижный взгляд в огонь,
И в думу погружен, за пламенем следя...
И вдруг оцепенел... Он вспомнил зал, очаг...
Пылающий огонь... И ноги там, в огне...
Служанка поседевшая кладет на стол
Сверкающую скатерть. Помогает ей,
Как видно, дочь владельца замка. Сын
Кувшин с вином приносит. Дети вдруг
Взглянули с ужасом на гостя, на очаг...
Пылающий огонь... И ноги там, в огне...
«Проклятье! Этот зал! И этот самый герб!
Тому три года... гугенотская резня...
Она упорствует. — Где муж твой? Отвечай! —
Молчит. — Ответы! — Молчит. — Ответы! — Она молчит.
Ах ты, гордячка! В страшном бешенстве схватил
Я женщину, и ноги белые ее
В огонь поставил. — Ну, ответишь мне? — Молчит...
Молчит и корчится... Герба не разглядел?
Глупец, глупец! И здесь приюта ищешь ты?
Да будь хоть ангел он, задушит он тебя».*

Хозяин входит в зал. «Ты дремлешь, гость? К столу!»
Отец и дети сели. Рядом с ними сел
И он. Но дочь и сын, молитвы не свершив,
На гостя смотрят с диким ужасом в глазах...
Вина хотел налить, но уронил кувшин,
И встал: «Прошу, меня сведите в мой покой!
Как пес, измучен я». Слуга несет свечу,
И видит он, с порога поглядев назад,
Как мальчик шепчет что-то на ухо отцу.
Шатаясь, за слугой по лестнице идет.
Там, в башне, он засов задвинул. Вынул меч.
Как воет ветер! Пол дрожит. Гремит замок.
Скрипят ступени... Нет... Крадутся? Чей-то шаг?
Нет, обманулся он. Все тихо. Полночь бьет,
Сомкнулись веки, сон овладевает им,
На ложе он упал. В окно стучится дождь.
Он видит сон. — Ответь! — Молчит. — Ответь! — Молчит.
Он женщину влечит. Она стоит в огне.
Огонь растет, гудит, растет вокруг него...
«Проснись! Давно пора в дорогу! Поздний час!»
Владелец замка здесь, он в потайную дверь
Вошел, и вот над ним стоит — совсем седой,
А ведь еще вчера казался молодым.
И оба всадника в лесу. Ни ветерка.
Могучие стволы расщеплены грозой.
И птицы ранние щебечут в полусне,
И мирно облака над кронами плывут,
Как будто ангелы летят в обитель нег.
Смолю пахнет лес и влажною землей;
Вот поле впереди, и землю пашет плуг...
Наездник искоса на спутника взглянул:
«Вы рассудительный и умный человек,
Вам ведомо, что я — посланец короля.
Дай бог нам больше не встречаться». Тот сказал:
«Сегодня королю с трудом я службу нес,
Как дьявол, ты убил мою жену. И жив!..
Отмщенье мне и аз воздам — сказал Господь».

(Перевод Е. Эткинда⁸¹)

Для преподавания искусства в этом, а также и в 12-м классе вполне подходят стихотворения К.Ф.Мейера «В Сикстинской капелле», «Крипта» («Стройте, юные мастера, стройте светло и просторно») и «Микеланджело и его статуи»⁸². Интерес к тому, как художник подчиняет себе материал, дабы он стал полноценной

⁸¹ Цитируется по книге: К.Ф. Мейер, «Новеллы, стихотворения». М., 1958.

⁸² Переводы первого и третьего из этих стихотворений опубликованы в упомянутой в сноске книге.

реальностью, пробуждает сопоставление нескольких редакций стихотворения К.Ф. Мейера «Римский колодец». В окончательной редакции оно знакомо школьникам еще с 6-го класса. Теперь сравним с ней первую и вторую.

Римский фонтан

1 я редакция

К.Ф. Мейер

*В римском саду тенистом
Фонтан от резкого света
Скрыт, от лучей неистовых
Полдневного солнца лета.
Струею гибкой и тонкой
Взлетает он в темную ночь
Листвы и падает звонко
В чашу, но тихо прочь*

*Сбегают воды оттуда
В чащу вторую, вниз,
И дальше текут, покуда
В третью не канут они.
Отдача и полученье,
Богатства всем хватит с лихвой,
Живых потоков теченье –
И в то же время покой.*

Этим поэт не удовлетворился, вторая редакция придает словесному образу большую наглядность:

*Фонтан и плещет, и журчит,
Уж чаша верхняя полна,
Прикрыв завесою свой вид,
Передает второй она*

*Богатства излишek; та струю,
Бурля, во мрамор третьей льет,
Все три берут и отдают,
В покое все – и все течет.*

Еще один шаг дальше — и вот образ выражен наиболее полно (3-я редакция):

*Ввысь бьет и падает струя,
Уж чаша верхняя полна,
Завесой скрыв свои края.
Передает второй она*

*Богатства излишek, та струю,
Бурля, во мрамор третьей льет,
Все три берут и отдают,
Покоясь, все течет.*

(Перевод Л. Фельдмана⁸³)

Приведем теперь стихотворения Кристиана Моргенштерна, открывающие нам нечто из внутреннего существа человека:

К. Моргенштерн

*Уж не созданье – повелитель мыслей,
и воли господин – не раб ей боле,
потока чувств и мера, и хозяин,
чресчур глубок, болеть чтоб отрицањем,
свободен слишком для ожесточенья:*

⁸³ В главе, посвященной 6-му классу, это стихотворение приведено в переводе Т. Сильман.

так человек себя связует с царством духов.
Так он трону находит к трону тронов.

(Перевод Л. Фельдмана)

К. Моргенштерн

Что сейчас желанье — станет волей,
нынешняя воля станет силой
после долгой, щедрой тишины.
Сила, что вершит желанья,
воля, из того свершенья
вновь влекущая нас дальше.

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

К. Моргенштерн

Thalatta⁴⁴

Рушатся юности
все алтари в прах,
святые кумиры
рассыпаются в пыль,
разбойные ветры
развеют огни
жертвенныхников

храмовой рощи.
Море с приветом швыряет пену
прямо к самым моим ногам. —
Да, больше ты всех сновидений!
Топор деревьям освященным!
Чтоб судно с парусами покорить мне!
Встань, душа-искательница!

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Обратимся далее к Фридриху Шиллеру и познаем в процессе рецитации нашу ориентацию в пространстве, в нас самих и в нашем теле.

Зенит и Надир

Ф. Шиллер

Где б не бродил ты в пространстве, везде твой Зенит и Надир
К небу тебя привяжут и к оси мировой.
Что ни сделай с собой, да коснется небес твоя воля
И по оси мировой дело направь свое!

(Перевод Л. Фельдмана)

Изречения Конфуция

Ф. Шиллер

1.

Тройствен шаг времен, конечно:
Будущее медлит, наступая,
Как стрела, сегодня улетает,
Прошлое стоит недвижно,ечно.
Не ускорит нетерпенье
Времени неспешный шаг,
Не удержат страх, сомненья,
Коль бежит оно спеша.

Покаянью, чарам — всем им
Вставшее не сдвинуть время.
Хочешь мудро и счастливо
Кончить жизни путь красиво,
С медлящим советуйся ты смело,
Но не требуй инструмент для дела
Не бери бегущее в друзья,
Вставшее врагом считать нельзя.

⁴⁴ Thalatta (др. греч.) — море.

Дано три меры мира нам:
Без отдыха вперед длина
И непрерывно вдаль стремится;
Не знает ширина границы,
А глубина не знает дна.
Они — пример нам постоянный:
Вперед стремись ты неустанно;
Чтоб видеть дел своих свершенье,

Не стой в пути от утомления;
Чтобы себе представить мир,
Ты развернуться должен ширь;
А чтобы суть постигнуть — ну,
Тут лезть придется в глубину.
Упорство лишь приводит к цели,
Лишь ширь нас к ясности ведет,
И в бездне истина живет.

(Перевод Л. Фельдмана)

Испытаем себя на хорах из «Мессинской невесты»
Ф. Шиллера, например таком:

Вдоль по улицам града,
Привычное к плачу,
Шествует горе,
Мрачно обходит
Дома и чертоги.
В эти ворота нынче стучится,

Завтра в другие, —
Только никто от беды не уйдет.
Худые вести нас настигают
Раньше ли, позже, —
Но всюду поспеет
Горе, где земнородный живет.

(Перевод Н. Вильмента)

Материал обретает над нами власть, в особенности когда он художественно воплощен в поэтическую форму. Поззия, предназначенная не для чтения про себя, а для произнесения вслух, искусство художественной речи (*Sprachgestaltungskunst*), следующее за звуком, подчиняющееся сущности речи, ее природе, пробуждают материал к новой жизни.

Если мы не хотим упустить действие, которое поззия оказывает на школьников, нам надлежит неустанно практиковать то, что сказал Рудольф Штейнер: «Стихотворение должно производить впечатление звучанием, а не смысловым содержанием. Если же вы захотите последнего, то это было бы все равно, что желать, чтобы статуя двинулась навстречу созерцающему» («Методика и сущность искусства речи»). При этом нам приходит на помощь то, что сказал Гёте о стихотворении «Рыбак»⁶⁵ в

⁶⁵ Хотя автор книги не приводит эту балладу, мы сочли целесообразным дать ее здесь.

Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Стоит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной.
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих...
И влажную всплыла главой
Красавица из них.
Глядит она, поет она;
«Зачем ты мой народ

Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Но свежей ли горит красой
Его из них исход?
Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоне ль их тебя манит
И лик твой молодой?»
Бежит волна, шумит волна...
На берег вал пlesну!

его беседах с Эккерманом: «Вы пишете красками моего «Рыбака» и не задумываетесь о том, что этого вообще нельзя нарисовать. Ведь в этой балладе выражено одно лишь ощущение воды, то привлекательное в ней, что манит нас летом искупаться; больше там ничего нет, и как это можно нарисовать!»

Сам предмет стихотворения влечет за собой наполненные творческой силой звуки, колеблющийся ритм и живой поток дыхания. (В «Ученнике чародея» И. В. Гёте предлагает нам нечто аналогичное.)

На Гёте и его время, особенно на лекции Германа Гrimма о Гёте, указывает нам учебный план. Высокохудожественный повествовательный стиль этого тонкого знатока оживляет и углубляет выразительную силу речи. Мы можем проговаривать вместе с классом фразы из этих лекций. Их построение столь хорошо, что позволяет ясно выразить ход мысли. Таким образом мы можем упражняться. Коснувшись построения фраз, мы вновь вступаем в область упражнений, привлекаем примеры, в которых различная расстановка акцентов меняет смысл.

Ты пропустил мой совет мимо ушей?

Ты все же прочел эту книгу?

Тебе следовало бы об этом кое-что знать!

Ты все же прочел эту книгу! и т.д.

Ничего существенно нового мы, собственно говоря, не добавим, оставаясь при ранее выученных упражнениях. Учебный материал этого класса в целом составляет повторение, уже приобретенные знания уточняются и надежнее закрепляются. Так же мы поступаем и с упражнениями. Мы тратим на них меньше времени, чем прежде, учитывая, что иной школьник в этом возрасте предпочтет молчать, чем выразить себя в речи; но в тем большей степени мы обращаемся к уху, которое как раз теперь становится удивительно чутким.

В одном из своих гимнов Фома Аквинский взывает:

На взгляд, на вкус, на ощупь мне не узнать тебя,

и есть на то причина — лишь слуху верю я.

Именно это мы наблюдаем в описываемый период! Мы можем найти доступ к застенчивому и скрытному характеру школьника, вслушиваясь порою вместе с ним в лирические раздумья или лирико-драматические настроения:

*Манишь, влечешь с родного дна
В кипучий жар из вод?
Ах! если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.*

*В нем вся душа тоски полна
Как будто друг шепнул!
Она поет, она манит —
Знать, час его настал!
К нему она, он к ней бежит...
И след навек пропал.*
(Перевод В. Жуковского)

И. Г. Гердер

Лишь сон, лишь сон — вот жизнь вся наша
Здесь, на Земле.
Как тени на волнах, пропляшем
И сгинем вслед.
Пространством — временем мы мерим
Шаги в пути,
А ведь (не зная и не веря)
Мы — в центре вечности.

(Перевод Л. Фельдмана)

И. Г. Гердер

Дивное звездное поле, просторы лугов бескрайних,
Мои восхищенные взоры вы приковали к себе.
Вижу — небесных овец там стадо златое пасется,
Тщетно ищу, где пастух, посохом правящий им.
Ищешь ты пастыря стад, что купаются в высинах эфирных,
Ищешь высший закон ты — тот, что движет миры?
Смертный! В себя загляни, высший закон — он в тебе,
Не одними он мудрыми правит, но и тобою самим.

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Там человек кричал?

Г. Э. Носак

В ночной тиши, когда все спали,
Раздался крик. О, что за крик!
Второй раз!.. Крики меня звали.
Сна не прервал я ни на миг.

С реки отчаянные звуки
Двукратно, и потом — вновь ночь.
Помочь мои сумели б руки,
Но я проспал, не смог помочь.

И в дверь не выскоцил с постели,
Дабы взывающего найти.
Я спал — и крики отозвели.
О ты, кто звал меня, прости.

А поутру пришли с вопросом:
Чей крик им ночью так мешал?
Не Бога ль звал? Сказать пришлось им:
Я ничего не слышал, спал.

Не Богу крик был адресован,
Ко мне взвывал, как к брату, брат.
Но тщетны были оба зова:
Брат спал до самого утра.

Чтоб разбудить меня, кричал он
Два раза ночью от реки...
Мы слишком любим одеяло,
Постель, свой сон — всем вопреки.

Как совесть наша отупела,
Как вял, нечуток стал наш слух!
Пальнуть над ухом надо смело,
Чтоб этот сон нарушить вдруг.

Глухим я создан и лентяjem,
Тебя оставил одного.
Но не уснуть мне ночью, знаю,
Брат мой, от крика своего.

(Перевод Л. Фельдмана)

Во взаимном общении больше, чем когда-либо, важным связующим элементом служит чувство юмора учителя. Мы вкрапляем в учебный материал остроумные стихотворения

Вильгельма Буша, Рингельнатца, Моргенштерна и др.⁸⁶ Даже самые маленькие стихи приносят радость:

Муравьи

Рингельнатц

*В Гамбурге два муравья проживали, и
Раз им побывать захотелось в Австралии.
Но где то близ Альтоны⁸⁷ на шоссе
Ножки у них разболелись совсем,
И мудро они отказались пройти
Тогда свой последний остаток пути.*

(Перевод Л. Фельдмана)

Школьники с радостью замечают все тонкости и нюансы юмористических произведений. Глава о юморе в сочинении Жан-Поля, на которую указывает учебный план, расширяет понимание этого. Однако при всем многообразии материала центр тяжести должен все же находиться на баллады. Они связывают внутреннюю чувствительность школьников со словом. Так, помимо баллады «Ноги в огне» К.Ф. Мейера, мы читаем вслух еще «Валтасара» Г. Гейне, «Легаса в ярме» Ф. Шиллера и др.

Валтасар

Г. Гейне

*Полночный час уж наступал;
Весь Вавилон во мраке спал.
Дворец один сиял в огнях,
И шум не молк в его стенах.
Черног царя горел как жар:
В нем пировал царь Валтасар, —
И чаши обходили круг
Сиявших златом царских слуг.
Шел говор: смел в хмелию холоп,
Разглаживался царский лоб, —
И сам он жадно пил вино.
Огнем вливалось в кровь оно.
Хвастливый дух в нем рос. Он пил
И дерзко божество хулил.
И чем наглей была хула,
Тем громче рабская хвала.
Сверкнувши взором, царь зовет
Раба и в храм Еговы шлет,
И раб несет к ногам царя
Златую утварь с алтаря.
И царь схватил святой сосуд.*

⁸⁶ Здесь вполне уместны стихотворения Козьмы Пруткова, Саши Черного, Д. Хармса, Н. Олейникова, О. Григорьева и др.

⁸⁷ Альтона — пригород Гамбурга.

• «Вина!» Вино до края льют.
Его до дна он осушил
И с пеной у рта возгласил:
«Во прах, Егова, твой алтарь!
Я в Вавилоне бог и царь!»
Лишь с уст сорвался дерзкий клик,
Вдруг трепет в грудь царя проник.
Кругом угас немолчный смех,
И страх и холод обнял всех.
В глуби чертога на стене
Рука явилась — вся в огне...
И пишет, пишет. Под перстом
Слова текут живым огнем.
Взор у царя и туп и дик,
Дрожат колени, бледен лик.
И нем, недвижим пышный круг
Блестящих златом царских слуг.
Призвали магов, но не мог
Никто прочесть горящих строк.
В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы зарезали царя.

(Перевод М. Михайлова)

Пегас в ярме

Ф. Шиллер

На конные торги в местечко Хаймаркет,
Где продавали все — и жен законных даже,
Изголодавшийся поэт
Привел Пегаса для продажи.

Нетерпеливый гиппогриф
И ржет и пляшет, на дыбы вставая,
И все кругом дивятся, рот раскрыв:
«Какой отличный конь! И масть какая!
Вот крылья б только снять! Такого, брат, конька
Хоть с фонарем тогда ищи по белу свету!
Порода, говоришь, редка?
А вдруг под облака он занесет карету?
Нет, лучше придержать монету!»
Но глядь, подходит откупщик:
«Хоть крылья, — молвит он, — конечно, портят дело,
Но их обрезать можно смело,
Мне коновал спроворит это вмиг, —
И станет конь как конь. Пять золотых, приятель!»
Тот молвит: «По рукам!» И вот
С довольным видом Ганс коня домой ведет.

Ни дать ни взять тяжеловоз,
Крылатый конь впряжен в телегу.

Он рвется, он взлетает пытается с разбегу
И в благородном гневе под откос
Швыряет и хозяина и воз.

«Добро, — подумал Ганс, — такой скакун бедовый
Не может воз тащить. Но ничего!
Я завтра еду на почтовой,
Попробую туда запрячь его.
Проказник мне трех кляч заменит разом,
А там, глядишь, войдет он в разум».

Сперва пошло на лад. От груза облегчен,
Всю четвертью взводил рысак неосторожный.
Карета мчит стрелой. Но вдруг забылся он
И, не приучен быть копытом прах дорожный,
Возрился ввысь, покинул колею
И, вновь являя мощь свою,
Понес через луга, ручьи, болота, нивы.
Все лошади взбесились тут,
Не помогают ни узда, ни кнут,
От страха путники чуть живы.
Спустилась ночь, и вот, уже во тьме,
Карета стала на крутом холме.

«Ну, — размышляет Ганс, — не знал же я заботы!
Как видно, дурня тянет в небеса.
Чтоб он забыл свои полеты,
Вперед поменьше класть ему овса,
Зато побольше дать работы!»
Сказал — и сделал. Конь, лишенный корма вдруг,
Стал за четыре дня худее старой клячи.
Наш Ганс ликует, радуясь удаче:
«Теперь летать не станешь, друг!
Впрягите ка его с быком сильнейшим в плуг!»

И вот, позорной обреченный доле,
Крылатый конь с быком выходит в поле.
Напрасно землю бьет копытом гриф,
Напрасно рвется ввысь, в простор родного неба.
Сосед его бредет, рога склонив,
И гнется под ярмом скакун могучий Феба.
И вырваться не в силах из оков,
Лишь обломав бесплодно крылья,
На землю падает — он! вскормленник Богов! —
И корчится от боли и бессилья.

«Проклятый зверь! — прорвало Ганса вдруг,
И он, ругаясь, бьет невиданную лошадь. —
Его не запряжешь и в плуг!
Сумел меня мошенник облапошить!»

*Пока он бьет коня, тропинкою крутой
С горы спускается красавец молодой,
На цитре весело играя.
Открытый взор сияет добротой,
В кудрях блестит повязка золотая,
И радостен веселой цитры звон.
«Приятель! Что ж без толку злиться?
Крестьянину с улыбкой молвит он. —
Ты родом из каких сторон?
Где ты видал, чтоб зверь и птица
В одной упряжке стали бы трудиться?
Доверь мне твоего коня,
Он чудеса покажет у меня!»
И конь был отпряжен тотчас.
С улыбкой юноша взлетел ему на спину.
И руку мастера почувствовал Пегас
И, молнии метнув из глаз,
Веселым ржанием ответил господину.
Где жалкий пленник? Он, как встарь,
Могучий дух, он бог, он царь,
Он прянул, как на крыльях бури,
И вмиг, опережая взор,
Исчез в сияющей лазури.*

(Пер. В. Левика)

Упомянем здесь еще одно стихотворение К. Ф. Мейера, к которому охотно обращаются учителя при преподавании географии, когда идет подробный разговор об Альпах.

Близость небес

*Средь фирновых торжественных снегов
На узком гребне лагерь ставлю свой.
Из зелени морской застывших льдов
Зубец серебряный вознесся предо мной.*

*Снег, что к ущелью ключьями прильнул,
По сотне желобков потек сильней,
Из черной сырости сегодня уж блеснул
Бубенчик нежный Сольданеллы ⁸⁸ мне.*

*То близко, то далеко водопад
Гремит и, рушась, брызгами пылит,
С безмолвием глубоким звуки в лад —
Поток, дыханье, ветер, глас молитв!*

*Лишь коршуна донесся сиплый крик,
Лишь рядом где-то просвистел сурок,*

⁸⁸ Сольданелла — речка в Альпах.

*Здесь, на скале, один я в этот миг
И чувствую: со мною вместе Бог.*

(Перевод Л. Фельдмана)

Высказывания Р. Штейнера

«...В процессе говорения следует вовлекать все, что имеет к нему отношение, в том числе и дыхание, в процессе говорения надо непременно учиться самому. Это значит, что следует учиться говорить так, чтобы последовательность звуков и взаимосвязей слов как бы сама собой регулировалась также и дыханием.

Таким образом, нужно в процессе говорения научиться также дыханию. Следовательно, и речевые упражнения должны быть такими, чтобы правильное переживание их звучания вынуждало к правильной постановке дыхания — в соответствии именно со звучанием, а не с содержанием...

Ни в коем случае не следует думать, что в этой — как я хотел бы ее назвать — речевой гимнастике для упражнений можно или даже нужно использовать только осмысленные фразы, воспринимаемые рассудком. Нет. Ибо в таких осмысленных фразах слишком перевешивает неосознанно-инстинктивное внимание к смыслу, и это мешает полностью сосредоточиться на звучании, выговаривании. И необходимо в известном смысле отчуждать речь от самих себя. Точно так же, как можно отчуждать от себя письменный текст, так можно отчуждать от себя и речь...

«Антропософия, трехчленное социальное деление и искусство речи», 5 я лекция, 16.10.1921, Дорнах (Библ. № 339).

«...При диктовке необходимо привлекать внимание к тому, как заканчиваются и начинаются фразы. Не диктовать знаки препинания — а приучать детей расставлять их, следя интонации. Диктовать знаки препинания — это дело сомнительное. Я не стал бы этого делать, но давал бы вслушиваться в интонацию...»

Конференция 3.07.1923.

«...Поэт пребывает в своеобразном положении. Поэту приходится пользоваться словом, так как слова являются инструментами человеческой речи, но он может пользоваться словом, только сводя его к досмысловый звуковой и слоговой основе. В мере, числе и весе слогов, то есть в той области, где слово еще не стало словом, где слово еще подчинено музыке, фантазии и пластике надсловесного, духовного, — там правит поэт. И хотя поэт все-таки вынужден пользоваться словами, в нем живет внутреннее чувство, что он должен снова вернуть словообра-

зование в ту самую область, из которой он вышел, именно когда должен был перейти от слога к слову. Он чувствует, что ему надлежит исправить рифмой, всей конструкцией строфы, художественно округлить, сформировать, гармонизировать, — это происходит, когда, прибегая к слову, выходишь за пределы меры и веса слогов...

...Истинный поэт постоянно возвращается от «прозаического», смыслового в словах к музыкальному или пластическому элементу. Шиллер всегда, до того, как он записывал слова стихотворения, слышал неопределенную мелодию без слов, имел какие-то мелодические переживания. В этом еще не было слов — лишь течение мелодии, звучание музыкальной темы, и лишь потом он нанизывал на нее слова. И можно представить, что у Шиллера из одной и той же мелодической темы рождались самые различные по словесному содержанию поэтические произведения.

А Гёте стоял перед актерами, разучивая с ними свои ямбические драмы, с дирижерской палочкой в руках, как капельмейстер, видя самое существенное не столько в «прозаическом» содержании слов, сколько в формировании звуков, во взвешивании слогов, в музыке, ритме, такте и так далее...»

«Искусство рецитации и декламации», лекция от 29.03.1928, Штутгарт (Библ. № 281).

«...Посредством речи, одушевленной воображением, мы подводим человека к существенному в содержании слова, к сверхчувственному, к творческому слову, вытекающему из сверхчувственного. Бессмертная жизнь души пробудится, если говорить исходя из образа, из художественного; бессмертная жизнь души будет умерщвлена, если работать, исходя из интеллектуального».

«Рецитация и декламация» (Библ. № 281), «Гибель и возрождение», рассуждение о речи Марии Штейнер.

«...Полагают, что можно выявить, раскрыть содержание прозы путем особого акцентирования, которое часто называют «прочувствованной нюансировкой». Нет, при декламации и рецитации (и это обнаруживается, когда рецитация должна сопровождать эвритмию) дело заключается в том, что уже «внутренняя эвритмия», ритм, такт, вообще формирование содержания вслед за поэтом, находит выражение особенно в формировании тона, в изображении, в темпе, в такте и ритме тона...»

«Рецитация и декламация», вступительное слово Р. Штейнера на первом курсе Высшей школы в Гетеануме» (Библ. № 281).

ДЕСЯТЫЙ - ДВЕНАДЦАТЫЙ УЧЕБНЫЕ ГОДЫ

В течение трех последних лет учебы впечатляющим переживанием для школьников является поэтическое творчество как венец всех искусств. Они ближе узнают развитие поэтического искусства и его законы, равно как и его влияние на изменение состояния духа в ходе истории человечества. На эпохах немецкого языка и поэтики им открывается склад древне- и средневерхнемецкого языка⁸⁹, основы и правила метрики и рифмовки, он узнает формы и роды поэзии, все это воспитывает в них чувство языка. Рука об руку с преподаванием искусства речи, как безусловно необходимое и способствующее его усвоению, идет искусство эвритмии, в котором школьники упражняются с 1-го по 12-й классы.

Благодаря эвритмии воспринятое из сферы душевных и духовных закономерностей становится при участии тела человека пространственно зримым. Тем самым оживаются жесты звуков, слов и фраз, направления в пространстве, художественные формы, порывы и переходы, заключенные — частью в скрытой форме — в поэтическом произведении.

Аполлонические изобразительные силы — с их строгой со-размерностью, и дионаисийские с их циклическими взлетами, заполняют на занятиях эвритмии пространство, доступное чувственному восприятию (зрению, слуху), и обогащают понимание рецитационного и декламационного стилей речи.

Непреходящая, истинно творческая фантазия, определяющая колоссальную силу воздействия слова, возникает в школьнике и возбуждает присущее лишь человеку стремление преодолеть все препятствия, пробиться в своей индивидуальности и достичь зрелости.

Школьник находится на решающем переломе, от которого берут начало известные слова Фауста: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Больше ничего само собой не получается. Поэт, возбуждая нашу активность, указывает пути, по которым можно продвигаться вперед от связи с узким кругом сверстников к обретению собственной личности. Свои лучшие мысли, свои самые глубокие чувства и волевые акты он доверил Гению речи, дабы вдохновить поколения и вести их к высотам духа. Как говорит Зигфриду старуха-прорицательница Ода:

В. Йорданс

Призван бороться ты неустанно!
Легкая жизнь нас расслабляет;

⁸⁹ Периоды в развитии немецкого литературного языка.

*Кому в колыбельку их золотую
Ярче, чем всем, Солнце счастья сияло,
У тех корни роста и сохнут и вянут.
Небесные силы с вершины гордыни
Столкнули тебя, чтоб учить подниматься.*

При всем том в высшей степени эффективно беглое проговаривание речевых упражнений; в этом процессе мы оставляем со-зерцательный элемент на заднем плане. В искусстве речи возникает опасность слишком сосредоточиться на этом элементе, так как любые занятия речью возбуждают мыслительные способности, а мысль существует в теснейшей связи с речью. Но как раз в этом искусстве, как нигде больше, дело обстоит так, что сам человек становится одновременно инструментом и материалом; он как бы отрешается от себя, получает возможность забыть о себе и тем не менее занимается опять-таки самим собою, в идеале — вплоть до функций своих физиологических циклов. Это изменяет, преобразует, обновляет его.

Существенно расширилось поле для упражнений. Мы определяем свое отношение к эпической, драматической и лирической поэзии, отрабатывая их типичные формы. Образцы древнейшей аллитерационной поэзии — как и чтение вслух эпоса вообще — требуют пластически завершенной манеры управления силой голоса. Тональность голоса приобретается от твердого нёбного свода, мы овладеваем голосовым потоком и сообщаем речи образность с помощью фонетического упражнения на звук «Н»:

*Halt! Hebe hurtig hohe Humpen!
Hole Heinrich hierher hohe Halme
Гвалт хора, глас храма, хвала и хула,
Химеры и хитрость, халтура и грязь,
Хворь, голод и холод — все ходят хвостом,
Все гонятся гению вслед*

Звук «Н» придает пластичность не только звуку, следующему непосредственно за ним, но охватывает все слово целиком и, оказывая очищающее действие, решительно вторгается в голос и организацию речи; по указанной причине нам не следует вводить данное упражнение до достижения этого возраста!⁹⁸

Из так называемого «направляющего» упражнения (оно укрепляет речь):

⁹⁸ В русском языке нет звука «Н», и данное пояснение относится лишь к немецкому тексту. Русским звуком «Х» сложнее охватывать целое слово, но тем не менее можно попробовать делать этот жест в русском аналоге данного упражнения, который отрабатывает не только «Х», но и «Г». Прим. Н. Сачатиной.

*Wage dein Wollen klar.
Richte dein Fühlen wahr.
Stahle dein Denken starr:
Starres Denken tragt.
Rechtes Fühlen wahrt,
Klarem Wollen folgt
Die Tat.*

Мы вначале проговариваем только строки, относящиеся к желанию:

*Wage dein Wollen klar,
Klarem Wollen folgt
Die Tat.*

*Сделай волю ясной,
Направь верно чувства,
Поставь мышление твердо:
Твердое мышление несет тебя,
Верные чувства хранят тебя,
Ясная воля
Становится делом.*

И завершаем упражнение в 11-м или в 12-м классе. Формы выражения: мышления — прямое направление, чувства — слегка волнообразное движение, воли — большое нисходящее спиралевидное закругление; эти жесты должны быть хорошо узнаваемыми в процессе слушания.

В 12-м классе мы добавляем продолжение:

*Du findest dich selbst:
Suchend in Weltenfernen,
Strebend nach Weltenhöhen,
Kämpfend in Weltentiefen.*

*Ты находишь себя самого,
Ища в мировых далах,
Стремясь к мировым высотам,
Борясь с мировыми глубинами.*

Указывая направление стремления ввысь, мы должны хорошо осознавать наличие удерживающего противоположного полюса, точно так же при указании направления вдали и вглубь.

Эти упражнения оказывают благоприятное влияние на постановку голоса и дыхания; мы обращаем внимание на то, чтобы они звучали на правильном дыхании. Специальных дыхательных упражнений, разработанных Рудольфом Штейнером, мы в общем порядке не делаем и на верхней ступени обучения, оставляя их для добровольной индивидуальной работы. Но при чтении стихотворения вновь и вновь происходит неосознанное обучение здоровому дыханию.

И. В. Гёте

*В дыханье кроется двойное:
Одно — это выход и вход — другое.
И выход стеснит, а вдох обновит.
Вся жизнь — это смесь, чудная на вид.
Спасибо Творцу, когда Он тебя гнет,
Спасибо, когда Он снимает свой гнет.*

(Перевод В. Левика)

Теперь ученики осознают место образования звуков в органах речи. Так что звук чувствуется и узнается не просто как «толчковый», «волноприбойный», «дрожащий» или «выдуваемый», но и как губной, зубной, язычный или нёбный. Для этого мы снова привлекаем наилучшие подходящие из уже из-

вестных упражнений — «tritt dort die Türe durch», «drück die Dinge...» — и продолжаем их новыми упражнениями на беглость. К примеру, таким юмористическим стишком, в котором язык почти непрерывно издает волноприбойные звуки, чередующиеся с губными:

Lalle Lieder lieblich

Lipplicher Lasse

Lappiger lumpiger

Laichiger Lurch

Лепечи «ля ля», мой милый,

Губошлеп, балбес любезный, липкий,

Бестолковый, жалкий, полный

Мелкий лягушонок⁹¹

Или же займемся упражнением на звуки «G», «К», «PF», начиная медленно, потом всё убыстряя, пока, наконец, не сможем отбарабанить его на одном дыхании:

Nur renn immer teigig

Gierig grinsend

Knoten knipsend

Pfander küpfend

Норы рыть не в море рыбкам

Берег грызть кротам и мышкам

Камни низко класть бобрам

Крысам спать по кораблям

Языком, губами, нёбом, зубами мы как бы вырываем звуки из струящегося перед нами воздуха и пытаемся сохранять полную отчетливость конечных и начальных звуков и при более беглом произнесении.

Мы замечаем, что язык — самый подвижный из органов речи, способный двигаться сквозь все стихийные элементы: сквозь землю («D», «T», «N»), воду («F»), воздух («R»), огонь («SCH», «S»), тогда как губы (производящие звуки «L», «P», «M» и с помощью зубов еще — «W», «F», «V») и нёбо («G», «K», «CH», «NG», «J») могут меньше, а зубы даже нуждаются в помощи языка.

Упражнения на звук «R»:

Rauschende Reden rollten im Raume

Рокот речей раскатился в пространстве

Reihe, reihen, reich,

Rasch, reis, reif

Рядами ровными равняйся,

Резко в рейс стремись.⁹²

Эти упражнения помогают нам осознать, как звучат, сплетаются в единую ткань и приобретают форму различные виды

⁹¹ В русской поэзии хорошо известна аллитерация на звук «ля» из стихотворения Ф. Сологуба «Любовью легкою играя»:

И два глубокие бокала

Лила, лила, лила, качала

Из тонко-звонкого стекла

Два телько алые стекла.

Ты к светлой чаше подставляла

Белей лилей, алее лала

И пену сладкую лила,

Бела была ты и ала.

См. также стихотворение К. Бальмонта «Влаги».

⁹² В этих упражнениях можно чувствовать, как выбиравшее в воздухе «р» по-разному переходит в разные окончания. И наблюдать различные качества движения: в первом упражнении движение больше круговое; во втором движение прямолинейное. — Прим. Н. Самохиной.

звуков в воздушном пространстве, в которое мы вслушиваемся, когда говорим.

Следующее упражнение проясняет предрасположенность всей эпической поэзии к употреблению нёбных звуков, драматической — язычных и зубных, лирической — губных; они там в большой мере окрашивают речь:

*Bei meiner Waffe
Sie Vieh schieden
Nur erlag Inger ich
Ich ringe Groll
Rind
War beim Baum
Ich ringe groß Schaf
Vollrind nieder
Beim Weih*

*Мир белой ваты
Свет зим снежных
На круг арки иней лег
Купол храма так огромен
Синих звезд мерцает свет
В белом ватном мире
Сон сошел на землю
Город онемел
Ватою окутан⁹³*

Это упражнение дает школьнику более глубокое представление об искусстве речи, в котором — как и в любом другом искусстве — необходимо в совершенстве владеть соответствующим инструментом, что достигается лишь посредством постоянной серьезной работы. В классе мы в основном упражняемся хором и гораздо реже по отдельности, поэтому данное упражнение используется нечасто (за исключением строчки «Sie Vieh schieden» — для подготовки к драматическому). Оно требует точного управления голосом, что еще неосуществимо в этом возрасте. Разумеется, самому учителю это упражнение необходимо, так как оно каждый раз заново регулирует его голос. (Подробные указания к этому и всем другим упражнениям Р. Штейнера содержатся в его работах «Методика и сущность искусства речи» и «Искусство речи и драматическое искусство».) Звуки упражняют наши органы речи, делают их гибкими, искусными, тренированными и способствуют их правильному расположению.

Мы вместе с учениками открываем — полуслыша, полуслыша, ведь мы касаемся здесь деликатного момента, — что наша осанка и внешний облик, который всегда соответствует внутреннему, небезразличны для речи, но находят в ней свое выражение. Если удастся донести это до сознания школьников,

⁹³ «Мир белой ваты» — лирика через губные (м, б, в), «свет зим снежных» — драматика, зубные (с, з, ж), «на круг арки иней лег» — эпика, нёбные (г, к). Вторая строфа — обратная последовательность: первая строка — нёбные, вторая — зубные, третья — губные. В третьей строфе зубные, нёбные и губные смешаны. Хотя настроение этого русского упражнения, конечно, лирическое, но в любой лирике есть переходы к эпике и драматике. — Прим. Н. Самохиной.

то, в соответствии с наклонностями учителя, можно направить их внимание во время упражнений на их телосложение, фигуру. Исходя из движения лопаток, которое пронизывает наши руки и руководит их движением, мы стараемся установить связь через позвоночник с ногами и головой. Возникает чувство «опорной ноги» и «играющей ноги» (т.е. ноги, несущей при движении меньшую нагрузку) и свободно несомой головы, которая не откидывается назад и не свесивается вперед. В следующем коротком упражнении, именно благодаря его краткости, мы можем, играя всего тремя словами, многократно переходить из пассивной позиции в активную, и наоборот: *ты, тут, там — там, тут, ты* (*du, da, dort-dort, da, du*). Руки принимают участие, указывая направление, весь человек — в действии. Чтобы гласный звук имел благозвучную душевную окраску, надо обязательно приучаться свободно держать голову. Это позволяет дыханию беспрепятственно устремляться к звуку, который, благодаря правильной постановке речи, рождается в воздухе. В следующем упражнении мы прослеживаем поступательный ряд гласных (A — E — I — O — U):

Lalle im Oststurm

Вал лет из слов дум

Lalle im Ost

Валом великим льет

Ganööß

В легкую юрту

Uf

Юг⁹⁴

Мы прослеживаем ряд слов (звуки A — E — I — O — U): *Sprache sprechen spritzen sprossen sprudeln* — страх — стрелы — стричь — строки — струны.

Если в 10-м и 11-м классах школьники с самого начала глубоко прочувствуют, как чудесно взаимодействуют жест и речь, то тем самым мы заложим наилучшую основу для работы над драматическими упражнениями в заключительном выпускном спектакле 12-го класса. Всякое упражнение в искусстве речи должно быть для школьников верхней ступени прозрачным и понятным, только тогда ученики смогут принять его. Мы содействуем этому, если много работаем с противоположностями и сравнениями: обиходная речь — стихотворная речь; искусственная мыслительная (философская) проза — художественная образная проза.

⁹⁴ В немецком языке это упражнение необыкновенно выразительно, в русском же аналоге этого достичь не удалось, хотя последовательность гласных присутствует. Приводим еще несколько вариантов.

1. Пал осенний лист, тихий дом мой пуст

2. Взгляд верн, щит ровен, туг лук

3. Как светел чист слов луг

4. Язык к небу подтянул, потянулся и зевнул

В последнем варианте не очень удачна последовательность гласных, зато есть юморированные. — Прим. Н. Самохиной.

Примером может служить начало сочинения Ф. Шиллера о наивной и сентиментальной поэзии и начало «Сказки» Гёте.

При рассмотрении ритмов — восходящих и нисходящих, симметричных, т.е. более уравновешенных (амфибрахий и амфимакр⁹⁵), и совсем свободных — противопоставление выявляется само собой. В курсе «Искусство речи и драматическое искусство» 1924 г. Рудольф Штейнер демонстрирует совершенно новый подход к объяснению принципа воздействия анапеста и гекзаметра (дактиля). (См. первую цитату в конце данной главы.) Хорошо при упражнениях держать эту мысль в голове. Пример анапеста:

Ф. Рюккерт

*Только с мудростью храбрость вдвоеем
Может людям полезно быть,
Но коль действует храбрость одна,
Вслед за нею погибель идет.*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Пример гекзаметра:

И. В. Гёте

*Высыпь языками взметнулось могучее пламя еще раз,
К небу мощно вздымаясь, и красными стены казались
Трои в ночной темноте; друг на друга сложенных бревен
Громада вызвала, вся вдруг обрушившись разом,
Страшный, чудовищный жар под конец. Подхосились ноги
Гектора; наземь в пепел упал благородный троянец...*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Обратимся еще раз к ритму амфибрахия, который мы уже упоминали в 4-м классе. Иногда в стихах он неожиданно переходит в анапест или дактиль, что не всегда плохо. В стихотворении К. Ф. Мейера «Хор мертвцев» могут возникать художественные нюансы, когда музыкальная, танцующая легкость амфибрахия во второй половине некоторых строк соскальзывает в более сдержанный, размеренный дактиль. Добавим к этому стихотворению «Реквием» Фридриха Геббеля и «Ками» Альбрехта Хаусхофера.

Реквием

Ф. Геббель

*Помни о них, душа,
Помни, душа, о мертвых!
Видишь? Рядом с тобой
Бродят они одиноко
И у священного пламени,
Что вздувает для них любовь,
Греются, злополучные,*

*Наслаждаясь в последний раз
Своей отгоревшей жизнью.
Помни о них, душа,
Помни, душа, о мертвых!
Видишь? Рядом с тобой
Бродят они одиноко
И, едва от тебя холодком*

⁹⁵ Амфимакр встречается главным образом в античном стихосложении.

Пахнет на них, цепчают
До глубины сердечной.
Тогда ледяная буря,
С которой силы бороться
Давало тепло любви,
Уносит их, беззащитных,

В пустыню бескрайней ночи,
Где жизни нет — лишь борьба
Раскованной моши судеб
За новое бытие.
Помни о них, душа,
Помни, душа, о мертвых!
(Перевод Ю. Корнеева)

Построив стихотворение в основном в дактилическом размере, поэт, исходя из внутреннего драматизма содержания, освобождается от дактиля, но в конечных стихах вновь обретает его, повторяя начальные строки, которые, благодаря этому, необычайно усилили свою выразительность.

Ками

(Подстрочный перевод)

А. Хаусхофер

Пред многими могилами мне надо бы преклониться,
дабы по идущему из глубины веков обычью Дальнего Востока
устремить сказать спасибо прежде, чем свой дух
я испущу, — и вот пришлось мне из молчанья
тюремной камеры это сделать. Отрешаться душой
от всего мира я научился давно,
направлять ее, когда она удаляется в поисках. —
Мертвые помогают ей отыскать путь.
Мертвым недомы особые знаки:
они немы для душ, исполненных желаний,
и немы для тех душ, которые еще не чтут их, —
но мертвые легко доступны для тех,
кто, свободясь от всяких пут желаний,
приходит к ним с благодарностью от жизни.

Существенные переживания у школьников вызывают стихотворения, передающие индивидуальный настрой души поэтов, движимых одной и той же темой, но находящих каждый свое собственное выражение и форму. Добавим еще один пример сонета с его строго закономерным построением; в нем последовательно проводится одна сквозная мысль. Этот сонет учителя часто выбирают для рецитации на эпохах математики. Он также принадлежит Хаусхоферу (из сборника «Моабитские сонеты»⁹⁶):

Космос

(Подстрочный перевод)

Если в звуках, как по свободному выбору,
в законе Кеплера раскрывается смысл мира,
то возможно, что этот мир наполняет
таинственная гармония числа.

⁹⁶ А. Хаусхофер попал в Моабитскую тюрьму за участие в заговоре против Гитлера; был расстрелян нацистами перед самым концом войны.

*В лучи и колебания размеренной игры
облекается всякая материя и растворяется вновь.
И все формы суть желаемые члены
о едином мировом законе, перед единой целью.
Кто обдумывал когда-нибудь великое строение мира
и не почувствовал, как высокий дух Бога
еще бодрствует и витает, кружка над законами —
каким том кажется слепцом, кто высмеивает творение Бога!
Мы знаем лишь малейшую часть его:
закон есть чудо, а число — тон мировой.*

Широкий простор раскрывается нашей мысли в сонете Фридриха Геббеля:

Язык

*Чудес на свете создал дух немало,
Но выше всех его произведений
Я чую Язык — творенье из творений,
Других чудес источник и начало.
Не будь его, творца бы ожидало
Небытие, и, одинокий гений,
Он погрузился бы в сон без сновидений,
Когда бы не Речь, что дух расколдовала.
Непостижима жизнь в своей основе:
Она стремится к самораспылению,
К распаду на мельчайшие частицы.
И лишь Язык, что возвращает в слове
К исконной целостности все явленья,
Не позволяет ей разъединиться.*

(Перевод К. Азадовского)

Сравним с ним стихотворение Готфрида Бенна, где усиливающееся воодушевление выражено по-иному:

Слово

*Слово, фраза: в знаков мельканье —
познанье жизни, смысл весь вдруг,
солнце стоит, сферы в молчанье,
к Слову теснится все вокруг.
Слово — блеск, и полет, и пламя,
всплеск огня, звездный след чертой, —
и вновь кромешная тьма над нами,
в пустом пространстве над миром и мной.*

(Перевод Л. Фельдмана)

Обращают на себя внимание и разнообразят нашу практику в искусстве речи нестандартные построение строф и характер рифмовки, перескоки строк (анжамбеман, текучая строка). Как рифмовка полностью изменяет речь, мы постигаем в прототипах рифмы — аллитерации и ассонанс. Примером аллитерации могут служить строки, упомянутые в начале главы, — слова Оды, обращенные к Зигфриду. По-немецки они звучат так:

*Rastlos zu ringen, bist du Berufen!
In leichtem Leben erlahmen die Krafte
Und uem in die weiche goldene Wiege
Zu glühend geglanzt hat die Sonne des Glücks,
Dem welken die Wurzeln seines Wachstums;
Dich haben die Himmelsohen von der Höhe
Der stolzen gestoßen, dich steigen zu lehren.*

Пример ассоананса мы находим в стихотворении К.Ф. Мейера «Ночные шумы», где одинаковое звучание гласных заменяет концевые рифмы:

*Melde mir die Nachtgeräusche, Muse,
Die ans Ohr des Schlummerlosen fluten!
Erst das traute Wachtgebell der Hunde,
Dann der algezählte Schlag der Stunde,
Dann ein Fischer-Zwiegespräch am Ufer,
Dann? Nicht weiter als der ungewisse
Geisterlaut der ungebrochnen Sille,
Wie das Atmen eines jungen Busens,
Wie das Murmeln eines tiefen Brunnens,
Wie das Schlagen eines dumpfen Ruders,
Dan der ungehörte Tritt des Schlummers.*

Ночные шумы

*Назови мне, муз, звуки ночи,
Что в часы бессонниц к нам нисходят!
Лай собак сначала на подворье,
Перекличка рыбаков на взморье,
А потом — часы с их мерным боем,
А потом? Одна немолчно шепчет
Тишина, как призрачное эхо,
Словно смутный вздох и трепет сердца,
Словно бормотанье вод подземных,
Словно гулкий всплеск далеких весел,
Наконец — неслышный шаг дремоты.*

(Перевод Т. Сильман)

Многообразны возможности и художественные приемы, которыми нас одаривает благоуханная сокровищница лирической поэзии. Именно в нее хотелось бы теперь проникнуть юной душе и найти в ней высказанным то, что наполняет мир его собственных чувств и мыслей.

Если при чтении вслух мы хотим выдержать стиль, звучание нашего голоса должно излучать тепло и светозарную ясность. Здесь подходит упражнение, способствующее доверительной интонации (упражнение на звуки «SCH» и «W»):

*Schwinge schwere Schwalbe
Schnell im Schwunge schmerzlos*

*Свивая свиток свежих слов,
Послушай песенку сверчка
И шелестные листья желтых⁹⁷*

Соединение звуков «SCH» и «W» привносит в первую строку некую волнистую мягкость, гласные «I», «E», «A» несут с собой свет; во второй строке мы чувствуем, как речь, описывая мелодический полукруг, движется вниз. Школьники ощущают возыщенную красоту, господствующую в лирической поэзии и направляющую их на путь познания жизни.

Поэзия

Ф. Шиллер

*Ничем не связан я, ничем не скован,
Сквозь все пространства вольно я парю,
Мое крылатое орудье — слово,
А мысль — безмерный мир, где я царю.
Что движется на небе, на земле ли,
Что в тайне тайн природа создает,
Открыто мне в моем должно быть деле:
Всесилен и свободен я — Поэт;
Но краше не найду, искать напрасно
В красивой форме и души прекрасной.*

(Перевод Л. Фельдмана)

К. Ф. Мейер

*Вижу чаек, у скалы кружящих,
Тот же круг без устали чертящих,
Распластав в невидимом усилие
Белизной сверкающие крылья;
В тот же миг, взглянув на гладь морскую,
Увидал я в глубине зеленою
Гонку крыльев, в точности такую же,
Вокруг вершины той же — отраженной.
И в зеркальной ясности движенья
Точно так же крылья поднялися
В глуби моря, как в небесной выси:
Не понять, что явь, что отраженье.
Видимость и сущность схожи страшно!
По спине моей пошли мурашки.
Я тогда спросил себя на пляже,
Видя крылья в призрачном мираже:
Ну, а сам ты? Вправду ль окрыленный?
Или только образ отраженный?
В миражах и ты кружишь, быть может?
Или кровь в твоих есть крыльях все же?*

(Перевод Л. Фельдмана)

⁹⁷ Сочетание «шв» в русском языке очень редко, поэтому соответствовать этому может упражнение на «св». — Прим. Н. Самохиной.

Р. М. Рильке

О глубинная жизнь, о жизнь до слез,
ты прислушивайся в молчанье
и предчувствуй ветер прежде берез
и прежде их содроганий.

Тишина пусть приходит на твой порог,
и пускай твои чувства не дышат,
и пускай тебя легонький ветерок
и баюкает и колышет.

Ты, душа моя, в эту тишину, в эту тишину
устремишишься, взмахнув крылами,
и огромную птицею пролетишь
над задумчивыми вещами.⁹⁸

(Перевод Т. Сильман)

Нарастание и спад мелодического движения в длинных и коротких строках повышает чувствительность слухового восприятия.

М. Грейф

Ночь обяла серой мглою,
Вокруг вода, куда ни гляну, —
Берег скрылся вдалеке,
Тучи медленные сняты.
Надо мной миллионы звезд —
И так тихо, тихо здесь.
А под утро, глядя сквозь туман,
Всходит тонкий бледный лунный серп.

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

После столь объективного описания природы, продвинемся вместе с Гёте еще на шаг дальше:

(8)

Парафаза

Дошелось в былые годы
Духу страстно возмечтать
Зиждущий порыв природы
Проследить и опознать.
Ведь себя одно и то же
По-различному дарит,

Малое с великим схоже,
Хоть и разнится на вид;
В вечных сменах сохраняясь,
Было — в прошлом, будет — днес,
Я и сам, как мир, меняясь,
К изумлению призван здесь.

(Перевод Н. Вильмонта)

Эпиррэма

(Подстрочный перевод)
В созерцании Природы
Должно обращать внимание

⁹⁸ Этому стихотворению близки по настроению стихи Б. Пастернака из сборника «Сестра моя жизнь» и из «Доктора Живаго».

На Одно, как и на Все;
Ничто не внутри и ничто не снаружи;
Ибо то, что внутри, то и снаружи.
Так окладевайте без промедленья
Священной явленной тайной⁹⁹.
Радуйтесь правдивому виду,
Радуйтесь серьезной игре:
Ничто живое не единично,
Это всегда множество.

(Перевод Л. Фельдмана)

Антэппрема

Брось скромный взгляд без суэты
На труд Ткачихи¹⁰⁰ вечной ты:
Тьму нитей движет ход один,
Туда сюда челноки шныряют,
Встречаясь, нити утекают,
Один лишь взмах тыщу связей родит;
Она все, не клянча, насирала,
Ей Вечность основу навивала,
Дабы извечный Мастер мог
Уверенно кидать уток.¹⁰¹

(Перевод Л. Фельдмана)

И. В. Гёте

Когда в бескрайности природы,
Где, повторяясь, все течет,
Растут бесчисленные своды
И каждый свод врастает в свод,
Тогда звезда и червь убогий
Равны пред мощью бытия,
И мнится нам покоем в Боге
Вся мировая толчая.

(Перевод А. Ревича)

⁹⁹ Священной (или святой) явленной тайной Гёте называл Природу во всем ее поразительном многообразии.

¹⁰⁰ Гёте уподобляет Природу «вечной Ткачихе». Отсюда и во множестве использованные в стихотворении термины ткацкого ремесла: «навивать основу», «кидать уток» и т. п. — Прим. переводчиков.

¹⁰¹ Три вышеприведенных стихотворения Гёте составляли единый цикл с его стихотворениями «Метаморфоза растений» и «Метаморфоза животных», принцип построения которого соответствовал членению хоровых партий в классической греческой комедии. Там «Парафазис» (комментирующее обращение хора к публике) включает в себя «Эпиррему» (пояснение к сказанному) и «Антэппрему» (возражение на эпиррему); между ними располагаются строфы и антистрофы, произносимые полухорами. Стихотворные «Метаморфозы» были поставлены Гёте перед «Эпирремой» и после нее; «Антэппрема» замыкала цикл, а «Парафазис» открывала его. — Прим. переводчиков.

Одно и все

И. В. Гёте

*В безбрежном мире раствориться,
С собой нанеки распространиться
В щерб не будет никому.
Не знать страстей горячей боли,
Всевластия суровой воли —
Людскомуль не мечтать умч?*

*Приди! пропзи, душа Вселенной!
Снабди отвагой дерзновенной
Сразиться с духом мировым!
Тропой высокой духи ходят,
К тому участливо взирают,
Кем мир творился и творим!*

*Вновь переплавить сплав творенья,
Ломая слаженные звенья, —
Заданье вечного труда.
Что было силой, станет делом,
Огнем, врачающимся телом,
Отдохновеньем — никогда.*

*Пусть делятся древние боренья!
Возникновенья, измененья —
Лишь нам порой не уследить.
Повсюду вечность шевелится,
И все к небытию стремится,
Чтоб бытию причастным быть.*

(Перевод Н. Вильмонт)

Поэтическая речь приглашает нас мобилизовать всю нашу фантазию, чтобы постичь процессы миросозидания, и мы чувствуем себя обогащенными.

Займемся теперь стихотворениями, отражающими весенние и осенние настроения¹⁰².

Это она

Э. Мёрике

*Ленту синюю весны
Вновь полощут ветра волны;
Сладкий дух, предчувствий полный,
Веет в воздухе страны.*

*Уж фиалки видят сон —
Им пора на Землю.
Слушай — дальней арфы тихий звон!*

¹⁰² См. также пейзажную лирику русских поэтов.

Это ты, весна!
Да, тебе я откажу!

(Перевод Л. Фельдмана)

Воздух — в щебетанье сладком,
Тучка тает в тишине,
Почка красная раскрылась,

Аромат пахнул украдкой,
Пенье ль дальнее помчалось, —
Как противиться весне?

(Перевод Л. Фельдмана)

Сентябрьское утро

Еще в туман закутан мир,
Сном лес и луг обняты;
Спадет покров, а там, за ним,

Взгляды — под небом голубым
Осенней приглушенный мир,
Заливый теплым златом.

(Перевод Л. Фельдмана)

Листопад

Шумит вокруг осенний лес...
Все море листьев, что окрест,
течет сквозь сети веток.
Но ты, кто разделить готов
ту боль великую лесов,
молчи, будь тверд и крепок!

Следи с улыбкой путь листка —
добычей легкой ветерка
слетев, он исчезает.
Ты знаешь, бранью — меч, мой друг:
им времени мятежный дух
себя же побеждает.¹⁰³

(Перевод Л. Фельдмана)

Изображение настроения внешнего мира воспламеняет переживания в нашей душе, заставляя ее ликовать от радости или умеряя ее боль. Поззия своими художественными средствами ведет и направляет нас.

Так, например, чисто рецитаторный метр обоих нижеследующих стихотворений способен сдерживать возникающее декламационное настроение.

Дубы

Ф. Гельдерлин

К вам из садов я пришел, питомцы горной вершины,
К вам из садов, где природа живет, послушная людям,
Прежде взрастившая их и трудом их взращенная ныне.
Только вы, прекрасные! Вы, словно племя титанов,
В мире, давно прирученном, себе лишь подвластны и небу.
Небу, исповищему вас, и земле, что вас породила,
И ни один из вас не бывал в ученье у смертных.

¹⁰³ Настроению этого стихотворения близко стихотворение А. Блока «Медлительной чредой находит день осенний».

Гордые, вырвались вы из неволи корней разастылых,
Будто добычу орел, охватив дерзновенно пространство
Мощным размахом ветвей, и темным тучам навстречу
Рады вы обратить бларенные солнцем вершины.
Каждый из вас — это мир, вы живете, как звезды на небе,
Каждый из вас словно Бог, вы едины в содружестве вольном.
Если бы рабство я мог сносить, к тебе, о дубрава,
Зависти я б не питал и с людьми искал бы союза;
Если бы не был душой я прикован к союзу людскому
Стойкой силой любви, я охотно остался бы с ами.

(Перевод Р. Минкус)

У водопада на Рейне

Э. Мёрике

Сердце свое держи, о путник, крепко сильной рукою!
Мое чуть не вырвалось, вздрогнув от радости, вон.
Массы гремящие вновь на гремящие массы швыряет.
Глаз и ухо, куда вам в этой свалке спастись?
Право, свой яростный крик здесь бы гигант не услышал,
Если б, низвергнут с небес, скорчась, на скалах лежал.
Коны Богов в чехарде, прыгая друг через друга,
Книзу стремятся, вокруг грав серебро разметав.
Дивные мчатся тела, без числа, чередой, непрестанно меняясь,
Но вечно все те же — и кто смог бы дождаться конца?
Стиснет грудь твою страх внезапно; при мысли об этом
С грохотом весь небосвод обрушится вдруг на тебя!

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Посмотрим, как поэт использует сочетание гласных и согласных звуков; когда он прибегает к живописному изображению, а когда — к пластическому? Мы отчетливо слышим это в маленьком стихотворении Альберта Штеффена:

*Was ich tat, und was ich tue,
o, wie weit ist es vom Wort.
Denn das Wort geht durch die Ruhe,
und die Ruhe ist mir fort.*

*Dieses kleine Samenkorn
ist vom ganzen All gebaut
Es genügt, beginne vom
bei der Liebe zu dem Laut.*

Что я делал и что делаю —
О, как это далеко от Слова.
Ибо Слово требует покоя,
А покоя я лишен.

Это маленькое зернышко
вмещает в себя весь мир.
И его достаточно, начни лишь
с любви к звуку.

Тут мы растворяемся в захватывающей нас музыкальности и красочности гласных звуков первой строфы: *a i a u i a i e*, и тут же согласные придают силу второй строфе: *d s s k l n s m n k r n*. То главенствует гласный звук, то согласный, оба элемента постоянно пронизывают нашу речь; при ее художественной обработке мы осознаем это заново.

Прорываясь сквозь артикуляцию, мы поднимаемся до интонации, в которой сила голоса и сила звука в выдыхаемом потоке воздуха, встречаясь, образуют высшее единство и открывают нам сущность звука, слога, слова. Это трудно, поэтому с детьми мы можем заниматься этим лишь немногого, давать им только основы.

Мы проходим с учениками путь упражнений, на котором у них вырабатываются способности к восприятию речи, позволяющие нам дерзнуть на хоровую проработку стихотворений, которые очень много требуют от чтецов.

К свету

И. Г. Гердер

*Перворожденный, ты, что из яйца темной ночи
Взмыл на крыльях златых в эфирные выси и там
Радостно правишь, о ты, богов и людей пробудивший
Свет! О могучий, нежный, стократ воспетый и все же
Словом не выражимый, тайно и вездесуще сияющий
В блеске. Ты ночь прогнал от глаз наших закрытых,
Свой высокий священный луч по просторам мира
Вдали стремя и мощно звуча в тиши луча светового.
Мира алчдык! Ты, земли всевидящий снеточ,
Сеятель, общий советник, мира отпрыск блестящий.
Счастье народам струи ты и сей, вниз лучи посылая
Света на веки всех сокнувших глаз и даря
Жизнь на земле, ты — свет и любовь, в двух лицах единый.*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана.)

Уединённое¹⁰⁴

Ф. Ницше

*Звериный бег
И птичий лёт в родную тьму.
Повалит снег —
Блажен, кто спит в своему дому.

Лишь ты, беглец,
Бредешь в отчаянье вперед.
Зачем, глупец, —
Что означает твой уход?*

*Ты мир искал,
Но мир — арата в пески пустыни.
Кто потерял
С твоё — тому тоска и стынь!*

*Теперь дрожишь,
На зимний подвиг обречен.
Как дым бежишь —
Все холодней небесный склон.

Лети, птенец,
Туда, где тигром возвеши!
Упрячь, глупец,
Кровь праведности в лед и ложь!*

*Звериный бег
И птичий лет в родную тьму.
Повалит снег —
Блажен, кто спит в своем дому.*

(Перевод В. Топорова)

¹⁰⁴ Перевод В. Топоровым названия VEREINSAMT, по нашему мнению, неудачен; точнее и лучше — ОДИНОКИЙ — Прим. переводчиков.

Н. Закс

*О плачущее сердце мира!
Ты двоякое семя
Жизни и смерти
Бог желал, чтобы ты отыскало
Самый первый листик любви.
Скрыто ли ты в сиротке,
Бредущей обочиной жизни,
Тяжело опершись на перила?
В ней ты живешь, там,
Где самый надежный тайник у звезды?
О плачущее сердце мира!*

*И ты вознесешься,
Когда исполнится срок,
Ибо тоске нельзя оставаться дома, —
Ей, что строит мосты
От звезды до звезды.*

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Адвент

К. Тильмани

*Густо сыплется снег,
Ослепляя землю.
И небесный груз
Белизной забвенья
Жизни уносит прочь.
Смерть станет светом.
Тише подъемлются очи,
Когда полуночный
Переполненный небосвод
Бессчетно духовные стрелы мечет.
Светила сближаются снова,
В бесконечную сеть сил.
Смиренно кружится
Средь них наша земля,
Печальная избранная звезда
В робком блеске юных еще лучей.
Земля, малые ясли!
Вновь ложится Господь,
Дитя, в тебя,
Пред ликом благословенных планет.*

(Перевод Т. Здорик)

12-е классы принимают существенное участие в праздниках и торжествах всей школьной общины. Ниже следуют

несколько текстов, которые рецитируются в таких случаях
(приводятся подстрочные переводы)¹⁰⁵.

Schicksalsgespräch

H. Hahn

*Wer kann, wenn alle Hilfe versagt,
dem Einsamen weiter raten?*

Die Stillen Taten.

*Wie Läßt sich im Lebens- und Schicksalsgewirr
das höchste Ziel dennoch erwandern?*

*Suche dich selbst,
doch diene den andern.*

*Und wenn dein Stern zu versinken droht,
wie willst du die Richtung finden?*

*Durch Mut –
einen neuen Stern zünden.*

Разговор о судьбе

Г. Хан

*Кто может, когда отказывает всякая помощь,
дать совет одионокому, что ему делать дальше?*

Молчаливые дела.

*Как в хаосе жизни и судьбы
Все же добести до самой высокой цели?*

*Ищи самого себя,
Но служи другим.*

*А если твоя звезда грозит закатиться,
Как найдешь ты верный курс?*

*Имей мужество
Зажечь новую звезду*

*Wäge, denke
zügle, lenke
höre, schweige
finde, zeige
schaue, frage
dulde, trage –
nimmer klage!*

*Взвешивай, думай
одерживай, правь
слушай, молчи
находи, указуй
смотри, вопроши
терпи, неси –
никогда не сетуй!*

Albert Steffen

*Du mußt hinaus,
nicht nur aus Heim und Haus.*

¹⁰⁵ В том случае, когда автор разбирает стихотворение со ссылкой на текст оригинала, мы сочли нужным привести и немецкий текст.

*Das ist nimmer genug.
Denn es gilt höheren Flug,
mit mutigen Flügeln!
Wie webt es dort um den Farn,
von dort will sich spiegeln
der Himmel auf deiner Stirn.
Es spricht in deinem Sinn
das Licht der Welt: Ich bin!
Du darfst es wagen.
Der Geist wird dich tragen.*

Альберт Штеффен

*Тебе надо оторваться
не только от дома и родного очага.
Этого никогда не достаточно.
Ибо стоит пуститься в более высокий полет
На смелых крыльях,
Как соткется твоя судьба там, у заснеженных вершин,
откуда отразится
небо на твоем лбу.
В твоей душе говорит
свет мира: я есмь!
Дерзни на это.
Дух тебя поддержит.*

**Из Послания к ефесянам
святого апостола ПАВЛА**

(гл. 6; 10—17)

10. Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его;
11. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских;
12. Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных.
13. Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злый и, все преодолевши, устоять.
14. Итак станьте, препоясавши чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности;
15. И обувши ноги в готовность благовествовать мир;
16. А паче всего возьмите щит веры, которым возможете у挡住 все раскаленные стрелы лукавого;
17. И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие...

*Из произведения Ральфа Уолдо Эмерсона
«Солнце благословляет мир»:*

Мир вращается; все вокруг меняется каждый час.

Ангелы, обитающие в этом храме тела, показываются в окнах, но так же и глубокие гномы и греховодники.

Синее небо рано покрывает и рыночную площадь, и херувимов и серафимов, это граница между материей и духом.

О, если бы наш самый счастливый сон мог стать осязаемой явью!

О, если бы могучая сила могла отверзнуть нам очи, дабы мы узрели миллионы духов, влекущихся над землей!

У большинства людей влияние
страстей берет верх над духом
настолько, что стены времени
и пространства кажутся после этого
изправду существующими и неопределимыми.

О, если бы могучая сила могла отверзнуть нам очи, дабы мы узрели миллионы духов, влекущихся по Земле!

(Перевод с нем. Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Из произведения Дага Хаммаршельда «Знаки на пути»:

Понимать из тишины,
Действовать из тишины,
Выигрывать из тишины.

Да Богу: да судьбе и да тебе самому.

Если это станет действительностью, тогда пусть будет ранена душа, у нее найдутся силы, чтобы выйдорвать.

«Ветер дует, где он хочет
Таков каждый, рожденный из духа».
«И свет во тьме светит.
И тьмы его не поглотили».

Как ветер. В нем, с ним, от него. От него, как парус, так легко и сильно, что, наклоняясь, он собирает всю силу ветра, не умеряя бега.

Как свет. В свете, насколько пронизанный светом, превращенный в свет.

Как линза, что ищет свет, собирая его, чтобы искра усилилась.

Как ветер. Как свет.

Только это — на этих просторах, этих высотах.

Из «Философских писем» Фридриха Шиллера:

Вседенная есть мысль Бытия. После того как этот идеальный духовный образ поплотился в действительность, признанием всех мыслящих существ (стало искать и находить) в существующем Целом первоначальный искаженный закон, найти закон в явлении (феноменах)... Все во мне и вне меня — лишь иероглифи некой силы, которая ходит со мной. Я

советуюсь с Бесконечным через инструмент Природы, через мировую историю — я прочитываю душу художника и его Аполлоне...

Каждое состояние человеческой души имеет какую то параболу в физическом Творении, которая его характеризует. Оживленную деятельность мы называем огнем, время — это поток, который быстро катится прочь, вечность — это круг; тайна облекается полностью, а истинна обитает в солнечном свете...

Каждый приход весны, выгоняющий побеги растений из лона земли, дает мне объяснение страшной загадки смерти и опровергает мои опасения и боязнь вечного сна. Мертвая гусеница, вновь оживающая в бабочке, взлетающей в воздух, — вот точный образ нашего бессмертия...

Любовь есть прекраснейший феномен в одушевленном Творении, мощный магнит в мире духов, источник благоговения и самой вознесенной добродетели...

Я чистосердечно сознаюсь в том, что верю в действительное существование бескорыстной любви... Дух, который любит только себя, — это атом, плавающий в беспредельных пустых пространствах... Дайте нам признать превосходство, и оно станет нашим. Дайте нам близко познать возвышенное идеальное Единство, и мы соединимся друг с другом братской любовью. Дайте нам светло мыслить, и мы станем пламенно любить...

(Перевод Т. Здорик, Л. Фельдмана)

Из книги Фридриха Ницше

«Так говорил Заратустра»¹⁰⁶

Была полночь, когда Заратустра пустился в свой путь через горный хребет острова, чтобы ранним утром достичь противоположного берега: ибо там хотел он сесть на корабль. Там была прекрасная гавань, в которой даже чужие корабли охотно становились на якорь; они брали с собою тех, кто с блаженных островов хотел пуститься в море. Взираясь на гору, Заратустра вспоминал дорогою о своих многочисленных одиноких странствованиях с самой юности и о том, как много гор, хребтов и вершин пришлось ему перейти.

Я, странник и скиталец по горам, — говорил он в своем сердце, — я не люблю долин, и, кажется, я не могу долго сидеть спокойно.

И какова бы ни была моя судьба, то, что придется еще пережить, — всегда будет в ней странствование и восхождение на горы: в конце концов мы переживем только самих себя...

Откуда берутся высочайшие горы? — так спрашивал я однажды. Тогда узнал я, что выходят они из моря.

Об этом свидетельствуют породы их и склоны вершин их. Из самого низкого должно вознести самое высокое к своей вершине.

¹⁰⁶ Эта рецитационная композиция составлена из отдельных абзацев и фраз 3-й и 4-й частей книги. — Прим. переводчиков.

Полночь приближается, о высшие люди, — и вот скажу я вам нечто на ухо, как этот старый колокол говорит мне на ухо, — с такой же таинственностью, с таким же ужасом, с такой же сердечностью, с какой говорит ко мне этот полночный колокол, переживший больше, чем человек:

— уже отсчитавший болезненные удары сердца ваших отцов, — ах! ах! как она вздыхает! как она смеется во сне! Старая, глубокая, глубокая полночь!

— Разве не слышишь ты, с какой таинственностью, с каким ужасом, с какой сердечностью говорит к тебе старая, глубокая, глубокая полночь?

О, внемли, друг!

Горе мне! Куда девалось время? Не опустился ли я в глубокие родники¹⁰⁷? Мир спит. —

Час приближается —

— час, когда знобит меня и я мерзну, час, который спрашивает, неустанно спрашивает: «у кого достаточно мужества для этого?

— кому быть господином земли? Кто скажет: так должны вытеть, вы, большие и малые реки!»

— час приближается: о человек, о высший человек, внемли! Это речь для тонких ушей, для твоих ушей —

[О внемли, друг,]¹⁰⁸ что полночь тихо скажет вдруг?

[«Глубокий сон сморил меня, —

Из сна теперь очнулся я:

Мир — так глубок,

Как день помыслить бы не смог»]

Ежедневный труд! Ежедневный труд! Кому быть господином земли?

Мир — так глубок, как день помыслить бы не смог. О день, ты ощупью идешь за мной? Ты протягиваешь руки за моим счастьем?

О мир, ты хочешь меня? —

[Мир — это скорбь до всех глубин, —

Но радость глубже бьет ключом].

Скорбь Бога глубже, о дивный мир!

¹⁰⁷ Так в переводе; у Ницше — «в колодцы». — Прим. переводчиков.

¹⁰⁸ Здесь и ниже слова, заключенные в квадратные скобки, в цитируемом русском переводе отсутствуют. — Прим. переводчиков.

Чего только не хочет радость! Она более жаждущая, более сердечная, более алчущая, более ужасная, более таинственная, чем всякая скорбь, она хочет себя...

... Радость хочет вечности.

Научились ли вы теперь песне моей?

Угадали ли вы, чего хочет она? Ну что ж!

Да будет! О высшие люди, так спойте же мне теперь все вместе песню мою!

О, внемли, друг!

Что полночь тихо скажет вдруг?

«Глубокий сон сморил меня, —

из сна теперь очнулась я:

Мир — так глубок,

Как день помыслить бы не смог.

Мир — это скорбь до всех глубин, —

Но радость глубже бьет ключом:

Скорбь шепчет, сгинь!

А радость рвется в отчий дом¹⁰⁹, —

В своей кровный, вековечный дом!»

(Перевод Ю. М. Антоновского, 1911 г.)¹¹⁰

К этому можно было бы добавить еще многое из сокровищниц языка. Читатель может внести дополнения, основываясь на собственном опыте.

Достичь некоего общего духа — несущей силы совместной рецитации — на верхней ступени не так естественно и просто, как раньше. Это в большей степени зависит от того, как мы представляем текст ученикам, — коротко рассказываем о поэте, о его народе, об окружении, в котором он жил, его интересах, заботах и огорчениях, жизненных встречах или поворотах судьбы.

Следующий шаг — произнесение вслух текста. И далее еще один подготовительный этап — отдельные ученики пересказывают содержание своими словами, добавляя также собственные мысли.

После того как будет достигнуто возможно более многогранное понимание, мы поднимаемся на следующий уровень — уровень художественной деятельности, исходя при этом из ритма и динамики, несущих слова и структуру фраз. Все вместе мы входим в

¹⁰⁹ В оригинале нет слов «отчий дом», точный перевод: «Но всякая радость хочет вечности — хочет глубокой, глубокой вечности!». Мы предлагаем такой перевод двух последних строк:

По радости вечности желает —

Глубокой вечности желает! — Прим. переводчиков.

¹¹⁰ Цитируется по книге: Ф. Ницше, Сочинения, т. II, 1990, под ред. К. Свасьгана.

этот ритм. Разбираемся, что определяет текст, правит в нем — краткость или долгота? Обратимся снова к одному из только что приведенных текстов — к «Разговору о судьбе» (см. с. 182). «Wer kann, wenn alle Hilfe versagt»... Сначала мы произносим первый слог — «wer», — кратко, без удара, а затем пробуем проговорить оба слова «Wer kann» в спондее¹¹¹; это еще сильнее подчеркнет повышение интонации к концу вопроса.

Решившись, мы упражняемся несколько раз: «Wer kann dem Einsamen weiter raten?» Точно так же мы много раз подряд упражняемся в произнесении придаточной части этого предложения — «wenn alle Hilfe versagt», — мы произносим ее в более ускоренном темпе, чем главное предложение, а затем соединяем главное и придаточное и проговариваем все вместе.

Мы обнаруживаем, что в фразе «suche dich selbst» ведущая роль однозначно принадлежит долготе, а в фразе «durch Mut», наоборот, краткости, дающей чрезвычайно сильный импульс (еще усиленный начальным толчковым звуком). Усвоив все это, мы подходим к тому, в каких направлениях движется речь в вопросе, в ответе. Наши руки нам и здесь помогают. При произнесении вопросительной фразы движения рук направлены снизу вверх, а при ответе руки движутся в противоположном направлении. Это мы проделываем сначала все вместе, а затем двумя группами, стоящими одна против другой; вопрос — ответ — при этом мы овладеваем важнейшими приемами искусства речи: учимся выдерживать паузу, вслушиваться в тишину и схватывать слово. Ни одна пауза не похожа на другую. Ее наполняет то напряжение, та сила, которую мы вкладываем в вопрос.

Вслед за тем мы обращаем внимание на звуковое настроение стихотворения. В первой стопе трижды кряду появляется сочетание *ea — ea — ea*: «Wer kann wenn alle Hilfe versagt». Напротив, настроение звука «i» мы находим впервые лишь в двух последних ответах: «Suche», «durch Mut». — А что делают согласные? «Wer wenn weiter raten» — они движут, согревая, воздушное пространство, воспринимающее вопрос...

Перейдем к следующему тексту «Wäge, denke...» (с. 182) Императив, повторяющийся в семи коротких строчках, построенных в ритме двухстопного хорея, учит нас обращаться к слушателю, причем каждый раз на втором слове усиливается императивная интонация. Это великолепное упражнение также для совместного вступления, а также для переживания начального звука и его влияния на все слово

¹¹¹ Спондей — утяжеленная стопа в ямбе и хорее, состоящая из двух ударных слогов, например: «Шеёд, русский кóлет, рúбит, рéжет» (А. Пушкин). В рассматриваемом случае оба односложных слова «Wer kann» произносятся как ударные (долгие).

(w, d-z, l-h, sch— и т.д.). — «du tuft hinaus». Стихотворение А. Штеффена (с. 182), уводит нас на волнах дыхания далеко вовне, а оттуда снова возвращает к себе. Мы, вплоть до нашего целеустремленного взгляда, охвачены энергичным, пронизывающим все стихотворение настроением «/».

В начальном прорыве гласных, выталкиваемых силой нашего дыхания, то и дело вспыхивает духовный свет, освещая всю узость того, что доступно нашему сознанию. Наша речь, как речь цельных людей, исходит не из головы, а из сердца!

Приведенные выше отрывки прозаических произведений допускают совершенно различную художественную передачу. Смысловое членение направляет течение речи, но этого недостаточно, и непременно требуется внутреннее активное движущее усилие. Однако обычно его нельзя достичь в классном помещении, где школьники стоят близко друг к другу за своими столами и стульями. Поэтому хорошо, если удается несколько раз поупражняться с учениками в зале, где они могут встать более свободно. В более просторном помещении они непринужденно прибегают к помощи жестов, поясняющих упражнения, но только тогда, когда учитель требует этого.

Душевное «проживание» текста, который мы рецитируем, и теперь остается высшей заповедью! Так отвлеченная мыслительная форма философской прозы вновь обретает соединение с жизнью звуков и жестов и затрагивает глубоко нашу душу.

«Вселенная есть мысль Бога» (с. 184) — эти слова Шиллера мы сопровождаем широким круговым взмахом рук. Закончив это движение, мы затем начинаем и доводим вторую фразу до ее убедительного завершения. Слова «Все во мне и вне меня...» мы наглядно представляем жестами и так и продолжаем. Одно переходит в другое. Мы быстро повторяем части предложения, преодолевая инерцию речи, например: «...выгоняющий побеги растений из лона земли — побеги растений... — побеги растений...» Ну, уж на третий-то раз мы точно прибегнем к жесту, изображающему рост. Однако, если мы все еще чувствуем себя не вполне ловко, привлечем речевое упражнение «Piffig pfeien pfäffische Pferde» (см. 5-й класс). Тут мы обращаемся к помощи образа, мысленно видим лошадей, бегущих по полю; а затем возвращаемся к нашей фразе. Таким образом мы вводим школьников в тексты и воспитываем в них чувство художественной речи. Чем свободнее становится речь, тем больше у учителя возможностей вызвать в учениках чувство симпатии, увлечь их и таким образом придать хору школьников более полное звучание. Но это каждый раз должно происходить заново. Не следует ожидать, что все 35 или больше учеников в классе будут заниматься рецитацией неизменно со столь желанным для нас воодушевлением. Но мы

должны требовать от каждого в отдельности усилий для участия в общей работе.

Бывает, что спустя годы, при встрече с бывшими учениками, узнаешь, что выпускные спектакли и большие праздничные рецитации живо сохраняются в их памяти. У них остаются и с трудом выражаемые в словах переживания совместной жизни, содружества, чувство того, что они пребывали где-то высоко, где их питала сила слова, с его весом, окрыленностью и превращениями.

Высказывания Р. Штейнера

«...Художественному чтению всякой эпической поэзии надлежит учиться на гекзаметре.

Чтению лирики лучше всего учиться на примере анапеста. Так что следует исходить не из того, в каком положении в том или ином случае должны находиться наши органы речи, но из того, что относится к речи: присутствует в ней дактиль или анапест. Поэтому произнесению эпоса учатся на дактиле; произнесению лирики учатся на анапесте...

Проговаривая в течение некоторого времени гекзаметры, дактили, вы — просто благодаря тому, что произносите этот стихотворный размер — привыкаете правильно обходится с языком, нёбом, губами, зубами: это значит, что на чтении вслух гекзаметра вы обучаетесь консонантизации. И нет лучшего средства подготовить свои органы речи к выговариванию согласных, чем произнесение гекзаметра. Благодаря произнесению гекзаметра ваш язык становится удивительно гибким, губы — подвижными, в особенности вы научиваетесь владеть нёбом, которым могут управлять в речи лишь очень немногие люди. Согласные научаются выговаривать не с помощью всевозможных указаний, в каком положении должны быть ваши органы речи, а путем произнесения гекзаметра. Вокализации, опоре на гласный звук, вы учитесь, читая анапест — ибо так вы совершенно инстинктивно приучаетесь формировать гласные звуки в первую очередь.

Итак, проговаривая анапест, можно выучиться обхождению с гортанью, легкими, диафрагмой; правильно же обращаться с языком, нёбом, губами, зубами — так, как это требуется для рецитации, — учит нас проговаривание гекзаметра...»

«Искусство речи и драматическое искусство», 3-я лекция, 7.09.1924, Дорнах (Библ. № 282).

«...Переживание гласных звуков, их внутренней сокровенной сущности — это то, на что мы должны опираться, добиваясь воплощения, выявления лирического. Ибо через гласные звуки находит выражение то, что по существу представляет собой внутренние пе-

реживания человека. А в отдельных гласных, если они соответствующим образом будут проникнуты чувством, в их разнообразии заключены вариации внутренних переживаний человека. В этом вокализме живет все то, что еще в известной мере проецируется из переживания музыки на переживание лирики. Ведь переживание лирики непременно восходит к переживанию, которое испытывают от музыки. Но внутренняя сущность музыкального переживания развертывается в движении тонов; в лирике внутренняя сущность погружена в саму субстанцию гласного...»

«Искусство устного выступления», 6.04.1921, Дорнах
(содержится в Библ. № 281).

«...То, что в речи связано с гласными, выражает все возникающее во внутреннем мире, все то, что воспринимается внутренне и вторгается в звук из того эмоционального, волевого элемента, который дан нам в ощущении... Во всем, что касается согласных, нам видно, как человек своими жестами отображает то, что он воспринимает во внешнем мире.

Допустим, к примеру, что человек хочет отобразить угол... Тогда он — прежде всего зрительно, наглядно — представляет себе этот угол. Если он намеревается рукой выразить стороны этого угла, то он сделает это так... То же самое движение, которое он производит рукой, проделывают в действительности его органы речи, образуя определенные согласные. В этом отношении речь есть лишь слышимое выражение жестов — не только внешних, видимых, которые делают различные части нашего тела, но и тех, которые производятся гораздо более тонкими частями человеческой организации, посредством воздушного организма, находящегося в распоряжении человека. Если вы поймете эту внутреннюю закономерность, то постепенно сформируете представление о том, как речь отображает либо непосредственно внешний мир, либо же то, что человек переживает в своих ощущениях, почертненных из внешнего мира...»

«Духовно-научные наблюдения над речью», 6 я лекция, 3.01.1920,
Штутгарт (методические указания для учителя) (Библ. № 299).

«...Что возникло раньше — переживание звука или представления? Научился ли человек сначала понимать слова, или же он научился сперва воспринимать и постигать доходящие до него представления? На этот вопрос мы можем ответить, наблюдая за ребенком: он сначала выучивается говорить и лишь потом воспринимает мысли. Речь есть предпосылка для восприятия мыслей. Почему? Потому, что смысл звука есть предпосылка для восприятия смысла представления. Ребенок учится говорить, так как он может слушать, прислушиваться к чему-то, что заключено в звуке. Само говорение есть тогда чистое подражание; ребенок подражает задолго до того, как получает

понятие о том, что же такое представление. Сперва развивается переживание звука и лишь на этой основе — понимание представления. Сущность звука открывает возможность воспринимать не только тона, но и то, что мы называем звуками..."

«Антропософия, психософия, пневматософия», 4-я лекция, 27.10.1909, Берлин (Библ. № 115).

«...С обучением речи современная наука, в сущности, находится еще в весьма натянутых отношениях. Наука достигла грандиозных успехов в изучении развития животных и, сравнивая развитие животных с развитием человека, получает всевозможные результаты, заслуживающие высокого признания; однако с тем, что проявляется в человеке, когда он учится говорить, сегодняшняя наука еще по-настоящему не разобралась. Ибо при этом необходимо прежде всего ответить на определенный вопрос. Человек использует при говорении горло и другие органы речи. У высших животных тоже имеются эти органы, хотя и в более примитивной форме. Если мы отвлечемся от тех животных, которые способны издавать какие-то звуки (впрочем, весьма примитивные и лишь у некоторых животных развивающиеся потом в своего рода пение), то придем к вопросу: для чего же, собственно (я спрашиваю не в дурном телеологическом смысле, а в смысле причинной обусловленности), развились горло и соседние с ней органы у животных, ведь ясно, что лишь человек употребляет эти органы, чтобы говорить. Ведь у животного они еще не используются для этого, но они присутствуют, причем присутствуют в весьма явной форме. Занимаясь сравнительной анатомией, можно видеть, что и у животного — «немого» по сравнению с человеком — наличествуют подобные органы. Животное содержит нечто человеческое, и все-таки к членораздельной речи оно не приходит. Так каково же назначение горла и соседних с ней органов у животных? Когда-нибудь, с развитием физиологии, придут к тому, что весь облик животного, форма его тела, зависит от строения горла и смежных органов. К примеру, если животное становится львом, то причину этого следует искать в верхних органах его грудной клетки; оттуда излучаются силы, придающие ему облик льва. А если животное делается коровой, то причины того, что оно приобрело именно форму коровы, кроются как раз в том, что у человека становится органом речи. Эти органы определяют облик животного, форму его тела. Это необходимо изучить, чтобы понять, как, собственно, надлежит представлять себе в действительности морфологию, как следует осмысливать облик животного, как именно построены эти верхние органы грудной клетки и как переходят они в органы рта. Ибо отсюда исходит весь облик животного.

На основе своего прямогохождения и свободных для действия рук человек разрабатывает эти органы в органы речи. Он воспринимает (если оставаться в настоящем времени) звуки и

речь, воздействующие на него из окружающего мира. Что же человек воспринимает с ними?

Подумайте о том, что в этих органах заключена тенденция привести весь организм в соответствие с их обликом. Но, слушая, например, речь шумную, страстную, пылкую и гневную, запальчивую, несдержанную, человек воспринимает нечто недоступное животным. Животное формируется только его горстью и смежными органами; человек же вбирает в себя гневное, страстное из своего окружения, оно вливается в его формы, вплоть до самых наружных тканевых структур.

Когда человек слышит в своем окружении лишь нежное, мягкое, то это вливается даже в структуру его тончайших тканей, в его формы. Оно вливается именно в его наиболее тонкую организацию. С более грубой человек тоже разделяется подобно животным. Но в более тонкую вливается все то, что человек воспринимает с речью. Это формирует и черты характера разных народов: они вытекают из языка, из речи. Человек есть оттиск речи...»

«Педагогическая практика с точки зрения духовно-научного знания человека», 2-я лекция, 1923, Дорнах (Библ. № 306).

Послесловие

Ребенок с готовностью дает себя вести своему учителю и ощущает себя созвучным ему. Подросток будет следовать добровольно за учителем, если через его личность он познает правду жизни и ее законы, благодаря которым он приходит к зрелости. Рассматривая речь как таковую, мы ощущаем, что в ней находит выражение содержание человеческой души во всем ее многообразии. Самое благородное и драгоценное из этого сохранилось в поэзии и в художественно оформленной речи, и это способно моментально ожить в своей первозданности. Мы наблюдаем, что в наше время пугающие обедняются эмоциональные способности человека и вместе с этим происходит упадок языка. Занимаясь искусством художественной речи в школьном возрасте, мы соприкасаемся с эмоциональной сферой человеческой души, а развивать, укреплять и исцелять ее становится все более актуальной и важной воспитательной задачей.

Учитель, интенсивно упражняющийся в искусстве речи, имеет возможность шаг за шагом прийти к тому, что опыт будет сообщать ему силы, далеко выводящие его за пределы собственной личности. Он приучает свое ухо к речи окружающих, а также к своему собственному слову. У него вырабатывается совершенно новое отношение к звукам, он сможет проникать в мир ритмов и жестов, в музыкальность и пластичность речи. Когда учитель, занимаясь упражнениями, прорабатывает их вплоть до каждого звука, он открывает в законах художественной речи законы жизни. Неутомимое движение вперед усиливает его деятельное состояние и развивает его способность воспринимать чувства; это выражается, с одной стороны, в его движениях и жестах, а с другой — в формировании его взглядов. Тенденции к очерствлению ослабляются, то, что обычно склонно улетучиваться, — закрепляется.

Речевые упражнения, разработанные Рудольфом Штейнером, развивают — через органы речи, через поток дыхания и постановку голоса — наше чутье к речи и ощущение тела в целом, оздоровляя наше чувство восприятия языка, находящееся ныне в большой опасности. Рецитация перед классом, соответствующая всем правилам искусства (то, что в свое время практиковала Мария Штейнер, и сегодня является предметом усилий преподавателей искусства речи), постепенно вводит в многообразное владение звуком и движением, в тонкую внутреннюю музыку речи, содержащуюся в этих упражнениях.

Мы ощущаем в них все более глубокие взаимосвязи с человеческой организацией, они освещают и согревают, они наполняют звуками все наше существование. Упражняя нашу речь, мы прислушиваемся к ней. И это внимательное неотрывное вслушивание в художественно обновленный стиль речи, переливающийся в движении поэтических образов, открывает нашему внутреннему миру новые сферы жизни.

Художественный порыв, дух искусства воодушевляет нас. На этот путь мы вступаем в первые же школьные годы. Тогда у нас есть возможность в ритмической части главного урока обычную потребность детей в движении приводить в гармонию с тактом и ритмом, с нарастанием и ослаблением напряжения речи. Телесность детей, воплощенная в движениях их ног и рук, сопровождает движение речи. Когда после первых школьных лет в занятиях речью больше начинает выражаться уже внутренняя жизнь детей, их жесты становятся одухотворенное, сдержаннее, выразительнее в драматическом отношении. А на следующей ступени, с пробуждением подростка к духовному содержанию речи, в которое он проникает своей мыслью, которое извлекает из воспоминаний, внешние жесты должны становиться очень скучными или совсем исчезнуть.

В процессе упражнений мы вновь и вновь проходим эти стадии, ведущие нас от внешнего движения к внутреннему движению речи, к душевному порыву, к духовному оживлению. Если мы будем действовать таким образом год за годом, то школьник верхней ступени в своих занятиях художественной речью познает, что речь идет о гораздо большем, нежели только об одном содержании.

Кто понимает смысл языка,
Тому мир раскрывается
В образе;

Кто слышит душу языка,
Тому открывается мир
Как существо;

Кто переживает дух языка,
Тому дарит мир
Силу мудрости;

Кто умеет язык любить,
Тому дает он
Свою власть.

Так, сердце и чутье мое
Хочу на дух и душу
Слова обратить;

Чтобы в любви к нему
Вполне себя
Ощутить.¹¹²

(Из «Вердиктов» Рудольфа Штейнера; предназначено для преподавания древних языков в Вальдорфской школе.)

*Wer der Sprache Sinn versteht,
Dem enthüllt die Welt
Im Bild sich;*

*Wer der Sprache Seele hört,
Dem erschließt die Welt
Als Wesen sich;*

*Wer der Sprache Geist erlebt,
Den beschenkt die Welt
Mit Weisheitskraft;*

*Wer die Sprache lieben kann,
Dem verleiht sie selbst
Die eigne Macht.*

*So will ich Herz und Sinn
Nach Geist und Seele
des Wortes wenden;*

*Und in der Liebe
Zu ihm mich selber
Erst ganz empfinden.*

¹¹² Это изречение Р. Штейнера очень важно для тех, кто хочет заниматься искусством речи и изучением языка вообще, к тому же его многозначные образы с трудом поддаются переведению на русский язык. Поэтому, приводя здесь один из вариантов перевода (на наш взгляд, лучший из известных нам), мы считаем необходимым дать и немецкий текст.

Приложение 1. Об упражнениях для развития речи.

I. Начинать следует с игры в мяч. Если использовать большой или средний мяч, то дети, бросая его в кругу, должны учиться ловить его, как бы продлевая путь мяча, создавая таким образом непрерывное движение, поток. Это помогает дыханию стать более глубоким и равномерным. Маленький теннисный мяч или мяч, сшитый из ткани и набитый крупой, активизирует и пробуждает кисти рук и пальцы. Можно пробовать разные броски (с размахом, больше в высоту или в длину), но всегда кидать нужно в руки другому. Следующий этап. Мяч брошен и пойман. И в тот момент, когда мяч оказывается в руке ловящего, кидающий произносит звук или слово. Можно начинать с имен — называть имя того, кому мы кинули мяч. И выдох идет наружу, оформляясь в звуки. Самый хороший пример первого звука (кроме имен) — *хум, хам, хэм, хим*.

II. Упражнения в артикуляции (для развития подвижности речевых органов)

Das er dir log uns darf es nicht loben.

В этом упражнении есть определенная последовательность гласных (а-е-и-о-у; а-э-и-о-у), это способствует выходу наружу в дыхательном и речевом потоке.

а — образуется в нас (открытость, удивление, испуг, крик восхищения);

э — ближе к губам к "выходу" (более закрыто);

и — еще ближе, на границе наших речевых органов;

о — уже вне нас — мы вытягиваем губы;

у — еще дальше, узко и сильно вперед.

Вот русский текст упражнения, в котором мы также двигаемся вперед гласными звуками, "одевая" их в согласные. Детям это можно дать через такой образ. Представим дорогу и посадим вдоль нее разные растения. Мы произносим слова, помогая жестами, которые должны опережать слова:

Мы сажаем	делаем движения руками
— астру	
— вереск	чуть дальше
— вишню	еще дальше
— лотос	еще дальше от себя
— дуб	и совсем далеко

Тогда в пространстве будут возникать образы наших слов и звук будет идти наружу.

III. Сонорные согласные (н, м).

Nimm nicht Nonnen in nimmer mude Mullen.

Русский вариант:

Нам на нос садится сон

Манит, клонит книзу он.

Движение идет через «Н», «С». Эти звуки могут нести настроение успокоения, даже засыпания.

IV. «Р» — разбег и стремительность движения.

Раскатился в небе гром.

На равнину, на дорогу,

и на рощу, и на речку,

на деревья в огороде,

на ромашки и на розы

брызнул ровный летний дождь.

Вибрирование, дрожание, трепет воздуха при произнесении этого стремительного «р», дает хороший яркий образ слова. Следует обратить внимание детей на то, что в разных словах «р» — различное.

H. Самохина

Приложение 2.

Стихотворения к праздникам.¹¹³

Рождественская звезда

Б. Пастернак

Стояла зима.

Дул ветер из степи.

И холодно было Младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.

Домашние звери

Стояли в пещере,

Над яслями теплая дымка плыла.

Доху отряхнув от постельной трухи

И зернышк проса,

Смотрели с утеса

Спросонья в полночную даль пастухи.

Вдали было поле в снегу и погост,

Ограды, надгробья,

Оглобля в сугробе

И небо над кладбищем, полное звезд.

А рядом, неведомая перед тем,

Застенчивей плошки

В оконце сторожки

Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне

От неба и Бога,

Как отблеск поджога,

Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горящей скирдой

Соломы и сена

Средь целой вселенной,

Встревоженной этою новой звездой.

¹¹³ Во всех стихотворениях сохранена авторская орфография — это относится в первую очередь к заглавным и строчным буквам в словах, именующих Христа (он, младенец, дитя и т. д.).

*Растущее зарево рдело над ней
И значило что то,
И три звездочета
Спешили на зов небывалых огней.*

*За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослый
Другого, шажками спускались с горы.*

*И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.*

*Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишурь...
...Все злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары.*

*Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнезда грачей и деревьев верхи.
Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.*

*— Пойдемте со всеми, поклонимся чуду, —
Сказали они, запахнув кожухи.*

*От шарканья по снегу сделалось жарко.
По яркой поляне листами слюды
Вели за хибарку босые следы.
На эти следы, как на пламя огарка,
Ворчали овчарки при свете звезды.*

*Морозная ночь походила на сказку,
И кто-то с навьюженной снежной гряды
Все время незримо входил в их ряды.
Собаки брели, озираясь с опаской,
И жались к подпаску, и ждали беды.*

*По той же дороге, чрез эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.
Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.*

*У камня толпилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.*

— А кто вы такие? — спросила Мария.
— Мы племя пастишье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
— Всем вместе нельзя. Подождите у входа.

Средь серой, как пепел, предутренней мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
Ругались со всадниками пешеходы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы.

Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звезды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброва
Впустила Мария в отверстье скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на Деву,
Как гостиya, смотрела звезда Рождества.

Ночь на Рождество

В. Соловьев

Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Недаром средь людей явился Бог;
К земле недаром небо приклонилось,
И распахнулся вечности чертог.

В незримой глубине сознанья мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире Свет, и Свет отвергнут тьмою,
Но светит Он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осужден и все его дела.

На Рождество

Верь завету Божьей ночи!
И тогда, за гранью дней,
Пред твои предстанет очи
Сонм неведомых царей.

Сонм волхвов, объятых тайной,
Пастухов сиятой земли,
Тех, что вслед необычайной,
Ведшей их звезде пошли!

К. Случевский
Тех, что некогда слыхали
Песню неба... и, склоняясь,
Перед яслями стояли
Богу милости молясь!

Подле, близко, с ними рядом,
Обретешь ты право встать
И своим бессмертным взглядом
Созерцать и познавать!

Рождество Христово

Он вошел к ней с пальмовою ветвью,
Сказал: «Благословенна ты в женах!»
И она пред радостною вестью
Покорно склонилась в прах.

Пастухи дремали в пустыне,
Им явился ангел с небес,
Сказал: «Исполнилось ныне!»
И они пришли в Вифлеем.

Радостью охвачен великой,
Младенца воспринял Симеон:
«Отпускаешь с миром, Владыко,
Раба Твоего — это Он!»

В. Брюсов
Некто, встретив Филиппа,
Говорит: «Гряди по Мне!»
И пошел рыбак Вифсаиды
Проповедывать мир земле.

Блаженны не зревшие,
Все сердцем понявшие,
В восторге горевшие!
Как дети,
Тайну принявшие!
Им поклоняюсь,
В их свете
Теряюсь,
И, раб Господен,
Им да буду подобен.

Рождество Христово

Огни по городу погасли,
На улицах немая мгла.
Вот мать кладет Младенца в ясли,
Над Ним поникла, замерла.

Темно в их храмине убогой,
Солома в яслях холодна,
И липкий вечер стонет строго,
Стучится в дверь и у окна.

В. Брюсов
Ио, окружен Своим сияньем,
Младенец светится из мглы;
Его согреть своим дыханьем
Спешат покорные волы;

К Нему волхвы в чужой пустыне
Путь направляют по звездам,
И ангелы, из тверди синей,
О Нем вещают пастухам.

В эту ночь

А. Хомяков
В эту ночь Земля была в волненьи:
Блеск большой диковинной звезды
Ослепил вдруг горы и селенья,
Города, пустыни и сады.

*А в пустыне наблюдали львицы,
Как, дарами дивными полны,
Двигались бесшумно колесницы,
Важно шли верблюды и слоны.*

*И в челе большого каравана,
Устремивши взоры в небосклон,
Три царя в затейливых тюрбанах
Ехали к кому-то на поклон.*

*А в пещере, где всю ночь не гасли
Факелы, мигая и чадя, —
Там ягнята увидали в яслях
Спящее прекрасное Дитя.*

*В эту ночь вся тварь была в волненьи,
Пели птицы в полуночной мгле,
Возвещая всем благоволенье,
Наступленье мира на земле.*

К. Фофанов

*Еще те звезды не погасли,
Еще заря сияет та,
Что озарила миру ясли
Новорожденного Христа...
Тогда, ведомые звездою,
Чуждаясь ропота молвы,
Благоговейною толпою
К Христу стекалися волхвы...
Пришли с далекого Востока,
Неся дары с восторгом грез.*

*И был от Иродова ока
Спасен Властительный Христос.
Прошли века... И Он, распятый,
Но все по-прежнему живой,
Идет, как истинный глашатай,
По нашей памяти мирской.
Идет по-прежнему обильный
Святыней, правдой и добром,
И не поборет Ирод сильный
Его предательским мечом.*

А. Фет

*Ночь тиха, по тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.
Ясли тихо светят взору.
Озарен Марии лик.*

*Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.
И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ладан.*

Рождественское

Саша Черный

*В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лен Его волосы...
Бык дохнул в лицо Младенца
И, соломою шурша,*

*На упругое коленце
Засмотрелся, чуть дыша.
Воробы сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мял губой.*

Нес, прокравшись к теплой ножке
Полизал ее тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть дитя бочком...
Присмиревший белый козлик
На чело его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал:

«Посмотреть бы на Ребенка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко звонко
В преддроссветной тишине...
А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошел: «Смотри скорей!...»

Святая ночь

В. Соловьев

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился: «С нами Бог!»

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про Бога говорят.

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное над яслями давно.

Да! С нами Бог — не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь теперь — средь суеты случайной,
В потоке шумном жизненных тревог.
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог.

В Рождественскую ночь

Н. Никольский

Пред нами страна Палестина, —
Сей радостный угол земли;
Перед нами сейчас, как картина,
Стада с пастухами — вдали.

Как тихо вокруг Вифлеема!
Лишь где-то поют петухи.
Вдруг дивные песни Эдема
Услышали те пастухи.

Им ангел Господень явился
И радость большую принес,
Сказал: «Пойдите — родился
В пещере — Спаситель Христос!»

О мире небесном вещали,
Что мир тот на землю сошел,
Что нет уже горя, печали, —
Спаситель на землю пришел!

Их слава Господня объяла,
И в ужас великий пришли;
Над ними звезда засияла,
И ангелы с неба сошли.

Окончивши дивное пенье,
Они поднялись в небеса;
А слабое Божье творенье
Дивилось на все чудеса.

Друг другу тотчас же сказали:
«Проверим реченое к нам!»
В пещеру, пришед, увидали
Младенца Пречистого там.

Пришедши, Ему поклонились;
Рассказывать в город пошли,
И очень в народе дивились
Тому, что в пещере нашли.

В пещере

В. Набоков

Над Вифлеемом ночь застыла.
Я блудную овцу искал.
В пещеру заглянул — и было
Виденье между черных скал.

Иосиф, плотник бородатый,
Сжимал, как круглые тиски,
Ладони, знавшие когда-то
Плоть необструганной доски.

Мария, слабая на чадо,
Улыбку устремляла вниз.

Вся умиленье, вся прохлада
Линялых синеватых риз.

А Он, Младенец светлоокий
В венце из золотистых стрел,
Не видя матери, в потоки
Своих небес уже смотрел.

И рядом, в темноте счастливой,
По белизне и бубенцу
Я вдруг узнал, пастух ревнивый,
Свою пропавшую овцу.

Д. Кленовский

Елочка с пятью свечами
Без игрушек и сластей
Робко льет скучное пламя
В нищей комнате моей.

Ах, не так же ль у порога
В мой заветный Вифлеем
Сам стою я перед Богом,
Не украшенный ничем.

Только иглами сухими
Всех земных моих тревог,
Только свечками скучными,
Что Он сам во мне зажег.

И, мою пуская душу
В путь, намеченный едва,
Сам же скоро и потушит
До другого Рождства!

В Святую ночь

Г. Галина

Если хочешь в ночь Святую
Видеть чудо из чудес —
Приходи ты в тишину лесную,
В темный, старый, дикий лес...
Там, где ели вековые
В белом инее стоят,
И дорожки снеговые
Серебрятся и блестят,
Ты увидишь в ночь Святую,
Как звезды с высот небес

Бросит искру голубую
На застывший белый лес.
Вспыхнут ели вековые
Миллионами свечей,
И брильянты ледяные
Загорятся меж ветвей,
И, как в церкви белоснежной,
В колоннаде из стволов
Ты услышишь тихий, нежный
Перезвон колоколов...

Детям

Д. Мережковский

Не под кровом золоченым
Величавого дворца,
Не для счастья и довольства,

Не для царского венца —
Ты в приюте позабытом
Вифлеемских пастухов

Родился — и наг, и беден,
Царь бесчисленных миров.
Осторожно, как святыню,
В руки мать Его взяла,
Любовалась красотою
Безмятежного чела.
Ручки слабые Младенец
В грозно-сумрачный простор
С беспредельною любовью
С лона матери простер.
Все, что борется, страдает,
Все, что дышит и живет,
Он зовет в Свои объятия,
К счастью вечному зовет.
И природа встрепенулась,
Услыхав Его призыв,
И помчался ураганом
Бурной радости порыв.
Синева ночного неба
Стала глубже и темней,
И бесчисленные звезды
Засверкали ярче в ней;
Все цветы и все былинки
По долинам и лесам
Пробудились, воскурили
Благовонный фимиам.
Слаще музыка дубравы,
Что затронул ветерок,
И звучнее водопадом
Низвергается поток,
И роскошней покрывалом
Лег серебряный туман,
Вечный гимн запел стройнее
Безграничный океан.
Ликовала вся природа,
Величава и светла,
И к ногам Христа-Младенца
Все дары свои несла.
Близ пещеры три высоких,
Гордых дерева росли
И, ветвями обнимаясь,
Вход заветный стерегли.
Ель зеленая, олива,
Пальма с пышною листвой —
Там стояли неразлучной
И могучею семьей.
И они, как вся природа,

Все земные существа,
Принести свой дар хотели
В знак Святого торжества.
Пальма молвила, склоняя
Долу с гордой высоты,
Словно царскую корону.
Изумрудные листы:
«Коль злобой гонимый
Жестоких врагов,
В безбрежной равнине
Зыбучих песков,
Ты, Господи, будешь
Приюта искать,
Бездомным скитальцем
В пустынях блуждать,
Тебе я открою
Зеленый шатер,
Тебе я раскину
Цветочный ковер.
Приди Ты на отдых
Под мирную сень:
Там сумрак отрадный,
Там свежая тень».
Отягченная плодами,
Гордой радости полна,
Преклонилась олива
И промолвила она:
«Коль, Господи, будешь
Ты злыми людьми
Покинут без пищи —
Мой дар Ты прими.
Я ветви радушно
Тебе протяну
И плод золотистый
На землю стряхну.
И буду лелеять,
И влагой питать,
И соком янтарным
Его наливать».
Между тем, в уныни тихом,
Боязлива и скромна,
Ель зеленая стояла;
Опечалилась она.
Тщетно думала, искала —
Ничего, чтоб принести
В дар Младенцу-Иисусу,
Не могла она найти;

*Иглы острые, сухие,
Что отталкивают взор,
Ей судьбой несправедливой
Предназначены в убор.
Стало грустно бедной ели;
Как у ивы над водой,
Ветви горестно поникли,
И прозрачною смолой
Слезы капают обильно
От стыда и тайных мук
Междуд тем, как все ликует,
Улыбается вокруг.
Эти слезы увидала
С неба звездочка одна,
Тихим шепотом подругам
Что-то молвила она.*

*Вдруг посыпались — о чудо!
Звезды огненным дождем,
Елку темную покрыли,
Всю усеяли кругом,
И она затрепетала,
Ветви гордо подняла,
Миру в первый раз явилась,
Ослепительно светла.
С той поры доныне, дети,
Есть обычай у людей
Убирать роскошно елку
В звезды яркие свечей.
Каждый год она сияет
В день великий торжества,
И огнями возвещает
Светлый праздник Рождества.*

Ночь на Рождество Христово

П. Ершов

*Светлое небо покрылось туманною ризою ночи;
Месяц скрылся в волнистых изгибах хитона ночного;
В далеком пространстве небес затерялась зарница;
Звезды не блещут.
Поля и луга Вифлеема омыты вечерней росою;
С цветов ароматных лениво восходит в эфир дым благовонный;
Кипарисы курятся.
Тихо бегут сребровидные волны реки Иордана;
Недвижно лежат на покате стада овец мягкорунных;
Под пальмой сидят пастухи Вифлеема.*

Первый пастух:

*Слава Сидящему в вышних пределах Востока!
Не знаю, к чему, Нафанаил, а сердце мое утопает в восторге;
Как агнец в долине, как легкий олень на Ливане, как ключ Элеонский, —
Так сердце мое и бьется, и скачет.*

Второй пастух:

*Приятно в полудни, Аггей, отдохнуть под сенью Ливанского кедра;
Приятно по долгой разлуке увидеться с близкими сердцу;
Но что я теперь ощущаю... Словами нельзя изъяснить...
Как будто бы небо небес в душе у меня поместились;
Как будто бы в сердце носил я всезрящего Бога.*

Первый пастух:

*Друзья! Воспоем Иегову,
Столь мудро создавшего землю,
Простершего небо шатром над водами;
Душисты цветы Вифлеема,
Душист аромат кипариса;
Но песни и гимны для Бога душистей всех жертв и курений.*

*И пастыри дружно воспели могущество Бога
И чудо творений, и древние лята...
Как жуки тихимины, как светлые воды — их голуба разливались в пространстве.
Вдруг небеса осветились, —
И новое солнце, звезда Вифлеема, раздав полночную ризу небес.
Явилась над мрачным вертепом,
И ангелы стройно воспели хвалебные гимны во славу рожденного Бога,
И, громко всплеснув, Иордан прокатил сребровидные воды...*

Первый пастух:

Я вижу блестящую новую звезду!

Второй пастух:

Я слышу хвалебные гимны!

Третий пастух:

Не Бог ли исходит с Сиона?..

*И вот от пределов Востока является ангел:
Крыла позлащены, эфирный хитон на раменах,
Веселье во взорах, небесная радость в улыбке,
Лучи от лица, как молнии, блещут.*

Ангел:

Мир приношу вам и радость, чада Адама!

Пастухи:

*О, кто ты, небесный посланик?.. Сиянье лица твоего ослепляет
бранные очи...*

*Не ты ль Моисей, из Египта изведший нас древле
В землю, кипящую млечом и медом?*

Ангел:

Нет, я Гавриил, предстоящий перед Богом,

И послан к нам возвестить бесконечную радость.

Свершилась предвечная тайна: Бог во плоти днесъ явился.

Пастухи:

Мессия?.. О радостный вестник, приход твой от Бога!

Но где, покажи нам, Небесный Младенец, да можем Ему поклониться.

Ангел:

Идите в вертеп Вифлеемский.

*Предвечное Слово — Его же пространство небес не вмещало —
покоится в яслях.*

И ангел скрылся.

И пастыри спешно идут с жезлами к вертепу.

Звезда Вифлеема горела над входом в вертеп.

Ангелы пели: «Слава Сущему в вышних! мир на земли, благодать в людях!»

Пастыри входят — и зрят непорочную матерь при яслях,

И Бога-Младенца, повитого чистой рукой Марии,

Иосифа-старца, вперившего очи в Предвечное Слово...

И пастыри, над, поклонились.

А. Блок (из Гейне)

*Три светлых царя из восточной страны
Стучались у всяких домишек,
Справлялись: как пройти в Вифлеем?
У девочек всех, у мальчишек.*

*Ни старый, ни малый не мог рассказать.
Цари прошли все страны;
Любовным лучом золотая звезда
В пути разгоняла туманы.*

*Над домом Иосифа встала звезда,
Они туда постучали;
Мычал бычок, кричало Дитя,
Три светлых царя распевали.*

А. Блок

*Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.*

*На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.*

*И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.*

*Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искариота
Улыбку видели гонцы.*

На пути из Назарета

И. Бунин

*На пути из Назарета
Встретил я Святую Деву.
Каменистая синела
Самария вокруг меня,
Каменистая долина
С юга шла — а по долине
Семенил ушастый ослик
Меж посевов ячменя.*

*Тот, кто гнал его, был в пыльном
И заплатанном кунбазе,
Стар, с блестящими глазами,
Сизо-черен и курчав.
Он, босой и легконогий,
За хвостом его поджатым
Гнался с палкою, виляя
От колючек сорных трав.*

*А на нем, на этом дробном,
Убегавшем мелкой рысью
Сером ослике, сидела
Мать с ребенком на руках:
Как спокойно поднялись
Аравийские ресницы
Над глубоким теплым мраком,
Что сиял в Ее очах!*

*Поклонялся я, Мария,
Красоте Твоей небесной
В странах фараонов, в их катакомбах,
Полных золота, огней,
В полуумраке величавом
Древних рыцарских соборов,
В полуслонье сточащих окон,
Сакристий и алтарей.*

Там, под плитами, почют
Короли, святые, паты,
Имена их полустирты
И в забвении дела.
Там Твой Сын, главой поникший,
Темный ликом в муках крестных,
Ты же — в юности нетленной:
Ты, и скорбная, светла.

Корабли во мраке, в бурях
Лишь Тобой Одной хранимы.
Ты — Звезда морей: со скрипом
Зарываясь в пене их
И огни свои качая,
Мачты стойко держат парус,
Ибо кормчemu незримо
Светит свет очей Твоих.

И к стопам Твоим пречистым,
На алтарь Твой в бедной иаше
При дорогах меж садами
Всяк свой дар приносим мы:
Сирота служанка — ленту,
Обрученная — свой перстень,
Мать — свои святые слезы,
Запонъяр — свои псалмы.

Человечество, венчая
Властью Божеской тиранов,
Обагряя руки кровью
В жажде злата и раба,
И само еще не знает,
Что оно иного жаждет,
Что еще раз к Назарету
Приведет его судьба!

Бегство в Египет

И. Бунин

По лесам бежала Божья Матерь,
Куньей шубкой запахнув младенца.
Стлалось в небе Божье полотенце,
Чтобы ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивы в эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились,
По кустам сверкали без числа.

Две седых медведицы в лугу
На дыбах боролись в ярой злобе,
Грызлись, бились и мотались обе,
Тяжело топтались на снегу.

А в дремучих зарослях, вптомах,
Жались, табунились и дрожали,
Белым паром из ветвей дышали
Звери с бородами и в рогах.

И огнем вставал за лесом меч
Ангела, летевшего к Сиону,
К золотому Иродову трону,
Чтоб главу на Ироде отсечь.

Бегство в Египет

И. Бродский

...Погонщик возник неизвестно откуда.
В пустыне, подобранной небом для чуда
по принципу сходства, случившись ночлегом,

они жгли костер. В заметаемой снегом
пещере, своей не предчувствуя роли,
младенец дремал в золотом ореоле
 волос, обретавших стремительный насыщ
 свеченья — не только в державе чернильных,
 сейчас, — но и вправду подобно звезде,
 покуда земля существует: везде.

Колыбельная

И. Бродский

Родила тебя в пустыне

я не зря.

Потому что нет в помине
в ней царя.

В ней искать тебя напрасно.

В ней зимой
стужи больше, чем пространства
в ней самой.

У одних — игрушки, мячик,
дом высок.

У тебя для игр ребячих
— весь песок.

Привыкай, сынок, к пустыне
как к судьбе.

Где б ты ни был, жить отныне
В ней тебе.

Я тебя кормила грудью.

А она

Приучила взгляд к безлюдью,
им полна.

Той звезде — на расстояньи
страшном — в ней
твоего чела сиянье,
знать, видней.

Привыкай, сынок, к пустыне.

Под ногой,
окромя нее, твердыни
нет другой.

В ней судьба открыта взору.

За версту

в ней легко признаешь гору
по кресту.

Не людские, знать, в ней тропы!

Велика
и безлюдна она, чтобы
шли века.

Привыкай, сынок, к пустыне,
как щепоть
к ветру, чувствуя, что ты не
только плоть.

Привыкай жить с этой тайной:
чувства те
пригодятся, знать, в бескрайней
пустоте.

Не хуже она, чем эта:
лишь длинней,
и любовь к тебе — примета
места в ней.

Привыкай к пустыне, милый,
и к звезде,
льющей свет с такою силой
в ней везде,

будто лампу жжет, о сыне
в поздний час
вспомнив, тот, кто сам в пустыне
дольше нас.

Бегство в Египет

Н. Заболоцкий

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах, —

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой английский светился,
Устремленный на меня.

Сретенье

И. Бродский

Когда она в церковь впервые внесла
дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял младенца из рук
Марии; и три человека вокруг
младенца стояли, как зыбкая рама,
в то утро, затерянны в сумраке храма.

Тот храм обступал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взора небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом
свет падал младенцу; но он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.

А было поведано старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем Сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил: «Сегодня,

Реченое некогда слово храня,
ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем, что глаза мои видели это
дитя: он — Твое продолженье и света

источник для идолов чтиящих племен,
и слава Израиля в нем». — Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.

Лишь эхо тех слов, задевая стропила,
кружило какое то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
Мария молчала. «Слова — то какие...»

И старец сказал, повернувшись к Марии:

«В лежащем сейчас на раменах твоих
паденье одних, возвышенье других,
предмет пререканий и повод к раздорам.

И тем же оружием, Мария, которым
терзаема плоть его будет, твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть тебе, что скрыто глубоко
в сердцах человеков, как некое око».

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутуясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.

Он шел, уменьшаясь в значении и в теле
для двух этих женщин под сенью колонн.
Почти подгоняя их взглядами, он
шел молча по этому храму пустому
к белевшему смутно дверному проему.

И поступь была стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
раздался, он шаг придержал свой немного:
но там не его окликали, а Бога

пророчица славить уже начала.
И дверь приближалась. Одежд и чела
уж ветер коснулся, и в уши упрямо
врывался шум жизни за стенами храма.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.

Он шел по пространству, лишенному тверди,
он слышал, что время утратило звук.
И образ младенца с сиянием вокруг

*пушнистого темени смертной тропою
душа Симеона несла пред собою,*

*как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.*

Светильник светил, и тропа расширялась.

Чудо

Б. Пастернак

*Он шел из Вифании в Ерусалим,
Заранее грустью предчувствий томим.*

*Колючий кустарник на круче был выжжен,
Над хижиной ближней не двигался дым,
Был воздух горяч и камыш неподвижен,
И Мертвого моря покой недвижим.*

*И в горечи, спорившей с горечью моря,
Он шел с небольшою толпой облаков
По пыльной дороге на чье-то подворье,
Шел в город на сборище учеников.*

*И так углубился Он в мысли свои,
Что поле в унынье запахло полынью.
Все стихло. Один Он стоял посредине,
А местность лежала пластом в забытьи.
Все перемешалось: теплынь и пустыня,
И ящерицы, и ключи, и ручьи.*

*Смоковница высилась невдалеке,
Совсем без плодов, только ветки да листья.
И Он ей сказал: «Для какой ты корысти?
Какая Мне радость в твоем столбняке?*

*Я жажду и алчу, а ты — пустоцвт,
И встреча с тобой безотрадней гранита.
О, как ты обидна и недаровита!
Останься такой до скончания лет».*

*По дереву дрожь осужденья прошла,
Как молнии искра по громоотводу.
Смоковницу испепелило дотла.*

*Найдись в это время минута свободы
У листьев, ветвей, и корней, и ствола,
Успели б вмешаться законы природы.
Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог.
Когда мы в смятеньи, тогда средь разбора
Оно настигает мгновенно, врасплох.*

Дочь Иаира

И. Анненский

Сини реки, светлы весы,
И с небес и из могил
Всем отвѣт: «Христос воскресе!»
Кто б о счастье не молил.

Нежны травы, белы плиты,
И звенит победно медъ:
«Голубые льды разбиты,
И они должны сгореть!»

Точно кружит солнце, зимний
Долгий плен свой позабыв;
Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв.

Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить:
Ту алчазную застылость
Надо было разбудить...

Для чего ж с контуров нежной,
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем ее цветы?

Для чего так сине пламя,
Раскаленность так бела,
И, гудя, с колоколами
Слили звон колокола?

Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слез,
Так ли дочерь Иаира
Подняла некогда Христос?

Не мигнул фитиль горящий,
Не зазывил ветер ткань...
Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань».

Воскресение Лазаря

А. Хомяков

О Царь и Бог мой! Слово силы
Во время оно Ты сказал,
И сокрушен был плен могилы,
И Лазарь ожидал восстания.
Молю, да слово силы гржнет,
Да скажешь: «Встань!» душе моей,

И мертвый из гроба встанет
И выйдет в свет Твоих лучей!
И оживет, и величавый
Ее хвалы раздастся глас
Тебе — сиянию Отчей славы,
Тебе — умершему за нас!

Вход в Иерусалим

И. Бунин

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнем преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробивши сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пene,

И руки раскинув с мольбой —
О миценье, о миценье,
О пире кровавом для всех,
обойденных судьбой —
И Ты, Всеблагой,
Свете тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся
черни,
Преклоняя Свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком ослыти
В роковые врата — на позор,
На проклятье!

Вербы

К. Бальмонт

*Вербы овеяны
Ветром нагретым,
Нежно взлеляны
Утренним светом.*

*Ветви пасхальные,
Нежно печальные,
Смотрят веселыми,
Шепчутся с пчелами.*

*Кладбище мирное
Млеет цветами,
Пение клирное
Льется волнами.*

*Светло-печальные
Песни пасхальные
Сердцем взлеляны,
Вечным овеяны.*

*Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.*

*Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.*

*Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня.*

*В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.*

Дурные дни

Б. Пастернак

*Когда на последней неделе
Входил Он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за Ним.*

*А дни все грозней и суровей.
Любовью не тронуть сердец.
Презрительно свинцены брови,
И вот послесловье, конец.*

*Свинцовою тяжестью всею
Легли на дворы небеса.
Искали улик фарисеи,
Юля перед Ним, как лиса.*

*И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд,
И с пылкостью тою же самой,
Как славили прежде, клянут.*

*Толпа на соседнем участке
Заглядывала из ворот,*

*Толклись в ожиданье развязки
И тыкались взад и вперед.*

*И полз шепоток по соседству
И слухи со многих сторон.
И бегство в Египет и детство
Уже вспоминались, как сон.*

*Припомнился скат величавый
В пустыне, и та крутизна,
С которой всемирной державой
Его соблазнял сатана.*

*И брачное пиршество в Кане,
И чуду дивящийся стол.
И море, которым в тумане
Он к лодке, как по суху, шел.*

*И сборище бедных в лачуге,
И спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскрешенный вставал...*

Тайная вечеря

В. Набоков

*Час задумчивый строгого ужина,
предсказанья измен и разлуки.*

Озаряет ночная жемчужина
олеандровые лепестки.

Наклонился апостол к апостолу.
У Христа — серебристые руки.
Ясно молятся свечи, и по столу
ночные ползут мотыльки.

В Гефсиманском саду

И. Бунин

...И в этот час, гласит преданье,
Когда, сомнением томим,
Изнемогал Он от страданья,
Все преклонилось перед Ним.

Затихла ночь в благоговенье,
И слышал Он: «Моих ветвей
Колючий терн — венцом мученья
Возложат на главе Твоей;
Но терн короною зеленою
Чело святое обовьет —
В мир под страдальческой короной,
Как царь царей, Господь войдет!»

И кипарис, над Ним шумящий,
Ему шептал во тьме ночной:
«Благословен Господь скорбящий, —
Велик и славен подвиг Твой!

Я вознесу над всей вселенной
Мой тяжкий крест, и на кресте
Весь мир узрит Тебя, смиренный,
В неизреченной красоте!»

Но снова Он в тоске склонялся,
Но снова Он скорбел душой —
И ветер ласковой струей
Его чела в тиши касался:

«О, подиши Свой грустный взор!
В час скорби, в темный час страданья
Прохлады свежее дыханье
Я принесу с долин и гор,

Я нежной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
Я от востока до заката
Твои глаголы возвещу!»

Гефсиманский сад

Б. Пастернак

Мерцанием звезд далеких безразлично
Был поворот дороги озарен.
Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начался Млечный Путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть.

В конце был чей-то сад, надел земельный.
Учеников оставил за стеной,
Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со Мной».

Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь как смертные, как мы.

*Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для жития,*

*И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил отца.*

*Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, осиленные дремой,
Валялись в придорожном ковыле.*

*Он разбудил их: «Вас Господь сподобил
Жить в дни Мои, вы ж разлеглись, как пласт.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников Себя предаст».*

*И лишь сказал, неведомо откуда
Толпа рабов и скопище бродяг,
Огни, мечи и впереди – Иуда
С предательским лобзаньем на устах.*

*Петр дал мечом отпор головорезам
И ухо одному из них отсек.
Но слышит: «Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек.*

*Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы Мне сюда?
И волоска тогда на Мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.*

*Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.*

*Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.*

*Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетья поплынут из темноты».*

Моление о чаше

А. Апухтин

В саду Гефсиманском стоял Он один,
Предсмертною мукой томимый, —
Отцу Всеблагому в тоске нестерпимой
Молился страдающий Сын:
«Когда то возможно,
Пусть, Отче, минует Меня чаша сия.
Однако, да сбудется воля Твоя!»
И шел Он к апостолам с думой тревожной,
Но, скованы тяжкою дремой,
Апостолы спали под сенью оливы.
И тихо сказал Он им: «Как не могли вы
Единого часа побдити со Мной?
Молитесь! Плоть немощна ваша!..»
И шел Он молиться опять:
«Но если не может Меня миновать, —
Не пить чтоб ее, — эта чаша,
Пусть будет, как хочешь Ты, Отче!»

И вновь

Объял Его ужас смертельный,
И пот Его падал на землю, как кровь,
И ждал Он в тоске беспредельной...
И снова к апостолам Он подходил, —
Но спали апостолы сном непробудным.
И те же слова Он Отцу говорил,
И пад на лицо, и скорбел, и тужил,
Смузаясь в борении трудном...

О, если б я мог
В саду Гефсиманском явиться с мольбами
И видеть следы от божественных ног
И жгучими плакать слезами!
О, если б я мог
Упасть на холодный песок
И землю лобзать ту святую,
Где так одиноко страдала Любовь,
Где пот от лица Его падал, как кровь,
Где чашу Он ждал роковую!
О, если б в ту ночь кто-нибудь,
В ту страшную ночь искушенья,
Страдалыцу в изнывшую грудь
Влил слово одно утешенья!
Но было все тихо во мраке ночном,
И спали апостолы тягостным сном,
Забыв, что грозит им невзгоды...
И в сад Гефсиманский с дрекольем, с мечом
Влекомы Иудой, входили тайком
Безумные сонмы народа.

Крестная смерть

В. Брюсов

Настала ночь. Мы ждали чуда.
Чернел пред нами черный крест.
Каменьев сумрачная груда
Блестала под мерцаньем звезд.

Печальных женщин вздоханья,
Мужчин угрюмые слова —
Нарушить не могли молчанье,
Стихали, прозвучав едва.

И вдруг Он вздрогнул. Мы метнулись.
И показалось нам на миг,
Что глуби неба распахнулись,
Что соин архангелов возник.

Распятый в небо взор направил
И, словно вдруг лишенный сил,
«Отец! Потом меня оставил!» —
Ужасным гласом возопил.

И римский воин уксус жгучий
На губке протянул шестом.
Отведав, взор Он кинул с кручи,
«Свершилось!» — произнес потом.

Все было тихо. Небо черно.
В молчанье холм. В молчанье дол.
Он голову склонил покорно,
Поник челом и отошел.

На Страстной

Б. Пастернак

Еще кругом ночная мгла.
Еще так рано в мире,
Что звездам в небе нет числа,
И каждая, как день, светла,
И если бы земля могла,
Она бы Пасху проспала
Под чтение Псалтыри.

Еще кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.

Еще земля голым-гола.
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.

И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной Субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.

И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.

А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом обят.
Понята их тревога.
Сады выходят из оград.
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога.

И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица —
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащикницей,
И две березы у ворот
Должны посторониться.

И шествие обходит двор
По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор,
И воздух с привкусом просфор
И внешнего угара.

И март разбрасывает снег
На паперти толпе калек,
Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И все до нитки раздал.

И пенье дзится до зари,
И, нарыдавшись вдосталь,
Доходят тише изнутри
На пустыри под фонари
Псалтырь или Апостол.

Но в полночь смалкнут тварь и плоть,
Заслыав слух весенний,
Что только-только распогодь.
Смерть можно будет побороть
Усильем Воскресенья.

Мать

В. Набоков

Смеркается. Казнен. С Голгофы отвалив,
спускается толпа, вязясь между олив,
подобно медленному змию;
и матери глядят, как под гору, в туман
увещевающий уводит Иоанн
седую, страшную Марию.

Уложит спать ее, и сам приляжет он,
и будет до утра подслушивать сквозь сон
ее рыданья и томленье.
Что, если у нее остался бы Христос
и плотничал, и пел? Что, если этих слез
не стоит наше искупленье?

Воскреснет Божий Сын, сияньем окружек;
у гроба, в третий день, виденье встретит жен,
вотще купивших ароматы;
светящуюся плоть ощупает Фома,
от веяния чудес земля сойдет с ума,
и будут многие распяты.

Мария, что тебе до бреда рыбарей!
Неосязаемо над горестью твоей
дни проплывают, и ни в третий,
ни в сотый, никогда не вспрянет он на зов —
твой смуглый первенец, лепивший воробьев
на солнцепеке, в Назарете.

Голгофа

А. Апухтин

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын Божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. — И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц...
И дрогнула земля; разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми...

*А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно тиронал.
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.
А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сомнущих уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Все ждало истины...*

*И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли — и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.
И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идолы, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Искупитель!*

Stabat Mater

В. Жуковский

*Горько плача и рыдая,
Предстояла в сокрушенъи
Мать Сыну на кресте.

Душу полную любви,
Сожаленья, состраданья,
Растерзал ей острый меч.

Как печально, как прискорбно
Ты смотрела, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!

Как молилася, как рыдала,
Как терзалася, видя муки
Сына Бога твоего!*

*Кто из нас не возрыдает,
Зря святую Мать Бога
В сокрушении таком?

Кто души в слезах не выльет,
Видя, как над Богом-Сыном,
Безотрадно плачет Мать;*

*Видя, как за нас Спаситель
Отдает Себя на муку,
На позор, на казнь, на смерть;

Видя, как в тоске последней
Он, хладея, умирая,
Дух Свой Богу предает?

О святая Мать любви,
Влей мне в душу силу скорби,
Чтоб с тобой я плакать мог.

Дай, чтоб я горел любовью —
Весь проникнут верой сладкой —
К Искупившему меня.

Дай, чтоб в сердце смерть Христову,
И позор Его, и муки
Неизменно я носил;

Чтоб во дни святой печали
Под крестом моим утешен
Был любовью ко Христу;*

Чтоб кончину мирно встретил;
Чтоб душа моей Спаситель
Славу рая отворил.

О. Мандельштам

Неумолимые слова...
Окаменела Иудея,
И, с каждым разом тяжелее,
Его поникла голова.
Стояли воины кругом
На страже стынущего тела,

Как венчик, голова висела
На стебле тонком и чужом.
И царствовал, и никнул Он,
Как лилия в родимый омут,
И глубина, где стебли тонут,
Торжествовала свой закон.

На Пасху

К. Случевский

I

Над плащаницею

Он мертв! С закрытыми очами...
Белее снега пелена!
Никем не зрямыми лучами
Вся церковь вдруг позлащена,

И в тех лучах, вполне живые,
В сердцах молельщиков встают
Явленья нежно-световые
Хороших мыслей и минут...

Под звуки слов надгробной песни
Они так чисты, так светлы...
Воскресни, Господи! Воскресни!
Довольно зла! Довольно мглы...

II

Воскрес!

День наступил, зажглась денница,
Лик мертвей стени заалел;
Заснул шакал, проснулась птица...
Пришли взглянуть — гроб опустел...

И мироносицы бежали
Поведать чудо из чудес:
Что нет Его, чтобы искали!
Сказал «воскресну!» — и воскрес!

Бегут... молчат... признать не смеют,
Что смерти — нет, что — будет час,
Их гробы тоже опустеют,
Пожаром неба осветятся!

Из стихотворения «Иуда»

С. Надсон

I

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый
Христос моленъя воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Сверкал в чертах Его лица.
И Он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца.
Вокруг креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,

Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.
Что сделал он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,
И кто дерзнул безумно руку
На Бога своего поднять?
Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал —
И мир Его невинной кровью
Себя навеки запятнал!..
Свершилось!..

II

Полночь голубая
Горела кротко над землей;
В лазури ласково сияя,
Поднялся месяц золотой.
Он то задумчивым мерцаньем
За дымкой облака сверкал,
То снова трепетным сияньем
Голофиу ярко озарял.
Внизу, окутанный туманом,
Виднелся город с высоты.

Над ним, подобно великапам,
Чернели грозные кресты.
На двух из них еще висели
Казненные; лучи луны
В их лица бледные глядели
С своей безбрежной вышины.
Но третий крест был пуст. Друзьями
Христос был снят и погребен,
И их прощальными слезами
Гранит надгробный орошен.

Христос наедине

Закончен день труда, усталости, страданья;
На смену тишина и звездное молчанье
Измученной душе несут с собой покой.
Всмотрись сюда — здесь на горе пустынной
Измученный трудом, народом утомленный,
Христос стоит один среди тиши ночной.

Один, совсем один. — В минуты утомления
Не средь людей Он ищет подкрепления, —
Один Он на горе пред любящим Отцом.
И тяжесть дня, людей ожесточенье,
Болезни их, и немощь, и гоненье —
Все низлагает Он пред Божиим лицом.
Внизу все спят кругом. Средь звездного сияния
Весь в трепете любви Спаситель наш моленъя
Возносит к небесам за грешный род людской.
Всмотрись, мой брат! — Здесь жизнь и укрепление
Победа здесь; здесь силу на служенье
Вновь обретешь и ты с проснувшейся зарей!..

Моление о чаше

Сверкает запад озлащенный
Над юдейскою землей,
И на окрестность вечер сонный
С прозрачною нисходит мглой.
Спокойно высясь над полями,
Закатом солнца освещен,
Стоит высокий Елеон
С благоуханными садами.
Вокруг его живых картин
Сияют чудные узоры:
Здесь увенчал Иерусалим
Своими зданиями горы.
Вдали Гевал и Гаризим,

И. Никитин
К востоку воды Иордана
С пейзажем дремлющих долин
Рисуются в волнах тумана,
И моря Мертвого краса
Сквозь сон глядит на небеса.
А там, на западе, далеко,
Лазурных Средиземных вод
Разлив могучий огражден
Песчаным берегом широко...
Темнеет... всюду тишина...
Вот ночи вспыхнули светила —
И ярко полная луна
Сад Гефсиманский озарила.

В траве под сению олив
И померанцев неподвижных,
Сыны Божественного Слова,
Снят три апостола Христова,
И сон их сладок и глубок.
Но тяжело спал мир суровый:
Веков наследственный порок
Его замкнул в свои оковы;
Проклятье праотца на нем
Пятном бесславия лежало
И с каждым веком новым злом
Его, как язва, поражало...
Но час свободы наступал –
И, чуждый общему позору,
Посланник Бога в эту пору
Судьбу всемирную решал.
За слово истины высокой
Голгофский крест предвидел Он
И, чувством скорби возмущен,
Отцу молился одиноко:

«Ты знаешь, Отче, скорбь Мою
И видишь, как Твой Сын страдает,
О, подкрепи Меня, молю,
Моя душа изнемогает!
День казни близок; он придет –
На жертву отданый народу,
Твой Сын безропотно умрет,
Умрет за общую свободу...
Проклятыем черни поражен,
Измученный и обнаженный,
Перед толпой поникнет Он
Своей главой окровавленной,
И те, которым со креста
Пошлет Он дар благословенья,
Поднимут руку на Христа...
О, да минует чаша эта!
Мой Отче, Сына Твоего!
Мне горько видеть злобу света
За искупление его!
Но не Моя да будет воля,
Да будет так, как хочешь Ты!
Твой назначенная доля
Есть дело всякой правоты.
И если Твоему народу
Позор Мой благо принесет, –
Пускай за общую свободу

Сын Человеческий умрет!»
Молитва кончилась, скорби полный,
К ученикам Он подошел
И, увидав их сон спокойный,
Сказал им: «Встаньте, час пришел.
Оставьте сон свой и молитесь,
Чтоб в искушенье вам не впасть,
Тогда вы в вере укрепитесь
И с верой встретите напасть!»
Сказал – и тихо удалился
Туда, где прежде плакал Он.
И, той же скорбью возмущен,
На землю пал Он и молился:

«Ты, Отче, в мир Меня послал;
Но Сына мир сей не приемлет;
Ему любовь Я завещал,
Моим глаголам он не внимает;
Я был врачом его больным,
Я за врагов Моих молился –
И надо Мной Иерусалим,
Как над обманщиком, глумился.
Народу мир Я завещал –
Народ судом Мне угрожает,
Я в мире мертвых воскрешал –
И мир Мне крест приготовляет!..
О, если можно, от Меня
Да мимо идет чаша эта!
Ты Бог любви, начало света,
И все возможно для Тебя!
Но если кровь нужна святая,
Чтоб землю с небом примирить, –
Твой вечный суд благословляя,
На крест готов Я восходить!»
И взор, в тоске невыразимой,
С небес на землю Он низвел
И снова, скорбию томимый,
К ученикам Он подошел.
Но их смежившиеся очи
Невольный сон отягощал;
Великой тайны этой ночи
Их бедный ум не постигал.
И стал Он молча, полный муки,
Чело высокое склонил
И на груди святые руки
В изнеможении сложил.
Что думал Он в минуты эти,

Как человек и Божий Сын,
Подъявший грех тысячелетий,
То знал Отец Его один,
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той воли тягостной, какая
В Его груди была тогда,
И люди верно б не поняли,
Весь грешный мир наш не постиг
Тех слез, которые сияли
В очах Спасителя в том миг.
И вот опять Он удалился
Под сень смоковиц и олив,
И там, колена преклонив,
Опять Он плакал и молился:

«О Боже Мой, Мне тяжело!
Все человеческое зло
На Мне единственном тяготеет,
Позор людской — позор веков,
Все на Себя Я принимаю,
Но Сам, под тяжестью оков,
Как человек, изнемогаю...
О, не оставь Меня в борьбе
С Моею плотью земною,
Тогда да будет надо Мною
И все угодное Тебе.
Молюсь, да снедет на Меня
Святая сила подкрепленья,
Да совершу с любовью Я
Великий подвиг примиренья!»
И руки к небу Он поднял,
И весь в молитву превратился,
Огонь лицо Его сжигал,
Кровавый пот по Нем струился.
И вдруг с безоблачных небес,
Лучами света окруженный,
Явился в сад уединенный
Глашатай Божих чудес.
Был чуден взор его прекрасный,
И безмятежно, и светло
Одушенленное чено,
И лик сиял, как полдень ясный.
И близ Спасителя он стал

И речью, свыше вдохновенной,
Освободителя вселенной
На славный подвиг укреплял;
И сам, подобный легкой тени,
Но полный благодатных сил,
Снои воздушные колени
С молитвой пламенной склонил.
Вокруг молчало все глубоко;
Была на небе тишина, —
Лишь в царстве мрака одиноко
Страдал бесплодно сатана.
Он знал, что в мире колебался
Его владычество кумир,
И что бесславно падший мир
К свободе новой приближался.
Виновник зла, он понимал,
Кто был Мессия воплощенный,
О чем Отца Он умолял,
И, страшной мукой подавленный,
Дух гордый молча изнывал,
Бессильной злой сокрушенный...
Спокойно в выси голубой
Светил блистали мириады,
И полон сладостной прохлады
Был чистый воздух. Над землей,
Поднявшись тихо, небожитель
Летел к надзвездным высотам, —
Меж тем всемирный Иисуситель
Опять пришел к ученикам.
И в это чудное мгновенье
Как был Он истинно велик,
Каким огнем одушевленья
Горел Его прекрасный лик!
Как ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Как радостно светила ночи
С высот смотрели на Него!
Ученики, как прежде, спали
И вновь Спаситель им сказал:
«Вставайте, близок день печали,
И час предательства настал...»
И звук мечей остроконечных
Сад Гефсиманский пробудил,
И отблеск факелов зловещих
Лицо Иуды осветил.

Магдалина

Б. Пастернак

I

Чуть ночь, мой демон тут как тут.
За прошлое моя расплата.
Придут и сердце мне сосут
Воспоминания разврата,
Когда, раба мужских причуд,
Была я дурой бесноватой
И улицей был мой приют.

Осталось несколько минут,
И тиши наступит гробовая.
Но прежде, чем они пройдут,
Я жизнь свою, дойдя до края,
Как алавастровый сосуд,
Перед Тобою разбиваю.

О, где бы я теперь была,
Учитель мой и мой спаситель,
Когда б ночами у стола
Меня бы вечность не ждала,
Как новый, в сети ремесла
Мной завлеченный посетитель.
Но объясни, что значит грех,
И смерть, и ад, и пламень серный,
Когда я на глазах у всех
С Тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.

Когда твои стопы, Иисус,
Оперши о свои колени,
Я, может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус
И, чувств лишаясь, к телу рвусь,
Тебя готовя к погребению.

II

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые Твои.

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.

Ноги я Твои в подол уперла,
Их слезами облила, Иисус,

*Ниткой буг их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус.*

*Будущее вижу так подробно,
Словно Ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл.*

*Завтра упадет занеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,
И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.*

*Перестроится ряды конвоя,
И начнется всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.*

*Брошусь на землю у ног распятия,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.*

*Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько душ и жизней в мире?
Столько поселений, рек и рощ?*

*Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.*

Распятие
(«Реквием»)

A. Ахматова

I

*Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплывались в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыйдай Мене...»*

II

*Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.*

И. Бунин

*Христос воскрес! Опять с зарею
Редеет долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.*

*Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;*

*Еще в синеющих долинах
Плынут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Огни лучистые зари!*

*Они в высси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.*

*Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов, и в глубь долин;*

*Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!*

1 марта 1881 года

А. Фет

*День искупительного чуда,
Час освящения креста:
Голгофе передал Иуда
Окровавленного Христа.*

*Но сердцеведец безмятежный
Давно, смиряясь, постиг,
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.*

*Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелася любовь.*

*Она сияет правдой новой, —
Благословив ее зарю,
Он крест и Свой венец терновый
Земному передал царю.*

*Бессильны козни фарисейства:
Что было кровь, то стало храм,
И место страшного злодейства —
Святыней вековечной нам.*

Пасхальные вести

Я. Полонский

*Весть, что люди стали мучить Бога,
К нам на север принесли гречи...
Потемнели хвойные трущобы,
Тихие заплакали ключи...*

*На буграх каменья обнажили
Лысины покрытые в мороз...
И на камни стали капать слезы
Злой зимой очищенных берез.*

И другие вести, горше первой,
Принесли скворцы в лесную глушь:
На кресте распятый, всех прощаю,
Умер Бог, Спаситель наших душ.
От таких вестей сгустились тучи,
Воздух бурным зашумел дождем...
Поднялись — морями стали реки,
И в горах пронесся первый гром.

Третья весть была необычайна:
Бог воскрес, и смерть побеждена!
Эту весть победную прычала
Богом воскрешенная весна...
И кругом леса зазеленели,
И теплом дохнула грудь земли.
И, внимая трелям соловьиным,
Ландыш и розы зацвели.

Христос воскрес!

А. Федотов

«Христос воскрес!» — возгласил
Над гробом ангел легокрылый
И мироносиц взор унылый
Святым восторгом озарил.
Воскрес Христос, Свет Божий правды
Воскрес, Он жив, Он победил!
Он словом землю покорил,
И пал навеки дух неправды!

Воскрес Христос! Пускай кипит
Корысть, обман и озлобление,
Отныне в мире убежденье:
Воскрес Христос, Он победит!
Он победит, Он побеждает,
Он распахнул врата небес!
И мир в восторге возглашает
Христос воскрес! Христос воскрес!

Христос воскрес!

Христос воскрес! Звучит благая
Над миром весть с святых небес,
И тварь ликует, воспевая:
Христос воскрес! Христос воскрес!

Какой восторг и ликование,
О дети Божии, для вас!
Христос воскрес! — в том упованье
Все оправдание для нас.

Христос воскрес!

Вяч. Иванов

Христос Воскрес! Воскрес Христос,
И смертью смерть попрал!
Кто духа тымы в юдоли слёз
Любовью поборал,

Пленял любовью духа злоб
И крест любви понес, —
Над тем распался душный гроб,
Тому воскрес Христос.

Пасхальный благовест

С. Есенин

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Бледная луна,
Звонко побежала,
Резвая, полна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

Воскресение

Тяжкий камень отвален от гроба.
Белый ангел камень отвалил.

*Где теперь отчаянье и злоба
Ваших темных и безумных сил!*

*Там, где Тело Господа лежало,
Светит чистым мрамором плита,
И сама Земля не удержала
Смертью смерть поправшего Христа.*

*Оттого, что в мире это было,
Переплавлены и ты, и я,
Молния навеки осветила
Тайные истоки бытия.*

А. Чернов

*Святая ночь... Залив огнями храм
Молитвы грешников восходят до небес,
Как в алтаре зажженный фимиам...
Христос воскрес! Воистину воскрес!*

*Природа нежным трепетом полна,
Мерцают звезды в глубине небес.
Царит над грешным миром тишина...
Христос воскрес! Воистину воскрес!*

*Как перед бурей замерла трава...
Затих пред Тайною дремучий старый лес.
Лишь ветер шепчет нежные слова:
"Христос воскрес! Воистину воскрес!"*

Христос воскрес!

А. Майков

*Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос воскрес! Христос воскрес!*

*С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,*

*И зеленеет ближний лес...
Христос воскрес! Христос воскрес!
Вот просыпается земля,
И одеваются поля,
Весна идет, полна чудес!
Христос воскрес! Христос воскрес!*

Хвала воскресшему

К. Р.¹¹¹

*Хвалите Господа с небес
и пойте непрестанно:
исполнен мир Его чудес
и славой несказанной.*

*Хвалите сонм бесплотный сил
и ангельские лики:*

*из мрака скорбного могил
свет воссиял великий.*

*Хвалите Господа с небес,
холмы, утесы, горы!
Осanna! Смерти страх исчез,
светлеют наши взоры.*

¹¹¹ К.Р. – псевдоним Великого князя Константина Константиновича Романова.

*Хвалите Бога, моря даль
и океан безбрежный!
Да смолкнут всякая печаль
и ропот безнадежный!*

*Хвалите Господа с небес
и славьте, человеки!
Воскрес Христос! Христос воскрес!
И смерть попрал вовеки!*

Христос воскрес!
(отрывок из поэмы)

А. Белый

<i>В глухих</i>	<i>— Да пребудет</i>
<i>Судьбинах,</i>	<i>Весть:</i>
<i>В земных</i>	<i>— «Христос</i>
<i>Глубинах,</i>	<i>Воскрес!»</i>
<i>В веках,</i>	<i>Есть.</i>
<i>Народах,</i>	<i>Было.</i>
<i>В сплошных</i>	<i>Будет.</i>
<i>Синеродах</i>	
<i>Небес</i>	

Д. Мережковский

*«Христос воскрес!» — поют во храме;
Но грустно мне... Душа молчит:
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век:
Как братя брат возненавидел,
Как опозорен человек,
И если б здесь в блестящем храме
«Христос воскрес!» Он услыхал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!*

*Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятия,
И стук мечей, и звон оков, —
О, лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: «Христос воскрес!»;
И нам ответят все народы:
«Христос воистину воскрес!»*

Жёны мироносицы

П. Соловьев

*Туман и заря над землей полусонной.
По склонам три женщины шли
И с маслом янтарным кувшин благовонный
Ко гробу Господню несли.*

Улыбкой светлеют суровые дали,
Колючие травы и роса,
И светы небес на земле засверкали
В изгибной речной полосе.

Ты первою шла и молитву шептала.
В душе твоей страх и мечта.
Заря разгоралась, заря обещала:
«Сегодня увидишь Христа!»

«Сквозь росные слезы, в туманах зари я
Провижу день светлых чудес».
Кремнистой тропою идешь ты, Мария,
Колючие травы и скалы нагие
Проснулись и шепчут: «Воскрес!»

Благая весть

З. Гиппиус

Дышит тихая весна,
Дышит светами приветными...
Я сидела у окна
За шерстями разноцветными.

Подбирала к цвету цвет,
Кисти яркие взяла я...
Был мне весел мой обет:
В храм святой завеса алая.

И уста мои твердят
Богу Сил мольбы привычные...
В солнце утреннем горят
Стены горницы кирпичные...

Тихо, тихо. Вдруг в окне,
За окном, — мелькнуло белое...

Сердце дрогнуло во мне,
Сердце девичье, несмелое...

Но вошел... И не боюсь,
Не боюсь я Светоликого.
Он — как брат мой. Поклонюсь
Брату, вестнику Великого.

Белый дал он мне цветок...
Не судила я, не мерила,
Но вошел он на порог,
Но сказал, — и я поверила.

Воля Господа — моя.
Будь же, как Ему угоднее...
Хочет Он — хочу и я.
Пусть войдет Любовь Господняя...

Благовещение

В. Бенедиктов

Кто сей юный? В ризе света
Он небесно возблестал
И, сияющий, предстал
Кроткой деве Назарета:
Дышит радостью чело,
Веют благовестью речи,
Кудри сыплются на плечи,
За плечом дрожит крыло.

Кто сия? Покров лилейный
Осеняет ясный лик,
Долу взор благоговейный
Под ресницами поник;
Скрещены на персях руки,
В персях сдержан тихий вздох,
Робкий слух приемлет звуки:
«Дева! Сын твой будет Бог!»

Этот юноша крылатый –
Искупления глашатый,
Ангел, вестник торжества,

Вестник тайны воплощенья,
А пред ним – полна смиренья
Дева, Мать Божества.

Благовещение в Москве

К. Бальмонт

Благовещенье и свет,
Вербы забелели.
Или точно горя нет,
Право, в самом деле?

Благовестие и смех,
Закраснелись почки.
И на улицах, у всех
Синие цветочки.

Сколько синеньких цветков,
Отнятых у снега.
Снова мир и свеж и нов,
И повсюду нега.

Вижу старую Москву
В молодом убore.
Я смеюсь и я живу,
Солнце в каждом взоре.

От старинного Кремля
Звон плывет волнно.
А во рвах живет земля
Молодой травою.

В чуть пробившейся траве
Сон весны и лета.
Благовещенье в Москве,
Это праздник света!

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

А. Пушкин
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Птичка

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.

Ф. Туманский
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

Успение

А. Блок

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, гоняют с гор стада.

Уже не шумный и не ярый,
С волнением, в сжатые персты,
В последний раз Архангел старый
Влагает белые цветы.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарею
Златятся nimбы без числа.

Златит далекие вершины
Процьальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

А выше, по крутым оврагам,
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный Ангел смотрит вдаль.

Святой Георгий¹¹⁵

К. Бальмонт

Святой Георгий, убив Дракона,
Взглянул печально вокруг себя.
Не мог он слышать глухого стона,
Не мог быть светлым — лишь свет любя.

Он с легким сердцем, во имя Бога,
Копье наметил и поднял щит.
Но мыслей встало так много, много —
И он, сразивши, сражен, молчит.

И конь святого своим копытом
Ударил гневно о край пути.
Сюда он прибыл путем избитым.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгий, святой Георгий,
И ты изведал свой высший час!
Пред сильным Змеем ты был в восторге,
Пред мертвым Змием ты вдруг погас!

Масленица

А. Ширяевец

Взвились кони, пляшут санки, —
Мигом смерим все концы!
— Голоси мне в лад, тальянка!
Заливайтесь, бубенцы!

Алым цветом пышут девки.
Глянут — звонче я зальюсь...
— Да неужто, в кои веки
Пропадет такая Русь!

Сколько смеху! Сколько песен!
Ошалело все село!
Снег дорожный месим, месим,
Пообгоним всех назло.

Голосистую тальянку
Бросил в ноги... — Шибче! Эх!..
Мчатся кони, пляшут санки,
Свищет ветер, брызжет снег!

Канун Купалы

И. Бунин

Не туман белеет в темной роще,
Ходит в темной роще Богоматерь,
По зеленым взгорьям, по долинам
Собирает к ночи Божьи травы.

Только вечер им остался сроку,
Да и то уж солнце на исходе:
Застяг ели черной хвоей запад,
Золотой иконостас заката.

¹¹⁵ Так же о Святом Георгии см. стихотворение Б. Пастернака «Сказка» в приложении 7 «Материалы для четвертого класса».

Уж в долинах сырьо, пали тени,
Уж луга синеют, пали росы,
Пахнет под росою медуница,
Золотой венец по роще светит.

Как туман, бела ее одежда,
Голубые очи точно звезды.
Соберет она цветы и травы
И снесет их к Божьему престолу.

Скоро ночь — им только ночь осталась,
А наутро срежут их косами.
А не срежут — солнце сгубит зноем.
Так и скажет Сыну Богоматерь:

«Погляди, возлюбленное чадо,
Как земля цвела и красовалась!
Да недолг век земным утехам:
В мире Смерть, она и Жизнь правит.»

Но Христос ей молвит: «Мать! Не солнце
Только землю тьма ночная кроет:
Смерть не семя губит, а срезает
Лишь цветы от семени земного.

И земное семя не иссякнет.
Скосит Смерть — Любовь опять посеет.
Радуйся, любимая! Ты будешь
Утешаться до скончанья века!»

А. Фет

Когда Божественный бежал людских речей
И празднсловной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взлекавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
«Вот здесь, у ног твоих, все царства, — он сказал, —
С их обаянием и славой.

Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный —
И эту всю красу, всю власть тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной!»

Но он ответствовал: «Писанию внемли:
Пред Богом Господом лишь преклоняй колени!»
И сатана исчез — и ангелы пришли
В пустыне ждать его велений.

Введение

М. Кузмин

*Вводится Девица в храм по ступеням.
Сверстницы девушки идут за Ней.
Зыблятся свет от лампадных огней.
Вводится Девица в храм по ступеням.*

*В митре рогатой седой иерей
Дену встречает, подняв свои руки,
Бренийский свидетель нетленной поруки,
В митре рогатой седой иерей.*

*Лестницу поступью легкой проходит
Дева Мария, смиренно спеша.
Белой одеждой тихонько шурша,
Лестницу поступью легкой проходит.*

*Старец, послушный совету небес,
Вводит Ее во святилище храма.
Он не боится упреков и срама,
Старец, послушный совету небес.*

*Белой голубкою скрылась внутри,
Плотно закрылась святая завеса.
Чуждая злым искушениям беса,
Белой голубкой скрылась внутри.*

*Что вы, подружки, глядите вослед?
Та, что исчезла белой голубицы,
Снова придет к вам в одежде Царицы.
Что вы, подружки, глядите вослед?*

Елка¹¹⁶

И. Никитин

*Одиночка вырастала
Елка стройная в лесу,
Холод смолоду узнала,
Часто видела грозу.*

*Но, покинув лес родимый,
Елка бедная нашла*

*Уголок гостеприимный,
Новой жизнью зацвела.*

*Вся огнями осветилась,
В серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
В лучший мир перенеслась.*

¹¹⁶ Мы позволили себе ввести в это приложение, включающее в себя стихи о религиозных праздниках, и два стихотворения о елке — не рождественском символе, а просто атрибуте Нового года. См. также «Песню о новогодней елке» Б. Окуджавы.

Вальс с чертовицой

Б. Пастернак

Только заслышу польку вдали,
Кажется, вижу в замочную скважину:
Лампы задули, сдвинули стулья,
Пчелками кверху порх фитили,
Масок и ряженых движется улей.
Это за щелкой елку зажгли.

*Великолепие выше сил
Туши, и сепии, и белил,
Синих, пунцовых и золотых
Льзов и танцоров, львиц и франтих.
Реянье блузок, пенье дверей,
Рев карапузов, смех матерей,
Финики, книги, игры, нуга
Иглы, ковриги, скачки, бега.*

*В этой зловещей сладкой тайге
Люди и вещи на равной ноге.
Этого бора вкусный цукат
К шапок разбору рвут нарасхват.
Душно от лакомств. Елка в поту
Клеем и лаком пьет темноту.*

*Все разметала, всем истекла,
Вся из металла и из стекла.
Искрится сало, брызжет смола
Звездами в залу и зеркала
И догорает дотла. Мгла.
Мало-помалу толпою усталой
Гости выходят из-за стола.*

*Шали, и боты, и башлыки.
Вечно куда-нибудь их занапастишь!
Ставни, ворота и дверь на крюки.
В верхнюю комнату форточку настежь.
Улицы зимней синий испуг.
Время пред третьими петухами.
И возникающий в форточной раме
Дух сквозняка, задевающий пламя,
Свечка за свечкой явственно вслух:
Фук. Фук. Фук. Фук.*

Приложение 3. Стихи о четырёх стихийных элементах.

Огонь

Из поэмы «Путями Каина»

М. Волошин

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузничных горнов, топок и печей,
Огонь сердец—невидимый и темный,
Зажжённый в недрах от подземных лав...
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажжённый им от громовой стрелы.

—
Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.
И женщина — блюстительница пепла
Из древней самки выявила лики
Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор, как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага,—
Пещера стала храмом,
Трапеза — таинством,
Огнище — алтарем,
Домашний обиход — богослуженьем.
И человечество питалось
И плодилось
Пред оком грозного
Взыскиющего Бога.
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота, из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.

Гимн огню

К. Бальмонт

1

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящий, живой!

2

Бесшумный в мерцанье церковной свечи,
Многошумный в пожаре,
Глухой для мольбы, многоголосий,
Многоцветный при гибели зданий,
Проворный, веселый и страстный,
Так победно-прекрасный,
Что, когда он сжигает мое,
Не могу я не видеть его красоты,—
О красивый Огонь, я тебе посвятил все мечты!

3

Ты меняешься вечно,
Ты повсюду — другой.
Ты красный и дымный
В клокотанье костра.
Ты как страшный цветок с лепестками из пламени,
Ты как вставшие дыбы блестящие волосы.
Ты трепещешь, как желтое пламя свечи
С его голубым основанием.
Ты являешься в быстром сиянье зарниц.
Ты, застыши, горишь в грозовых облаках,
Фиолетовых, аспидно-синих.
Ты средь шума громов и напева дождей
Возникаешь неверностью молний,
То изломом сверкнешь,
То сплошной полосой,
То как шар, окруженный сияющим воздухом,
Золотой, огневой,
С переменными красными пятнами.
Ты — в хрустальности звезд и в порыве комет.
Ты от солнца идешь и, как солнечный свет,
Согревательно входишь в растенья
И, будя и меняя в них тайную влагу,
То засветишься алой гвоздикой,
То зашепчешься, как колос пушистый,
То прятнешься пьяной лозой.
Ты как искра встаешь
Из глухой темноты
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришел? Это ты!

Через миг ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нет сильней, нет странней, нет светлей красоты!

4

Не устану тебя восхвалять,
О внезапный, о страшный, о вкрадчивый!
На тебе расплевляют металлы.
Близ тебя создают и куют
Много тяжких подков,
Много кос легкозвонных,
Чтоб косить, чтоб косить,
Много колец для пальцев лилейных,
Много колец, чтоб жизни сковать,
Чтобы в них, как в цепях, годы долгие быть
И устами остывшими слово «любить»
Повторять.
Много можешь ты странных вещей создавать,
Полносложность орудий, чтоб горы дробить,
Чтобы ценное золото в недрах добывать,
И отточеный нож, чтоб убить!

5

Вездесущий Огонь, я тебе посвятил все мечты,
Я такой же, как ты.
О, ты светишь, ты греешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!
В старину ты, как Змей, прилетал без конца
И невест похищал от венца.
И, как огненный гость, много раз, в старину,
Ты утешил чужую жену.
О блестящий, о жгучий, о яростный!
В ярком пламени несколько разных слоев.
Ты горишь, как багряный, как темный, как желтый,
Весь согретый изменчивым золотом, праздник осенних листов.
Ты блестишь – как двенадцатицветный алмаз,
Как кошачья ласкательность женских влюблённых глаз,
Как восторг изумрудный волны океана
В тот миг, как она преломляется,
Как весенний листок, на котором росинка дрожит и качается,
Как дрожанье зеленою мечты светляков,
Как мерцанье бродячих огней,
Как зажженные светом вечерним края облаков,
Распростирающих свой траур над лицом сожжённых и гаснувших дней!

6

Я помню, Огонь,
Как сжигал ты меня
Меж колдуний и ведьм, трепетавших от ласки Огня.
Нас терзали за то, что мы видели тайное,

Сожигали за радость полночного шабаша, —
Но увидевшим то, что мы видели,
Был не страшен Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое: горящие здания,
Где сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Меж неверных, невидящих, верные — мы.
И при звуках молитв, с исступленными воплями
Мы слагали хваленья Даятелю сил.
Я помню, Огонь, я тебя полюбил!

7

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сиянье для нас,
Что горит перед взором навеки потухнувших глаз.
В нем внезапное знанье, в нем ужас, восторг
Пред безмерностью новых глубоких пространств.
Для чего, из чего, кто их взял, кто исторг,
Кто облек их в лучи многозвездных убранств?
Я уйду за ответом!
О душа восходящей стихии, стремящейся в твердь,
Я хочу, чтобы белым немеркнущим светом
Засветилась мне — смерть!

Костёр (отрывок)

Ф. Сологуб

Забыт костёр в лесной поляне:
Трещат иссохшие сучки,
По ним в серебрящем тумане
Перебегают огоньки.

Скользят, дрожат, траву лобзают,
В нее ползут и здесь и там
И скоро пламя сообщают
Еще могучим деревам...

Пожар (отрывок)

К. Бальмонт

Трепеща и цепенея,
Вырастал огонь, блестя,
Он дрожал, слегка свистя,
Он сверкал проворством змея,
Все быстрей,
Он являл передо мною луки сказочных зверей...

Вода

К. Бальмонт

От капли росы, что трепещет, играя
Огнем драгоценных камней,
До бледных просторов, где, вдаль убегая,
Венчается пеною влага морская
На глади бездонных морей,
Ты — всюду, всегда, неизменно живая,
И то изумрудная, то голубая,
То полная красных и желтых лучей,

Оранжевых, белых, зеленых и синих
И тех, что рождаются только в пустынях,
В волнистые и пенье безмерных зыбей,
Оттенков, что видны лишь избранным взорам,
Дрожаний, сверканий, мельканий, которым
Нельзя подыскать отражающих слов,
Хоть в слове бездонность оттенков блестает,
Хоть в слове красивом всегда расцветает
Весна многоцветных цветов.

Вода бесконечные лики вмещает
В безмерность своей глубины,
Мечтанье на зыбях различных качает,
Молчаньем и пеньем душе отвечает,
Уводит сознание в сны.

Богатыми были, богаты и ныне
Просторы лазурно-зеленою пустыни,
Рождающей мир островной.
И море — все море, но в вольном просторе
Различно оно в человеческом взоре
Качается грезой-волной.

В различных скитаньях,
В иных сочетаньях,
Я слышал сказания бурь —
И знаю, есть разность в мечтаньях.

Я видел Индийское море, лазурь,
В нем волн голубые извины,
И Красное море, где ласков коралл,
Где розовой краскою зыбится вал,
И Желтое, водные нивы,
Зеленое море, Персидский залив,
И Черное море, где буен прилив,
И Белое, призрак красивый.
И всюду я думал, что всюду, всегда,
Различно-прекрасна вода.

Земля (отрывок)

К. Бальмонт

Земля, ты так любви достойна за то, что ты всегда иная,
Как убедительно и стройно все в глуби глаз, вся жизнь земная.
Поля, луга, долины, степи, равнины, горы и леса,
Болота, прерии, мареммы, пустыни, море, небеса.
Улыбки, шепоты и ласки, шуршанье, шелест, шорох, травы,
Хребты безмерных гор во мраке, как исполинские удавы,
Кошмарность ходов под землею, расселин, впадин и пещер,
И храмы в страшных подземельях, чей странен сказочный размер.

Дремотный блеск зарытых кладов, целебный ключ и тюрьма из гранита,
И слитков золота скрытость, что будет смелыми открыта.
Паденье в пропасть, в мрак и ужас, в рудник, где раб — как властелин,
И горло горного потока, и ряд оврагов меж стремнин.
В глубоких безднах океана — дворцы погибшей Атлантиды,
За сном потопа — вновь под солнцем — ковчег Атлантов, пирамиды,
Землетрясения, ужасность — тайфуна, взрытости зыбей,
Успокоительная ясность вчера лишь вспаханных полей.

Ветер

Ветер, ветер, ветер, ветер
Что ты в ветках все шумишь?
Вольный ветер, ветер, ветер,
Пред тобой дрожит камыш.
Ветер, ветер, ветер, ветер,
Что ты душу мне томишь?

Ты вздыхаешь, полусонный,
И спешишь скорей заснуть.
Чуть уснул — и, пробужденный,
Ты готов опять вспорхнуть.
Стой! Куда, неугомонный?
Вечно — прямо, снова — в путь.

К. Бальмонт

Все места тебе знакомы,
Ты воздушно шелестишь,
Рябью входишь в водоемы,
Шаткой травкою блестишь.
Носишь тучи, манишь громы —
И опять уходишь в тишину.

О неверный! Ветер, ветер,
Ты не помнишь ничего.
Дай и мне забвенья, ветер,
Дай стремленья твоего.
Ветер, ветер, ветер, ветер,
Ты прекраснее всего!

К. Бальмонт

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волнуя волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая, —
Я вею, млею, воздушный, сонный.

Из «Сказки о царе Салтане»

Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,

Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.

А. Пушкин

Ветер¹¹⁷

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,

Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,

Б. Пастернак

¹¹⁷ Это стихотворение предназначено для более старших детей, в нем ритмически очень хорошо передается настроение ветра.

*А полностью все дерева
Со всему далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.*

*И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.*

Какой большой ветер

Н. Матвеева

*Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишком сдул крыши,
Как с молока — пену,
И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам войдет в стену.*

*Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды —
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
И, подкатившись боком
К соседнему саду,
В чужую врос грядку
И снова там вырос.*

*А шквал унес в море
Десятка два шлюпок,
Л рыбакам — горе, —
Не раскурить трубок,*

*А раскурить надо,
Да вот зажечь спичку —
Как на лету взгляном
Остановить птичку.*

*Какой большой ветер!
Ох! Какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,
И никакой силой
Тебя нельзя стронуть:
Скорей Нептун слезет
Со своего трона.*

*Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока — пену...
И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам уйдет в стену.*

Святой Франциск (отрывок)

М. Волошин

«...Братец ветер, ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо, вольный и летучий.
Ты — водица, милая сестрица,
Сотворил тебя Господь прекрасной,
Чистой, ясной, драгоценной,
Работящей и смиренной.
Брат — огонь, ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен, весел, яр и красен.
Матушка земля, ты нас питаешь
И для нас цветами расцветаешь...»

Приложение 4.

Стихи для 1-го класса.¹¹⁸

«Пальчиковые» игры

(Игры для развития тонкой моторики пальцев)

Пальчик-мальчик, где ты был?

*С этим братцем в лес ходил,
С этим братцем щи варил
С этим братцем кашу ел,
С этим братцем песни пел.*

*Этот пальчик хочет спать,
Этот пальчик лег в кровать,
Этот пальчик чуть вздремнул,
Этот пальчик уж уснул,
Этот пальчик крепко спит.
Наш Ванюша не шумит.*

*Солнце красное взойдет,
Утро ясное придет,
Будут птички щебетать,
Будут пальчики вставать*

*Паучок все вверх ползет,
левой
Паутину он плетет.*

*Паутинка хоть тонка —
Крепко держит мотылька.
Паутинка рвется —
Мотылек смеется.*

1

шевелятся большие пальцы, вытянутые вверх, остальные сжаты в кулак по очереди, начиная с указательного, пальцы обеих рук отгибаются

2

пальцы, с мизинца начиная, загибаются по одному — на каждую строку по пальцу

крепко сложенный кулак плавно привлекается к груди
кулак от себя
пальцы по одному разгибаются
рука вверх, пальцы шевелятся

3

руки соединены так: большой палец руки касается мизинца правой, а мизинец левой — большого пальца правой, полукруглыми движениями в разные стороны расцепляем попеременно пару пальцев и вновь соединяем обе руки крепко сплетаются пальцами

руки расцепляются, ладони у оснований соединяются, пальцы шевелятся, как крылья мотылька

¹¹⁸ Материалы для первого класса любезно предоставили учителя Московской вальдорфской школы М. Случ и Е. Лучкина.

*Влез кулик молодой
рук
На колоду —
Бултых в воду.*

*Вынырнул
Вымок. Вылез.
Высох.*

*Влез на колоду —
И снова в воду.
Совсем кулик
Головой поник.
Вспомнил кулик молодой,
Что у него крылья за спиной, —
И полетел.*

*Поехали, поехали,
С орехами, с орехами,
Поскакали, поскакали,
С калачами, с калачами,
По кочкам, по кочкам,

Вприпрыжку, вприпрыжку,
В яму —
бух.
Из ямы — ух.*

*Раз, два, три, посмотри:
Встали травы из земли.
Эй, проснись, оглянись,
Потянулись травы ввысь.*

*Дождик, дождик, не дожди!

Не дожди ты, подожди!
Выди, выди, солнышко,
Золотое донышко!
Я на радугу-дугу
Полюбуюсь побегу,

Семицветную, цветную
На лугу подстерегу.*

начиная с мизинцев, пальцы обеих по очереди соединяются пальцы шевелятся, а в конце третьей строчки ладони переворачиваются пальцами вниз повторяется то же самое.

ладони сжаты, пальцы крепко сцеплены пальцы по одному разгибаются движение пальцами свободное, как крыльями

крупные шаги
перекрещиваются в прыжке руки и ноги
в прыжке: правая нога и левая рука вперед, а правая рука и левая нога — назад
ноги и руки на ширине плеч
наклон
выпрямиться

М. Гиверц
хлопки или притопы в ритме
руки поднимаются вверх
руки в бок, повороты корпуса
руки вытянуты вверх

Радуга (к теме «прямая-кривая»)

Е. Благинина

руки по очереди проводят перед собой прямые линии
обе руки вместе, то же самое движение
руки над головой медленно сводятся в большое «о»
широкое полукруглое движение одной рукой, начинается впереди и постепенно рука уходит вбок
то же движение другой рукой

Солнце село за стога,

Где ты, радуга-дуга?

Правая рука, левая рука,

Они могут хлопать.

Правая нога, левая нога,

Они могут топать.

В кулаке пять братцев снят:

Ванька — указка,

Мишка — середка,

Колька — сиротка,

Крошка — Тимошка.

И еще один чудак,

Прозывается большак.

Все проснулись,

Встрепенулись,

Потянулись,

Раз-два-три.

руки сводятся над головой и «о» и
медленно опускаются вниз
кривая (радуга) прослеживается
только глазами

правая и левая рука по очереди перед
собой ладонью кверху

хлопки в ритме

топают по очереди правая и левая ноги

притопы в ритме

кулак над головой

пальцы по одному разгибаются

растопыренные пальцы

пальцы шевелятся

пальцы вытягиваются

три хлопка и руки вниз

Два успокаивающих стихотворения

Зашумел листвою клен,

Раз наклон и два наклон.

Вправо, влево наклоняет,

Ветер тихо клен качает.

Раз два — выше голова,
Три четыре — руки шире,
Пять-шесть — тихо сесть,
Семь-восемь — лень отбросим.

Убежало молоко,

Убежало далеко.

Вниз по лестнице скатилось

Вдоль по улице пустилось,

Через площадь потекло,

Постового обошло,

Под скамейкой проскочило,

Трех старушек подмочило,

Накормило двух котят,

Разогрелось и назад:

Вдоль по улице летело,

Вверх по лестнице пыхтело

руки делают движение из кастрюли наружу
руки впереди буквой «о»

руки передают движение по лестнице вниз

руки двигаются по прямой навстречу

друг другу

полукруг руками перед собой влево

полукруг руками перед собой вправо

рука двигается вниз и вперед

3 прыжка на одной ноге

движение руки передает движение

кошачьего языка

руки широко разведены и затем обратное

движение на слове «назад» — по прямой

движение, как в четвертой строке

движение как бы по лестнице вверх

М. Бородицкая

*И в кастрюлю заползо,
Отдуваясь тяжело.
Тут хозяйка подоспела.
Закипело?
Закипело!*

движение обратное тому, которое делали с первой строчкой
руки в стороны, а потом тяжело вниз «хозяйская поза»: руки в боки, ноги уверенно стоят на земле
руки буквой «о» перед грудью
руки вверх широко

М. Гиверц

(можно читать вначале урока, после изречения или до него)

*Небо ясное над нами,
Твердь земная под ногами.
Мир дороги открывает,
Солнце свет нам посыпает.*

руки широко вверх
руки опускаются, ладони вниз
руки широко распахнуть на уровне груди
руки поднимаются высоко над головой
«к солнцу»

М. Случ

*Зайка беленький сидит,
Он ушами шевелит –
Вот так, вот так.
Зайке холодно сидеть,
Надо лапочки погреть –
Хлоп, хлоп, хлоп, хлоп,
Надо лапочки погреть.
Зайке холодно стоять,
Надо зайке поскакать –
Скок-скок, скок-скок,
Надо зайке поскакать.
Кто-то зайку испугал.
Зайка – прыг и убежал,
Был и нет – пропал.*

сесть на корточки
руки приставляются к голове, как уши
шевелятся пальцы
встать
руки ладонями вверх перед собой
хлопки

ноги переступают, как от холода

подскоки

дети дрожат, как от страха
учитель закрывает глаза, дети тихо
прятчутся под парты

*На базаре ежик
Накупил сапожек:
Сапожки по ножке – себе,

Немножко поменьше – жене,

С пряжками – сыну,

С застежками – дочке.

Все уложились в мешочек.*

хлопки над головой в ритме стиха
топать ногами в ритме стиха
топать в ритме, на слове «себе»
сложить руки крестом на груди
топать носком ноги, на слове «жене»
указать на соседа
переступать с пятки на пятку, полунаклон
влево и левой рукой указать на соседа
переступать на носках и те же движения
вправо
сгруппироваться

А. Прокофьев

Как на горке , на горе,

На широком на дворе
Кто на санках,
Кто на лыжах,

Кто повыше,
Кто пониже,
Кто потише,

Кто с разбегу,
Кто по льду,
А кто — по снегу

С горки — ух,
На горку — ух!
Бух!
Захватывает дух!

руками над головой сделать две дуги в разные стороны
руки широко развести
сесть на корточки, руки сзади, ноги по очереди в прыжке вперед (как будто в присядку пляшут)
руки вверх, вытянуться на носках
чуть присесть
движение по кругу: 1-я строка — тихо, след в след,
2-я строка — прыжки на одной ноге,
3-я строка — скользящие движения,
4-я строка — идти как по снегу, высоко поднимая ноги
движение в круг
движение из круга
сгруппироваться
замереть

М. Случ

Море тихое спит.
Ветер крыльями машет.
Прибегает за ним
Стая белых барабашков.
Ветер грозный шумит,
Ветер не затихает,
Он на берег крутой

Стаю волн выгоняет.

Миновала гроза,
Снова море спокойно,
И на встречу бегут
Снова легкие волны.

руки плавно перед собой по прямой
руки бурно двигаются навстречу друг другу
руки двигаются по волнистой линии

усиливается движение 2-й строки
волны перед собой
встать крепко на ногах, подобно
крутому берегу
волнообразные движения перед собой
на уровне груди
крупные волны превращаются в мелкие
руки в стороны на уровне плеч
волнообразные движения на уровне
груди впереди

М. Случ

Из глубокого колодца

Солнце медленно встает.
Свет его на нас прольется,
Луч его нам улыбнется,

Новый день оно начнет.

начало — на корточках, руки складываются в «о» и поднимаются над головой
медленно подняться на ноги
руки опускаются вниз
руки параллельны, направлены от себя
на уровне груди
руки вниз широко

(можно рецитировать перед приветствием)

Солнце поднимается,
Сердце согревается,
Просыпается земля,
С ней и я.

руки широко вверх
руки скрещены на груди
руки широко к земле
обе руки одна на другую на сердце

Ты, мороз мороз мороз,
Не показывай свой нос!
Уходи скорей домой,
Стужу уводи с собой.
А мы саночки возьмем,
Мы на улицу пойдем,

ходить в ритме стиха по кругу, две
строки — вправо, две строки — влево

Сядем в саночки-самокаточки
Да с горы-то — ух!...
В снег пушистый — бух!

движение в круг
движение из круга

на корточки присесть, руки за спиной,
ноги по очереди выбрасывать вперед
руки вверх и вниз
то же самое

В. Лунин

Солнце село за селом,
Спят синицы.
Сойки спят.
Спит в реке усатый сом,
Спит и лес, и степь, и сад.

Стадо спит, пастух и пёс...
Сон в страну свою унес

Всех.

присесть на корточки, руки сложены в
«+», обращенную вниз
руки сложены как во сне под головой справа
то же слева
плавная кривая на уровне груди от себя
и к себе
волнообразные вертикальные линии
двумя руками — зеркально
правая рука делает дугу вправо, левая — влево
обе руки рисуют перед собой снизу вверх
восьмёрку с пересечением, в конце строки
руки поднимаются над головой
вертикально параллельно друг другу
руки складываются на груди

В. Лунин

Лисицы лают.
Глухомань.
Лежит в листве под липой
Лань.
Линь в глубине холодных вод
Лениво, но легко плывет.
Луна
Лучится, как латунь.

плавное движение за спиной,
как хвост у лисы
движение, будто гладят лань
движение плывущей рыбы
округлое движение или можно
руками нарисовать месяц

*Лягушкой лакомится
Лунь.*

*Летит заблудшая пчела.
Легла на лес ночная мгла.*

(Все движения этого стихотворения очень главные и напоминают эзиритическое «л*».)

сжать кулаки и плавно

прижать их к груди

движение, как крылья у пчелы

общий большой жест (эзиритическое
«л*») и ладони вниз

*— Солнце, солнце,
Ты откуда?*

*— Я из зорьки
Золотой!*

*— Дождик, дождик,
Ты откуда?*

*— Я из тучи
Грозовой!*

*— Ветер, ветер,
Ты откуда?*

*— Я из дальней стороны!
Мы три брата, и повсюду
Добрым людям мы нужны!*

— Я поля обогреваю!

— Я пшеницу поливаю!

*— Я на мельницу лечу,
Крылья мельнице верчу!*

*Будет утром
Всем ребятам
По большому
Калачу!¹¹⁹*

¹¹⁹ Здесь и далее стихи, помеченные звездочкой, были взяты из сборника «Стихи, сказки, рассказы и игры для начальных классов вальдорфской школы», составленного немецкими учителями русского языка. К сожалению, там не всегда указаны фамилии авторов. Мы также не смогли определить авторство.

Приложение 5. Стихи для 2-го класса.¹²⁰

Гномы

М. Случ

В горных глубинах
Есть каменный гrot,
Живет там веселый
И умный народ –

Подземные гномы
Не спят ни минуты,
Куют, и куют, и куют, и куют,

Секрет свой от глаз
Любопытных скрывают.
Их тайны глаза никогда не узнают.

Замри, не дыши,
Только слушай и слушай –
И не спеши.

Всюду, всюду мы вдвоем
Неразлучные идем.
Мы гуляем по лугам,
По зеленым берегам,
Вниз по лестнице сбегаем,
Вдоль по улице шагаем.
Но чуть вечер за порог,

Остаемся мы без ног.
А безногим – вот беда! –
Ни туда и ни сюда!
Что ж? Полезем под кровать,
Будем там тихонько спать,
А когда вернутся ноги,
Вновь поскакем по дороге.

(Из англ. фольклора, перевод К. Чуковского)

Г. Витез

Что такое?
Что случилось?
Где-то что-то провалилось?
Где-то что-то взорвалось?
Расплескалось?
Растягнулось?
Зашумело?

Забурлило?
Зашипело?
Заскулило?
Это там, на чердаке,
В самом дальнем уголке,
Мышку серую продуло,
И она – апчхи! – чихнула!

¹²⁰ Материал предоставлен учителем Московской вальдорфской школы М. Случом.

Была моя лошадь, как палка, худа,
 Как палка, худа,
 Как палка, худа,
 Ходить не желала она никуда.
 И го-го! Ну совсем никуда.
 Однажды я в город поехал верхом,
 Поехал верхом,
 Поехал верхом,
 Брыкалась она и махала хвостом.
 Махала хвостом. Вот так!
 Ни вправо, ни влево, ни назад, ни вперед,
 Ни назад, ни вперед,
 Ни назад, ни вперед,
 Легла на траву и с тех пор не встает.
 Ну, никак не встает.
 Седло и уздачку оставил я там,
 Оставил я там,
 Оставил я там.
 А что было дальше, додумайся сам.
 Додуматься можешь сам.
 Пришло мне поклажу на шею взвалить,
 На шею взвалить,
 На шею взвалить,
 По пыльной дороге мешочки тащить,
 Мешочки с мукой. Вот так!
 Когда я под вечер приплелся домой,
 Приплелся домой,
 Усталый домой,
 Мне лошадь солому с дубовой корой
 На ужин дала: «На, еши!»
 Жую я солому и чувствую вдруг,
 И чувствую вдруг,
 И чувствую вдруг:
 Копыта растут у меня вместо рук,
 Копыта растут вместо рук.
 Я вытянул шею, увидел вдруг... хвост!
 Увидел свой хвост,
 Увидел свой хвост.
 А он уж надежно сзади прирос,
 Сзади прирос мой хвост.
 Я тут же галопом отправился в путь,
 На спину седло –
 И отправился в путь.
 Моя же лошадка легла отдохнуть.
 Легла на кровать – и спать.

(Стихотворение из англ. фольклора в переводе С. Маршака, но авторство последних пяти строф принадлежит детям из класса М. Случа МСВШ)

Жил в мужике богатый дом.
Пил хлеб, закусывал вином,
Стриг ножницы овечкой,
Доской рубанок он строгал,
В коня повозку запрягал,
Топил поленья печкой.

Он просыпался к вечерку,
Стегал кобылой вожжи,
Из пирога он пек муку,
Из пива делал дрожжи.

Сажал он в репе огород,
Воров поставил у ворот,
Чтоб под покровом мрака
Не влезла в дом собака.

Он в рыбах озеро удил,
Ему сынок жену родил,
А мышь поймала кошку,
Кормил он курами овес,
Землею удобрял навоз,
Хлебал отваром ложку.

Он на ночь хлев пускал в коров,
Срывал деревья с груши,
В деревню лес возил из дров,
На лодке плыл по суше.
Вот так и жил, пока не спал.
Повторишь, что я рассказал?

Я видел комету четвертого дня,
Я видел фазана с хвостом из огня,
Я видел: на туче березы росли,
Я видел, как овцы подпасков пасли,
Я видел: блоха проглотила слона,
Я видел озера все сплошь из вина,
Я видел стакан в двадцать миль глубиной,
Я видел колодец со сладкой водой,
Я видел дворец вышиной до Луны,
Я видел, как яблоки рвали с сосны,
Я видел, как днем месяц на небо вышел,
Я видел того, кто про все это слышал.

(Из англ. фольклора, перевод И. Родина)

Была тишина, тишина, тишина.

Вдруг грохотом грома сменилась она!

И вот уже дождик тихонько —

Ты слышишь? —

Закрапал, закрапал, закрапал по крыше...

Наверно, сейчас барабанить он станет...

*Уже барабанит! Уже барабанит!**

пальцы тихо барабанят по парте

в ритме стиха

громче

тише

громко

еще громче

очень громко

*Дуйте,
Дуйте,
Ветры,
В поле,
Чтобы мельницы
Мололи,
Чтобы завтра
Из муки
Испекли нам
Пирожки!*

широкий жест
перед собой вначале
одной рукой,
потом другой
круглые жесты
обеими руками
то же быстрее
руки «делают пирожок»

(Из англ. фольклора, перевод К. Чуковского)

*Голова, два уха, губы,
Щеки, нос, и рот, и зубы.
Плечи, плечи, локти, пятки,
Два запястья, две лопатки,
Пояс, шея и живот,
А теперь наоборот,
А теперь наоборот...*

указывать на называемую
часть тела,
сначала медленно,
потом быстрее

*Маленькие ножки
Бежали по дорожке,
Бежали по лесочку,
Скакали через кочку.
Прибежали на лужок,*

*Потеряли сапожок.
Стали ножки на пенек,
Увидали сапожок.
Увидали, увидали,
Увидали сапожок!**

стихотворение
ритмически
«вытаптывается» —
на месте
или по кругу.

Ветрено!

*Ветрено,
Ветрено,
Вся земля проветрена!
Ветер листья с веток
Разогнал по свету:
Липовый,
Березовый,
Желтый лист
И розовый,*

все стихотворение
построено
на эвритмическом жесте,
соответствующем звуку «в»

Красный,
Разноцветный.
Старый лист газетный...
Солнечно, ведренно...
Ветрено! Ветрено!*

Кот пиликает на скрипке—
Тут не может быть ошибки!
А корова—
Ну и ну!—

Перепрыгнула Луна!
На лугу танцуют рыбки—
Тут не может быть ошибки!
А кастюля—
Ну и ну!—
Залетела на сосну.*

Ну и ну!

жесты, имитирующие игру на скрипке
грозить пальцем
жест перед собой руками, показывающий,
какая корова толстая, руки медленно
двигаются вверх и вниз
руки будто что-то перепрыгивают
кисти делают мелкие движения

руки сложены в «о» перед собой

движение «о» вверх

Бульдог и таксик

Д. Хармс

Над косточкой сидит бульдог,
Привязанный к столбу.
Подходит таксик маленький
С морщинками на лбу.
«Послушайте, бульдог, бульдог!—
Сказал незваный гость.—
Позвольте мне, бульдог, бульдог,
Докушать эту кость».
Рычит бульдог на такси:
«Не дам вам ничего!»—
Бежит бульдог за таксиком,
А таксик от него.

Бегут они вокруг столба.
Как лев, бульдог рычит.
И цепь стучит вокруг столба,
Вокруг столба стучит.
Теперь бульдогу косточку
Не взять уже никак.
А таксик, взявиши косточку,
Сказал бульдогу так:
«Пора мне на свидание,
Уж восемь без пяти.
Как поздно! До свидания!
Сидите на цепи!»

Гном и белка

Г. Галина

Маленький гном—
Старый житель лесной—
Сел на грибок
Под зеленой сосной,
Сел и глядит—
Удивляется!
Кто это сверху
Бросается?..
Шишки летят,
А сквозь ветки блестит
Черный глазок,—

Это белка шалит!
«Полно, шалунья,
Достанется!..
Так уж за мной не останется...
Влезу на елку,
Сейчас накажу,
Острый репейник
На хвост посажу».
Белка смеется:
«Умаешься!
Разве за мной угоняешься?..»

Приложение 6. Стихи для 3-го класса.

Библейская тема.¹²¹

Вавилон (отрывок)

С. Надсон

Брошены торжище, стадо и пашня,
Заняты руки работой иной:
Камень на камень – и стройная башня
Гордо и мощно встает над землей...

Ласточка, рея в лазури бездонной,
Кажется точкой для смертных очей.
Или мы, с нашей мечтой окрыленной,
Кроткой, воздушной певуньи слабей?

К небу, где тучи играют и мчатся,
Сыпля громами у ног божества,
К небу, где райские реки струятся,
Стелется райских лугов мурава;

К жизни блаженства от жизни страданья,
К звездам, сверкающим ярким огнем...
Высьтесь же, стены, гранитного зданья!
Будьте нам к вечному небу путем!

Полно, безумцы! Взгляните, чернеет
Грозная туча на грани небес;
В трепетном ужасе мир цепенеет,
Отблеск зарницы мелькнул и исчез...

Моисей

В. Брюсов

Я к людям шел назад с таинственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.
Я верил, что толпа надеется и ждет...
Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.
Смотря на этот пир, я понял их, – и вот

¹²¹ К этой теме очень подходит «Пророк» Пушкина, который мы здесь не приводим из-за нехватки места, тем более что его нетрудно найти.

О камни я разбил ненужные скрижали
И проклял навсегда Твой избранный народ,
Но не было в душе ни гнева, ни печали.
А Ты, о Господи, Ты повелел мне вновь
Скрижали истесать. Ты для толпы преступной
Оставил Свой закон. Да будет так. Любовь
Не смею осуждать. Но мне — мне недоступна
Она. Как Ты сказал, так я исполню все,
Но вечно, как любовь, — презрение мое.

Сон (Из книги пророка Даниила)

И. Бунин

Царь! Вот твой сон: блистал перед тобою
Среди долин огромный истукан.
Покрывший землю глиняной стопою.
Червоный лик был истукану дан,
Из серебра имел он грудь и длани,
Из меди — бедра мощные и стан.
Но пробил час, назначенный заране —
И сорвался в долину сам собой
Тяжелый камень с дальней горной грани.
Царь! пробил час, назначенный судьбой:
Тот камень пал, смешав металлы с глиной,
И поднял прах, как пыль над молотьбой.
Бог сокрушил металла блеск в единий
И краткий миг: развеял без следа,
А камень стал великою вершиной.
Он овладел вселенной. Навсегда.

Подражание восточным (отрывок)

Л. Мей

Храни поученье отцово,
Мой сын, и в скрижали души
Мое заповедное слово
Отныне навеки впиши:
Пребудь безбоязнен душою,
Но Господа бойся и чти;

Премудрость зови ты сестрою
И разум себе просвети.
И речи греха и обмана
Не будут нам, мудрым, властны,
И в разуме будет охрана
Тебе от лукавой жены.

Давид

А. Хомяков

Певец-пастух на подвиг ратный
Не брал ни тяжкого меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни лат с Саулова плеча;
Но, духом Божиим осененный,
Он в поле брал кремень простой —
И падал враг иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты — когда на битву с ложью
Восстанет правда дум святых —
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость лат земных.
Доспех Саула ей окова,
Саулов тягостен шелом:
Ее оружье — Божье слово,
А Божье слово — Божий гром!

Моисей (отрывок)

В. Ходасевич

*Спасая свой народ от смерти неминучей,
 В скалу жезлом ударил Моисей —
 И жаждущий склонился иудей
 К струе студеной и певучей.
 Велик пророк! Властительной руки
 Он не простер над далью синеватой,
 Да не потек послушный соглядатай
 Исследовать горячие пески.
 Он не молил небес о туче грозовой,
 И родников он не искал в пустыне,
 Но силой дерзости, сей властью роковой,
 Исsec струю из каменной твердыни...*

Путник

Н. Огарев

*Дол туманен, воздух сыр,
 Туча небо кроет,
 Грустно смотрит тусклый мир,
 Грустно ветер воет.*

*Не страшися, путник мой,
 На земле все битва,
 Но в тебе живет покой,
 Сила да молитва.*

Псалмопевец Давид¹²²

К. Р.

*О царь, скорбит душа твоя,
 Томится и тоскует!
 Я буду петь: пусть песнь моя
 Твою печаль врачует.*

*Пусть звуков арфы золотой
 Святое песнопенье
 Утешит дух унылый твой
 И облегчит мученье.*

*Их человек создать не мог,
 Не от себя пою я:
 Те песни мне внушает Бог,
 Не петь их не могу я!*

*О царь, ни звучный лязг мечей,
 Ни юных дев лобзанье
 Не заглушат тоски твоей
 И жгучего страданья!*

*Но лишь души твоей больной
 Святая песнь коснется,
 Мгновенно скорбь от песни той
 Слезами изольется.*

*И вспрянет дух унылый твой,
 О царь, и торжествую,
 У ног твоих, властитель мой,
 Пусть за тебя умру я!*

Царь Саул

К. Р.

*Душа изнывает моя и тоскует, —
 О, пой же мне, отрок мой, песню твою,
 Пусть звуки ее мою скорбь уврачуют, —
 Я так твои песни святые люблю!*

*Гнетут меня злобного духа объятья,
 Опять овладело уныние мной,*

¹²² Это и следующее стихотворения хорошо использовать в паре.

*И страшные вновь изрыгают проклятья
Уста мои вместо молитвы сияющей.*

*Томлюся я, гневом пылая, и стражду:
Недугом палимая мучится плоть,
И злоба в душе моей... Крови я жажду,
И тщетны усилия зло побороть.*

*Не раз, жалом помочи той уязвленный,
Тебя мог убить я в безумном бреду.
О, пой же! Быть может, тобой исцеленный,
Рыдая, к тебе я на грудь упаду!..*

Легенда про Мёртвое море

K. P.

*В знойной степи, у истока священной реки Иордана,
В каменных сжато обятиях скал, раскаленных полуднем,
Чудно синея, безмолвно покоится Мёртвое море.
Мрачной пустыни бесплодная почва безжизненна, скучна.
Издали волны заколдованных гладь голубую завидев,
В ужасе зверь убегает; пугливо небесные птицы
С жалобным криком спешат улететь от проклятого места;
Змеи одни обитают в глубоких расселинах камней;
Лишь бедуин одинокий, копьем тростниковым махая,
Быстрым конем уносимый, промчится песчаным прибрежьем.
Тайны зловещей печать тяготит над страною забвенья.
Древнее ходит сказанье про это пустынное море:
Лишь только звезды златые зажгутся в безоблачном небе,
Тьмою огней отражаясь в заснувших лазоревых волнах,
Лишь в вышину голубую серебряный выплынет еся¹ —
Вдруг просветляется влажное лено прозрачной пучины,
Сноп белоснежных лучей всю глубокую бездну морскую
С глади незыблемой вод и до самого дна проницает.
Там, в глубине, озаренные блеском полночного неба,
Груды развалин толпятся в безжизненном древнем величье;
Словно как трупы недвижные в мертвленном сне цепенея,
Эти обломки морское песчаное дно покрывают...
— Это Содом и Гоморра... Господь их порочное племя
В оные дни покарал за великие, тяжкие вины.
Долготерпенья предвечного Бога исполнилась мера:
Огненный дождь ниспоспал Он на царство греха и разврата;
Недра земные разверзлись и те города поглотили;
Бездну провала залили морские соленые воды...
Там, где был край многолюдный, подобно великой могиле,
Ныне, синея, безмолвно покоится Мёртвое море.*

Псалом Давида на единоборство с Голиафом

L. Mей

*Я меньше братьев был, о Боже,
И всех в дому отца моложе,
И пас отцовские стада;*

*Но руки отрока тогда
Псалтирь священную сложили,
Персты настроили ее*

И имя присное Твое
На веющих струнах восхвалили.
И кто о мне Тебе вещал?
Ты Сам услышать соизволил,
И Сам мне ангела послал,
И Сам от стад отцовских взял,
И на главу младую пролил
Елей помазанья святой...
Велики братья и красивы,

Но неугодны пред Тобой...
Когда ж Израиля на бой
Иноплеменник горделивый
Позвал — и я на злую речь
Пошел к врагу стопою верной,
Меня он проклял всею скверной,
Но я исторгнул вражий меч
И исполина обезглавил,
И имя Господа прославил.

Эндорская прорицательница

Л. Мей

Саул разгневан и суров:
Повсюду видит тайный ков;
Везде врагов подозревая,
Он, в лютой ярости, из края
Изгнал пророков и волхвов.

Ему виссонная хламида
И золотой венец — обида
И бремя тяжкое с тех пор,
Как восхвалил евреек хор
Певца и пастыря Давида.

Меж тем напасть со всех сторон:
Народ взволнован и смятен;
Перед Сулемом, в крепком стане,
Опять стоят филистимляне:
Гроза собралась на Сион.

Душа Саула тьмой одета...
Нет Самуила — нет совета...
Склонив молитвенно главу,
Царь вопросил Иегову,
Но не дал Бог ему ответа.

Призвал вельмож: «Хочу сполна
Известить — что сулит война?
Сыщите мне волхвов...» И вскоре
Ему приносят весть: «В Эндоре
Есть духовидица — жена».

Пошел он к ней; в ночную пору,
Как тать, приблизился к Эндору,
И двое слуг любимых с ним...
Старуха призраком седым
Предстала царственному взору.

«Я знаю, — царь промолвил ей, —
Тебе, на вызов мой, теней
Являет темная могила:
Внемли же мне и Самуила
Из гроба вызови скорей».

Ему старуха: «Я не смею:
Могильной чарою владею,
Но гнева царского страшусь...»
И отвечал ей царь: «Клянусь
Душой и жизнию моей —

Саул простит тебя, жена!»
...И — тайным ужасом полна
И прорицанья веющим жаром —
Старуха приступила к чарам...
Но вдруг замедлилась она,

Умолкла, вся затрепетала...
«Ты — сам Саул! — она сказала.
Зачем меня ты обманул?...»
И молвил ей в ответ Саул:
«Скажи, пророчица, сначала,

Что видишь?» — «Вижу я вдали
Богов, исшедших из земли».
— «Кого ты увидела прежде?»
— «Кого-то в шелковой одежде,
В покрове белом...» — «Но внемли

И отвечай, — Саул ей снова. —
Лицо ты видишь сквозь покрова?»
Старуха: «Вижу: он седой,
В кидаре, с длинной бородой...»
И царь Саул не молвил слова

*И в прах главу свою склонил...
Тогда Саулу Самуил
Вещал: «Зачем ты потревожил
Мой дух и дерзостно умножил
Грехи пред Господом всех сил?»*

*Саул: «Вот... ополчившись к бою
Спросил я Господа с мольбою:
Предаст ли в руки мне врагов?
Но не ответил Саваоф...»
— «Зане прогневан Он тобою!*

*Зане на смерть обречены
И ты и все твои сыны! —
Пророк усопший возглашает. —
Твой Израиль погибает
И ввержен в ужасы войны.*

*Не ты ль добра личиной лживой
Прикрыл свой дух властолюбивый
И угнетенъя семена
В Израиль высекл сполна?
Любуйся ж, пахарь, спелой нивой*

*И жни на ней позор и страх...
То царство распадется в прах,
В пучине зол и бед потонет,
Где царь пророков веющих гонит
И тщится мысль сковать в цепях!»*

*И поднял он покров над ликом...
Саул восстал с безумным криком...
А утром бой был... а потом
Саул пронзил себя мечом, —
В урок неистовыим владыкам.*

Псалом Давида

В. Брюсов

*Меж братьями я меньшии был;
В дому отца был самый юный.
Овец я в поле выводил,
Перстам моим привычны были струны.
Кто Господу о мне сказал?
Он, сильный, сам о мне услышал!
Меня иноплеменик клял,
Но я с пращей ему навстречу вышел.
Семь братьев — все сильней меня,
Но Бог не их призвал из кущи.
Предстал мне ангел в свете дня,
Святил меня елеем всемогущим.
Смеялся грозный Голиаф,
Глумился посредине стана.
Но, у него же меч отняв,
Я голову отсек у великана!*

Преложение псалма 14

М. Ломоносов

*Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с Тобою населяет
Верх священный горных мест?*

*Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нелестным сердцем точно,
Как языком говорит.*

*Кто устами льстить не знает,
Близким не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.*

*Презирает всех лукавых,
Хвалит Вышнего рабов
И пред Ним душою правой,
Держится присяжных слов.*

В лихву дать сребро стыдится,
Мэды с невинных не берет.

Кто так жить на свете тщится,
Тот вовеки не падет.

Преложение псалма 103 (отрывок)

М. Ломоносов

Благослови, душа моя, Господа,
Господи Боже мой,
Воз величился еси зело.

Да хвалит дух мой и язык
Всесильного Творца державу,
Великолепие и славу.
О Боже мой, коль Ты велик!

Одеян чудной красотой,
Зарей Божественного света,
Ты звезды рас простер без счета
Шатру подобно пред Тобой.

Валтасар

А. Полежаев

Царь на троне сидит;
Перед ним и за ним
С раболепством немым
Ряд сатрапов стоит.
Драгоценный чертог
И блестит и горит,
И земной полубог
Пир устроить велит.
Золотая волна
Дорогого вина
Нежит чувства и кровь;
Звуки лир, юных дев
Сладострастный напев
Возжигают любовь.
Упоен, восхищен,
Царь на троне сидит –
И торжественный трон
И блестит и горит...
Вдруг неведомый страх
У царя на челе,
И уныние в очах,
Обращенных к стене.
Умолкает звук лир
И веселых речей,
И расстроенный пир
Видит (ужас очей!):
Огневая рука

Исполинским перстом
На стене пред царем
Начертала слова!..
И никто из мужей,
И царевых гостей,
И искусных волхвов
Силы огненных слов
Изъяснить не возмог.
И земной полубог
Омрачился тоской...
И еврей молодой
К Валтасару предстал
И слова прочитал:
«Мани, фекел, фарес! –
Вот слова на стене:
Волю Бога небес
Возвещают оне.
Мани значит: монарх,
Кончил царствовать ты!
Град у персов в руках –
Смысл середней черты;
Фарес – третье – гласит:
Ныне будешь убит!..»
Рек – исчез... Изумлен,
Царь не верит мечте,
Но чертог окружжен,
И... он мертв на щите!..

Всемирный потоп

Н. Трухина

А теперь зажмурься крепче
И представь: дождливый вечер.
Дождь шумит в кромешной мгле,
Кажется, что на земле,
Кроме дома твоего,
Не осталось ничего.
Но чем хуже за окном,
Тем надежнее твой дом:
Пар над чайником клубится.
За столом — родные лица.
Верный пес лежит в ногах.

Кот мурлычет на руках.
Так в ковчеге плавал Ной
Со сватами и семьей,
Как моряк на пароходе,
По великой непогоде.
Было страшно и темно,
Вся земля ушла на дно,
Из вершин и горных гряд
Устоял лишь Аракат.
Там и встал ковчег на мель
Через двадцать семь недель.

Человек

М. Гиверц

Земная твердь — всему основанье,
Даща костям моим твердость камня.
Свободной воды стремленье и сила
У крови моей, струящейся в жилах.
Мне вольного ветра дыханье дано,
И сердце, как солнце, в груди одно.
Я вижу: весь мир земной в меня вложен,
Таким сотворен я любовью Божьей.

Из поэмы «Иоанн Дамаскин»

А. К. Толстой

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от края и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коеи, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!..

О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покров!
Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отныне, вещие уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!

Стихи о доме

Дом

Н. Трухина

Вот дом — он поставлен на этой земле,
Чтоб жил человек в нем зимою в тепле,
Чтоб летом жара не вошла за порог,
Чтоб зверь одолеть его стены не мог.

Вот дом — не страшны ему бури и мрак,
Горит в нем веселый семейный очаг.
Пусть рушится царство и строится вновь,
Прочнее, чем царства, очаг и любовь.

Мой дом — моя крепость: в нем детство живет,
В нем добрая фея вовек не умрет,
В другие года и в другой стороне
Я буду домой возвращаться во сне.

Звезды загораются в небе ночном,
Окно зажигается в мире ином.
Кто дома не строил — земли не достоин.
Своими руками построим мы дом.

Рожество избы

Н. Клюев

От кудрявых стружек тянет смолью,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тёплел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шеломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянкой выпестрен конек.

По стене, как зернь, пойдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сон мерещились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепа как письмена:
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет яр с наличника окна.

И когда оческами кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о красном древоделе
По лесам, на запад и восток.

Стихи о ремёслах, крестьянском труде.

С. Дрожжин

Все зазеленело...
Солнышко блестит,
Жаворонка песня
Льется и звенит.

Бродят дождевые
В небе облака,
И о берег тихо
Плещется река.

*Весело с лошадкой
Нахарь молодой
Выезжает в поле,
Ходит бороздой.*

*А над ним все выше
Солнышко встает,
Жаворонок песню
Веселей поет.*

Путём зерна

В. Ходасевич

*Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.*

*Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.*

*И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.*

*Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.*

*И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —*

*Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.*

К. Случевский

*Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь, — блеск глаза слезит.
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.*

*И тени нет. Повсюду искры, блестки;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...*

*Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем, что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.*

*А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою, —
Другого слова нет его назвать...*

*Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!*

Сенокос

А. Майков

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят сено шевеля.

Там — сухое убирают;
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданье конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая,
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая в попыхах.

Летний дождь

А. Майков

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбара душистого хлеба!

Сенокос

Ю. Уткин

Солнце зреет над покосом,
Согревая синеву.
А по лугу ходят косы —
Васильки, ромашки ксят,
Ксят сочную траву.

Рассыпает трели где-то
Жаворонок высоко...
Хорошо косить с рассвета,
Чтобы пахло медом лета
В день морозный молоко.

Урожай

А. Кольцов

... Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлет, колосом
Почти до земли...

Ветерок по ней
Плывет — лоснится,
Золотой волной
Разбегается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрипит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени.

Век за веком

В. Брюсов

Взрывают весенние плуги
Коряющую кожу земли, —
Чтоб осенью снежные выюги
Пустынnyй простор занесли.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Врезает им грудь бороздой.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова все бело и тихо,
Лишь волки проходят, как сон.

А древние пращуры зорко
Следят за работой сынов,
Веткой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

*И дальше толстой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,*

*Влечется суровый, прилежный.
Веками завещанный труд.*

Нива

Ю. Жадовская

*Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая;
По тебе от ветра,—
Словно в синем море,—
Волны так и ходят,
Ходят на просторе.
Над тобою с песней
Жаворонок вьется;*

*Над тобой и тучи
Грозно пронесется.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая,
О людских заботах
Ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
Тучу градовую,
Сбереги нам, Боже,
Ниву трудовую!..*

Песня пахаря

А. Кольцов

*Ну, тащися, Сивка,
Пашней десятиной.
Выбелим железо
О сырую землю.*

*Красавица зорька
В небе загорелась;
Из большого леса
Солнышко выходит.*

*Весело на пашне...
Ну, тащися, Сивка.
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.*

*Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.*

*Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну, тащися, Сивка.*

*Пашеньку мы рано
С Сивкою распашем,*

*Зернышку готовим
Колыбель святую.*

*Его вспоит, вскорумт
Мать-земля сырья;
Выйдет в поле травка...
Ну, тащися, Сивка.*

*Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.*

*Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых.*

*Ну, тащися, Сивка,
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.*

*С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, Боже,
Хлеб — мое богатство.*

Косарь

А. Кольцов

Я куплю себе
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее—
И прости-прощай,
Село родное!..
В края дальние
Пойдет молодец...
Что вниз по Дону,
По набережью.
Хороши стоят
Там слободушки...
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой

Расстилается...
Ах ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понаединулась.
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и поперек,
С ней хотелось...
Разгульсь, плечо!

Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную...
Зажужжи, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава
Подкошенная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохнете...
Нагребу копен,
Намечу стогов —
Даст казачка мне
Денег пригоршни.

А. Твардовский

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким маxом тяжело
Косье в руках скрипело.
И солнце жгло,

И дело шло,
И все, казалось, пело:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

Мельница

И. Никитин

Кипит вода
ревет ручьем,
На мельнице
и стук и гром,
Колеса-то
в воде шумят,
А брызги вверх
огнем летят;
От пены-то
бугор стоит;

Что мост живой,
весь пол дрожит.
Шумит вода,
рукав трясет;
На камни рожь
дождем течет,
Под жерновом
муку родит;
Идет мука,
в глаза пылит.

Гончар

Н. Юркова

Всего-то —
Пара рук,

Простой
Гончарный круг,

Кусок
 Невзрачной глины...
 Откуда вы,
 Кувшины,
 Горшки?
 Бокалы?
 Блюда?
 Откуда вы? Откуда?
 Пузатые, просторные
 И узкодлинногорлые.
 Искусно тонкостенные —
 Необыкновенные!
 Нужна не только глина

Для крынки и кувшина.
 Но радость!
 И терпение.
 Мечта.
 И вдохновение.
 Мельтай,
 Гончарный круг
 И пара ловких рук,
 Чтоб воздух
 Пел вокруг.
 Явись,
 Простое чудо —
 Красивая посуда.

Песенка точильщиков

О. Дриз

Точим,	Будет	Хлеб,
Точим,	Резать он	Колбасы,
Точим нож!	Припасы:	Помидоры,
Будет очень	Масло,	Огурцы —
Он хорош.	Сало,	Угощайтесь, молодцы!

Кузнец

К. Бальмонт

Ты видала кузнеца?
 Он мне нравится, мой друг.
 Этот темный цвет лица,
 Эта меткость жестких рук,
 Эта близость от огня,
 Этот молот, этот стук, —
 Все в нем радует меня,
 Милый друг!

Я хочу быть кузнецом,
 Я, работая, пою,
 С запылившимся лицом
 Я смотрю на жизнь мою,
 Возле дыма и огня
 Много слов я создаю,
 В этом радость для меня, —
 Я кую!

Из стихотворения "Кухня"

О. Мандельштам

Хлебные, столовые, гибкие, стальные,
 Все ножи зубчатые, все ножи кривые.
 Нож не булавка:
 Нужна ему правка!
 И точильный камень льется
 Журчесем.
 Нож и ластится, и вьется
 Червяком.
 — Вы ножи мои, ножи!
 Серебристые ужи!

У точильщика, у Клима,
 Замечательный нажим,
 И от каждого нажима
 Нож виляет, как налим.

Трудно с кухонным ножом,
С непослушным косарем;
А с мизинцем перочинным
Мы управимся потом!
Вы ножи мои, ножи!
Серебристые ужи!

Кузнеца

Часто узким переулком
Проходил я темный дом,
В дверь смотрю на ржавый лом,
Остановлен эвоном гулким,
Едким дымом,
алой сталью
и теплом...
Крепко схватит сталь клещами
Алым залитый кузнец.
Сыплет палью, жжет конец...
Млатобойцы молотами

А. Н. Толстой
Бьют и, ухнув,
бьют и, ухнув,
гнут крестец...
Тяжко дышат груди горна...
Искры, уголья кипят,
Гнется плавленный булат...
И по стали все проворней
Молоточки,
молоточки
говорят...

Джон Ячменное Зерно

Трех королей разгневал он,
И было решено.
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжко нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать—
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Р. Бёрнс
Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног.
И, как бродягу на правеж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру...

Он был в колодец погружен—
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно.

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец.—
Отвагу подымет он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

Чем пахнут ремесла?

Д. Родари

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

Мимо столярной
Идешь мастерской, —
Стружкою пахнет
И свежей доской.

Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.

Куртка шофера
Пахнет бензином.
Блуза рабочего —
Маслом машинным.

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате —
Лекарством приятным.

Рыхлой землею,
Полем и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.

Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье
Не пахнет никак.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

Приложение 7. Материалы для 4-го класса.¹²³

Для эпохи краеведения

Стороны света

Н. Трухина

*Повернись лицом туда,
Где Полярная звезда.
Посмотри вперед —
Там Север: снег и лед.
Оглянись: за спиной
Юг — полуденный зной.*

*Справа утро — восток —
Первозданный цветок.
Слева запад — закат —
Злато-пурпурный сад.¹²⁴*

стоя на месте: поворот на север,
правая рука поднимается вверх,
указывая на звезду
медленно руки опускаются, указывая вниз
все тело поворачивается налево, но правая
нога не приставляется; левая рука
указывает на солнце в зените
опять лицом на север, правая рука медленно
поднимается на восток, следя за солнцем
левая рука быстро поднимается вверх и
потом медленно опускается в сторону заката.

Этот отрывок из «Бориса Годунова» А.Пушкина может быть вступлением к рассказам из русских летописей на эпохе краеведения.

*Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен доля, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд, усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деяния*

¹²³ Материалы предоставлены учителем МСВШ С.Ловягиным.

¹²⁴ Эдем (Рай), по преданиям древних греков, располагался на востоке.

¹²⁵ Сад Гесперид, по преданиям древних греков, был на западе.

*Спасителя смиленно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною—
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает—
Еще одно, последнее сказанье.*

«Песнь о вещем Олеге» А. Пушкина также хороша для ритмической части тех уроков, на которых учитель рассказывает русские летописи.

Песнь о вещем Олеге

*Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне
Князь по полю едет на верном коне.*

*Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну стариk одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.*

*«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».*

*«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле,
Но вижу твой жребий на светлом челе.*

*Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суши покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.*

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Цадят победителя годы...
Под грозный броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня сношего.

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опервшись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки други, возьмите коня,
Покройте попоной, можнатым ковром,
В мой луг под уездцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Все так же ль легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?

*Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня.
И хочет увидеть он кости коня.*

*Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.*

*Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!*

*Так вот где таялась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвей главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружины пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.*

Этот отрывок из «Слова о полку Игореве» также может рецитироваться на уроках краеведения, кроме того, он обладает еще одним достоинством — в нем есть такая редкая для русских текстов аллитерация.

Слово о полку Игореве
*Тогда при Олзе Гориславичи
сеящеется и растящесть усобицами;
погибаешь жизнь Даждь — Божа внука,
в Княжих крамолах веци человеком скратишасть.
Тогда по Руской земли
ретко ратаеве кикахутъ:
но часто враны гряхутъ,
трупия себе деляче;
а галици свою речь говоряхутъ,
хотять полетети на уедине.
Усобица Князем на поганыя погыбе,
рекоста бо брате брату:*

*се мое, а то може;
и начяша Князи про малое, се великое чловити,
а сами на себе крамолу қовати;
а погании с всех стран приходжаху
с победами на землю Рускую.*

Четвертый класс — время изучения фольклора своей страны. В связи с этим на ритмической части можно рецитировать былины. Мы предлагаем два отрывка из былин «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Добрыня и змей».

Из былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник»

Говорили мужички ему черниговски:

*— Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славный богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Ай по той ли по дорожке прямоезжоу
Да ѹ пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал;
Как у той ли-то у грязи-то у черноей,
Да у той ли у березы у покляпья,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Левонидова,
Сиди Соловей-разбойник во сыром дубу.
Сиди Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
А то свищет Соловей да по-солбъему,
Ен кричит, злодей — разбойник, по звериному
И от него ли-то от посвисту соловьяго,
И от него ли-то от покрику звериного,
То все травушки-мурывы уплетаются,
Все лазуревы цветочки опсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежат.*

Из былины «Добрыня и змей»

*То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Родной матушки-то он не слушатся,
Выходил он со столовой своей горенки
Да ѹ во славные полаты белокаменны,
Й одевал соби одёжицу снарядную,
Да ѹ рубашечки-манешечки шелковеньки,
Всю одеждуцу одел он да хорошенъку,
А хорошенъку одёжицу снарядную;
Выходил он из полаты белокаменной
Да ѹ на свой на славный на широк на двор,
Брал добра коня он богатырского,
Брал добра коня Добрынюшка, заседывал,
А ѹ садился-то Добрыня на добра коня,*

*Да с собою брал он паличку булатнюю,
Да и не для ради да драки·кроволитъица великаго,
А он брал то для потехи молодецкою.
То повыехал Добрынюшка в чисто поле
На добром кони на богатырскоем,
То он ездил целый день с утра до вечера
Да по славну по роздольицу чисту полю.
Похотелось·то молодому Добрынюшки
Ему съездити во далече чисто поле,
Да и ко тым горам ко Сорочинским,
Да и ко тым норам да ко змеиным.
И он спустил коня да богатырского,
Да и поехал по роздольицу чисту полю.
Еще день за день как быдто дождь дождит,
Да и недели за неделей как река бежит:
То он день едет по красному по солнышку,
Да он в ночь ехал по светлому по месяцу.
Приезжал он ко горам да к Сорочинским,
Стал он ездить по роздольицу чисту полю,
Он·то ездил целый день с утра до вечера,
Потоптал он много·множество змеёнышов.
Еще день за день как быдто дождь дождит,
Да и неделя за неделю как река бежит,
То он в день едёт по красному по солнышку,
А он в ночь едёт по светлому по месяцу,
Он повыехал в роздольице в чисто поле.
...Похотелось тут молодому Добрынюшки
Покупаться во Пучай·реки, поныркать.
Там на тую пору, на то времецко
Да издалеча·далече из чиста поля,
Из·под западней да с·под сторонушки,
Да и не дождь дождит да и то не гром громит,
А и не гром громит, да шум велик идет:
Налетела над молёдаго Добрынюшку
А и змеинышо да то Горынишо,
А и о трех змейнышо о головах,
О двенадцати она о хоботах...*

Исполнение былин — дело далеко не простое, поэтому, во избежание ошибок, приводим здесь отрывок из книги Т. Поповой «Основы русской народной музыки» (Москва, Музыка, 1977, из главы 7).

«...В устном творчестве многих народов особо выделяются героические повествования о далеком историческом прошлом, действующими лицами которых обычно являются герои, носители типичных особенностей характера народа...

Идея защиты родины, борьбы за единство русской земли лежит в основе содержания лучших былин и объединяет отдельные героические сказания в монументальный цикл. Горячей любовью к родине и ее природе проникнут поэтический былинный зчин, повествующий о необъятном просторе и широком раздолье родной земли, ее морях и реках; это своеобразное «присловье» предваряет многие былины, разнообразные по содержанию:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота Океан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские.

Сказители. Эпические сказы исполнялись высокоодаренными певцами-сказителями... Уменье сказывать былины требует не только особой одаренности, но, кроме того, и специальной выучки, как бы «школы». В прежнее время искусство былинного сказа нередко передавалось от отца к сыну, от деда кнуку. Известная семья Рябининых дала в XIX и XX веках ряд замечательных сказителей на протяжении четырех-пяти поколений. Даровитыми сказителями были мать и дед известной советской сказительницы М. Крюковой, сочинявшей в середине 30-х годов эпические сказы на современные темы.

Народное название северной былины—стáрина. Былинные напевы не закреплены за определенными текстами. Это типовые напевы—формулы. Каждый сказитель поет все известные ему былины с двумя—тремя излюбленными напевами...

Стиховой склад былин своеобразен. Количество слогов в каждой строке неодинаково: от девяти до шестнадцати; три главных логических ударения ярко подчеркиваются в исполнении путем акцентировки или же музыкально-ритмического растягивания:

На чест-ном пи-ру Вла-дй-мир стал по-хá-жи-вать:
«Ай же вы мо-и да кня-зи, бб-я-ре,
Силь-ны рýсс-ки-е мо-гú-чи-е бо-гá-ты-ри...»

Первый ударный слог каждой стиховой строки обычно предваряется двумя неударными слогами, образуя в напеве затакт. За самым последним акцентным слогом следуют два мягких неакцентных (дактилическое окончание); в напеве один из этих заключительных слогов, а иногда все три, подчеркивают ритмическим растягиванием (иногда и распеванием), и это создает впечатление величавости...

...Скоморошины — особая группа русских эпических сказов шуточного, комедийного характера. В некоторых из них скоморохи выступают в качестве действующих лиц (*«Вавила и скоморохи»*, *«Про гостя Терентьища»*); такие повествования

остались по-видимому от скоморошьего репертуара. Стихотворные строчки скоморошьих сказов короче, чем в старинах. Исполняются они в более скором темпе. Одни напевы представляют собой речитативную скороговорку, другие по своему ритму близки плясовым песням...»

С настроением былинного зачина перекликается известное произведение древнерусской литературы «Слово о погибели Русской земли», которое также можно взять для ритмической части.

О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишися, реками и источниками местничтими, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Можно взять часть этого текста на древнерусском языке. Особенно прекрасно звучит самое начало «Слова...».

К празднику архангела Михаила можно разучить стихотворение «Сказка» Б. Пастернака. В начале приводим текст стихотворения полностью, а ниже — описание расположения детей при рецитации.

Рассказчик — эпически с нарастанием	<p>{ 1. В старь, во время оно, В сказочном kraю Пробирался конный Степью по репью.</p>
Рассказчик —	<p>{ 2. Он спешил на сечу, А в степной пыли Темный лес навстречу Вырастал вдали.</p>
Георгий	<p>{ 3. Ныло ретивое, На сердце скребло: Бойся водопоя, Подтяни седло.</p>
	} отдельный голос
	<p>{ 4. Не послушал конный И во весь опор Залетел с разгону На лесной бугор.</p>
	} чтение в ритме скачки:
	<p>{ 5. Повернул с кургана, Въехал в суходол, Миновал поляну, Гору перешел.</p>

постепенное замедление темпа

6. И забрел в ложбину.
И лесной тропой
Вышел на звериный
След и водопой.

ритмично и достаточно быстро

7. И глухой к призыву,
И не вняв чутью,
Свел коня с обрыва
Попоить к ручью.

8. У ручья пещера,
Пред пещерой — брод
Как бы пламя серы
Озаряло вход.

медленно,
таинственно

9. И в дыму багровом,
Застилавшем взор,
Отдаленным зовом
Огласился бор.

с ударением
усиление
напряжения речи
отдельный голос, только
одно слово — громко и
призывающе

Рассказчик

10. И тогда оврагом,
Вздрогнув, напрямик
Тронул конный шагом
На призывный крик.

от первой
строки

11. И увидел конный,
И приник к копью,
Голову дракона,
Хвост и чешую

к последней
голосу
усиливается.
громко, четко и страшно,
завершая предыдущее
нарастание

Змей

12. Пламенем из зева

Рассевал он свет,
В три кольца вокруг девы
Обмотав хребет.

словами как бы
«обматывая деву»

драматически
напряженно

13. Туловище змея,
Как концом бича,
Поводило шеей
У ее плеча.

произнести так,
как бьет бич

14. Той страны обычай
Пленницу красу
Отдавал в добычу
Чудищу в лесу.

Дева,
этически
спокойно

15. Края населенье
Хижины свои
Выкупало пеней
Этой от змеи.

слово произнести
с ударением

Змей,
самый
драматический
момент!

Георгий

Георгий,

Рассказчик,
спокойно

16. Змей обвил ей руку
И оплел гортнью,
Получив на муку
В жертву эту дань.

17. Посмотрел с мольбою
Всадник в высъ небес
И копье для боя
Взял наперевес.

Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века.

18. Конный в шлеме сбитом,
Сшибленный в бою.
Верный конь, копытом
Топчущий змею.

19. Конь и труп дракона
Рядом на песке.
В обмороке конный,
Дева в столбняке.

Светел свод полдневный,
Синева нежна.
Кто она? Царевна?
Дочь земли? Княжна?

То в избытке счастья
Слезы в три ручья,
То душа во власти
Сна и забытья.

То возврат здоровья,
То недвижность жил
От потери крови
И упадка сил.

Но сердца их бьются.
То она, то он
Силятся очнуться
И впадают в сон.

20. Сомкнутые веки.
Выси. Облака
Воды. Броды. Реки.
Годы и века.

как бы обращаясь к
небесам, тон соответ-
ствующий
решительно

начинается бой
читать мужественно,
решительно

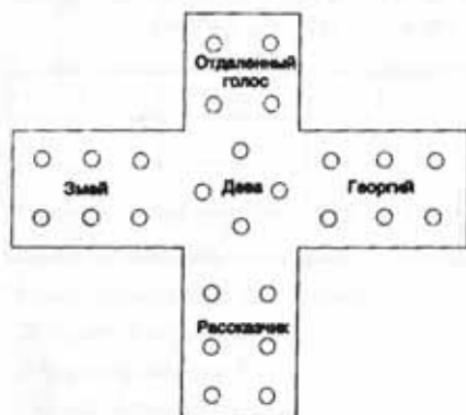
здесь начинается
канон

Рассказчик

плавно, рисуя картину,
с паузами,
третью строку
читать текуче

Непронумерованные четверостишия учитель при разучи-
вании исключил.

**Описание рецитации
стихотворения «Сказка» Б.Пастернака
к празднику Архангела Михаила.**

Класс построен крестом.

• Дева — четыре девочки, стоящие спинами друг к другу крестом.

Змей, Георгий — симметрично и равночисленно в два ряда, стоят лицом к зрителям.

Отдаленный голос — четыре человека в два ряда лицом к зрителям.

Рассказчик — два ряда лицом к зрителям.

Данная работа характерна для этого возраста, ученики упражняются только в речи, все движения происходят внутри. Центральной частью рецитации является битва Георгия со змеем. Эту задачу позволяет решить канон, начинающийся после 18-го четверостишья (после слов «Топчущий змею...»).

1. Начинается он «Девой», повторяющей четверостишие 14 («Той страны обычай...»), другие голоса молчат. Это создает образ одинокой девы, ожидающей смертоносного змея.

2. После того, как «Дева» первый раз прочла это четверостишие, вступает «Змей» со словами: «Змей обвил ей руку...» (16-е четверостишие). Параллельно ему, вторым голосом канона, «Дева» вновь читает свое 14-е четверостишие. Однако «Змей» рецитирует с большей силой. В нашей картине появляется могучий, несущий смерть змей.

3. После того, как «Змей» и «Дева» одновременно заканчивают свои четверостишия, вступает «Георгий» со словами «Конный в шлеме сбитом...» (18-е четверостишие).

Одновременно с ним «Дева» в третий раз читает свои слова, а «Змей» во второй — свои. Получается канон на три голоса. Возникает образ вступившего в бой Георгия. Партия Георгия звучит так же сильно, как и партия «Змея».

4. После третьего прочтения 14-го четверостишия «Дева» смолкает. «Змей» в третий раз читает свои слова, «Георгий» — во второй. Голос Змея должен сейчас звучать с меньшей силой, чем голос «Георгия». Бой продолжается, однако Георгий начинает побеждать. Дева — «в столбяке».

5. Сказав трижды свои слова, «Змей» смолкает. В третий раз звучат слова «Георгия». Это — победа. Змей повержен. На этом канон заканчивается и далее стихотворение продолжается с 19-го четверостишия до конца. Схематично можно следующим образом изобразить вступления разных голосов канона:

	1	2	3	4	5
Дева	14	14	14	—	—
Змей	—	16	16	16	—
Георгий	—	—	18	18	18